

Ю Л И Я Р Е З Н И К

СЕМЬ

A person with long, dark hair, seen from behind, wearing a green jacket, stands on a road or path, looking out over a vast, hazy landscape. The sky is a deep blue with scattered white clouds. A large, white, cloud-like shape resembling the number 7 is prominent in the sky. The word 'СЕМЬ' is overlaid in large, bold, orange letters across the lower part of the image.

Юлия Резник

Семь

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

Будущее. Человечество находится на грани вымирания. Вся надежда на Избранных, и муж умирающей Наны – один из них. Вместе их ждёт великая битва за жизнь, в ходе которой им предстоит понять, за какие грехи людям выставлен счёт. Вместе им предстоит этот счёт оплатить...

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	4
1. Чревоугодие.	10
2. Зависть.	55
3. Гнев	82
4. Гордыня	106
5. Уныние	135
6. Алчность	155
7. Похоть	181
Эпилог	204

Юлия Резник

Семь

Пролог

Нана

Привет-привет! Меня зовут Нана, мне двадцать пять, и, подозреваю, вы думаете, что мне повезло. Фото из Инстаграм говорят сами за себя. У меня красивая жизнь, красивый муж и красивые платья. Море у моих ног – самое чистое. Вино в моем бокале – самое вкусное. Объятия моего мужчины – самые крепкие, а взгляд – самый влюблённый. Но жизнь – это не то, что кажется. Правда заключается в том, что вот уже который год я веду жестокую борьбу со смертью. Вино в бокале – всего лишь сок. Алкоголь мне давно противопоказан. Шикарные платья – ширма, скрывающая болезненно исхудавшее тело. Из неподдельного... только мужчина.

И, нет, не подумайте, меня не нужно жалеть! Я пришла не за этим... Мне нужна трансплантация. Думаете, в наше время с этим нет никаких проблем? Наверное... Мы здорово научились использовать пуповинную кровь. Но все дело в том, что мои образцы были уничтожены очередным терактом. Именно поэтому у меня осталась одна единствен-

ная надежда – мои возможные братья и сестры. Да, вы не ослышались. Так уж сложилось, что моим биологическим отцом был донор спермы под номером VV711654Z6. И я ищущих всех тех, кто был зачат от него же. Вы – моя последняя надежда. Время идёт на дни. За репост плюсики в карму.

Я несколько раз пробежала по тексту глазами, провела рукой по голове и отправила свое послание в сеть. Через несколько секунд его прочитают тысячи пользователей и разнесут дальше по бесконечному кругу. Через пару часов число просмотров достигнет нескольких миллионов. Если, конечно, хейтеры и фолловеры отработают так, как следует. В чем я даже не сомневалась.

Дверь в палату отъехала в сторону. На пороге возник мой муж. Мы вместе уже три года, два из которых нам пришлось отвоевывать у болезни. Все это время я не могла не думать о том, почему? Что я сделала не так? Где оступилась? Искла смысл, в попытке постигнуть непостижимое. Иногда мне казалось, что ответов на мои вопросы просто не существует. Но привыкнув, что все в этом мире имеет своё объяснение, я не могла остановиться и спрашивала небо снова и снова. Пока в мою голову не пришла страшная догадка – моя болезнь стала расплатой за невыносимое счастье быть с ним...

– Привет, – бодро поздоровался Яков. Подошёл к окну и чуть прокрутил жалюзи, впуская в палату свет.

Не так давно, совершенно случайно, на глаза мне попа-

лось послание людей из прошлого. Оно было опубликовано на одном из новостных ресурсов, которые до этого я практически никогда не читала. Люди начала двадцать первого века всерьёз полагали, что спустя сотню лет человечеству удастся победить все болезни и колонизировать космос. На самом деле все обстояло совершенно не так.

– Привет. А я уже страшно соскучилась!

Яков обернулся, улыбнулся, как только он один умел, и в палате стало ещё немного светлее.

– Как прошло твоё утро?

– Хорошо? Да, наверное, хорошо... Я сделала это.

– Сделала, что?

– Свой каминг-аут, – улыбнулась, припомнив смешное старинное слово.

Яков сдвинул брови, по-видимому, не разделяя моего веселья.

– Зачем, Нана?

– Это мой последний шанс. Ты не можешь не понимать, что больше мне ничего не осталось.

– Теперь...

– Теперь я потеряю свой статус, – пожала плечами, озвучивая очевидное. – Зато, вполне возможно, не потеряю жизнь. Это сейчас главное. Не находишь?

Муж смотрел на меня молча. Я умираю тысячью смертей, а он – молчал. Впервые я усомнилась в его любви. Любви, которую до этого считала абсолютной. Он ежесекундно её

доказывал своими поступками. Словам я бы не поверила так безоглядно...

Наконец Яков прервал молчание:

– Я так старался, милая... Так старался!

О, нет! Нет, я не хочу это видеть. В глазах Якова не должно быть слез! Никогда до этого я не видела его сломленным или плачущим. Он был тем, в ком я черпала жизнь...

– Ну же, перестань! Ещё не все потеряно... Вполне возможно, что кто-то из моих братьев или сестёр откликнется...

В лице мужа что-то дрогнуло. Изменилось. И мне уже во второй раз за сегодняшний день стало страшно.

– Я очень на это надеюсь. Иначе... не будет ничего, Нана. Ничего не будет...

Он обнял меня. Отчаянно. Теперь я понимала, что Яков тоже находится на пределе. Моя болезнь стала для нас большим испытанием.

– Пресса сойдёт с ума...

Ещё бы. Нечасто те, кого причисляли к элите, сознавались в своём далеко не элитарном происхождении. Мне вряд ли простят, что я так долго прикидывалась тем, кем не была. А была я обычным ребёнком из пробирки, коих на Земле теперь подавляющее большинство. Спросите, почему? Все до неприличия банально – экология. То, что люди сделали с планетой, обернулось против них же. Они практически полностью утратили способность к размножению. Стали бесплодными, подобно земле, которую веками опустоша-

ли... Из десяти миллиардов людей, населяющих планету, едва ли сто миллионов были способны зачать естественным путём. Пятьдесят миллионов элитарных пар. Остальные... в лучшем случае, как и моя мать, прибегали к услугам доноров. Наравне с ценными бумагами, технологиями, драгоценными камнями и металлами, донорский материал в наше время был приравнен к валюте. Оставалось не так уж и много людей, способных его себе позволить. Дети стали нашей высшей ценностью. Их отсутствие – проклятьем. Население стремительно старело. По прогнозам ученых, в ближайшие двадцать лет популяция людей сократится втрое. Мать-природа сама нашла способ, как возродить землю...

– Меня это мало волнует. А тебя?

Я подняла веки и со страхом заглянула в глаза мужа. Передо мной сидел абсолютно здоровый самец. Желанный для миллионов таких же здоровых самок. Способный произвести потомство, а потому принадлежащий к привилегированной касте людей. И он принадлежал ей по праву. Я же... Я же была бесплодна, как и большая часть землян. По какому-то недосмотру судьбы, дети из пробирки практически всегда рождались бесплодными. Пустыми... А потому не представляли никакой ценности. Наш брак был абсолютным мезальянсом. Я не имела никакого права на такого мужчину. Но разве я могла ему отказать, когда он так уверенно заявлял, что мы со всем справимся? Мой Яков. Мой муж...

– Я справлюсь. Мы справимся! Со всем.

– Мне нужно было обсудить своё решение с тобой. – Признавшись в том, что не являюсь избранной, я поставила под удар не только свою репутацию. Я поставила под удар репутацию мужа. Ко мне вдруг пришло запоздалое раскаяние.

– Да... Но ведь уже поздно идти на попятный.

Яков улыбнулся, отчего тонкая сеточка морщин вокруг его глаз проступила немного сильнее. Сейчас я любила каждую из этих тонких линий, а раньше... а раньше боялась их. Не потому, что они ужасно смотрелись, или что-то вроде этого... Просто морщинки Якова напоминали мне о годах, что нас разделяли. И я так страшилась, что мне придётся жить без него, что небо заберёт у меня самую большую ценность в жизни... Смешно. Но тогда я и предположить не могла, что кто-то решит забрать самую мою жизнь...

1. Чревоугодие.

Нана

Завтрак... Как насмешка, серьёзно... Ну, зачем они каждый раз мне его приносят, если я даже есть не могу?! Не могу...

– Давайте, Нана... Всего пару ложечек...

Смотрю на вязкую, мутную субстанцию на тарелке, подавляя в себе рвотные спазмы. Почти с ненавистью смотрю... Организм отказывается принимать пищу. Последние полгода – отказывается. И эта бестолковая дура, что тычет мне ложкой в лицо... Она ведь должна это знать?!

– Нет.

– Нана, я...

– Нет!

Я в отчаянии взмахиваю руками. Они меня плохо слушаются, будто живут своей жизнью... Или, наоборот, не живут. Умерли. И теперь бесполезными плетьюми свисают вдоль тела.

– Ну, вот... Посмотрите, что вы наделали...

Опускаю взгляд. На безупречно белом хлопке одеяла – трясущиеся кусочки сран*го желе. Я опять сорвалась... В носу щиплет. И в который раз в голове – за что? Почему я? Где оступилась, чем заслужила эту муку? За какие грехи?! Устала... как же чертовски сильно устала...

– Уберите это все.

Аккуратно, придерживаясь за поручень, спускаю ноги с кровати. Сиделка тут же бросается мне на помощь, а это проклятое желе летит на пол с отброшенного мною прочь одеяла.

– Куда же вы, Нана?!

Голос сиделки полон праведного негодования и слишком визглив. Мне хочется закрыть уши. Закрыть глаза... Перекрыть ход мыслям, что безостановочно скачут в голове. Так странно... тело уже не слушается. Тело почти умерло. Но не голова. Голова все ещё в полном порядке. Голове хочется жить! Больше всего хочется...

– Я просмотрю свои обновления.

Могла бы не объяснять. Но почему-то почувствовала себя виноватой перед этой безмозглой бабой... Которой так тяжело запомнить, что я не могу есть!

Надеваю на глаза обруч. Открываю сеть. Тысячи сообщений... Тысячи.

«Зачем вы нас всех обманывали?» – в топку.

«Бог наказал тебя за обман!» – в топку.

«Держись, Нана, Бог – милосерден» – после секундной паузы – в топку. Враньё!

«Мне нравились ваши сюжеты. Зря вы закрыли свой блог» – лайк. Блог я закрыла потому, что не было сил работать. А ещё... мне хотелось быть с мужем. Тратить время на что-то ещё... было просто невыносимо. Я хотела быть с ним

каждую оставшуюся секунду. Впитывая его в себя. Жадно, ненасытно...

Сотни бессмысленных слов. Пожалуй, зря я не подумала о том, что в этом шлаке будет трудно найти то, что мне действительно нужно. Как теперь быть?

– Привет. Ну, и что там такого интересного пишут?

Вскидываю взгляд. Встречаюсь с цепким взглядом мужа. Что он ищет в глубине моих глаз? Отголоски боли? Мне больно, Яков, мне так ужасно больно... Но я бы терпела эту боль снова и снова, если бы знала, что это моя дорога к тебе.

– Привет, дорогой.

Он целует меня. Нежно. Так чертовски нежно. Будто бы я рассыплюсь от его поцелуев. Хотя, скорее, это случится без них... Яков зарывается носом в мои волосы. Мои пропахшие лекарствами волосы... Вдыхает их, я уверена, горький аромат. Горечь теперь повсюду...

– Чем занимаешься? – муж отбирает мой обруч и, устроившись на подлокотнике кресла, надевает его себе на глаза.

– Просматриваю комментарии. Понятия не имею, как найду среди них нужную информацию. Как найду их...

Он откладывает в сторону гаджет и, вздернув бровь, смотрит на меня. В глазах Якова пляшут черти. Он качает головой и улыбается. Снисходительно, но тепло. Будто бы неразумному ребёнку.

– Не переживай, Нана. Над этим уже работают.

Нервно облизываю губы. Когда-то красивые...

– Уже? – удивляюсь я.

Яков смеётся:

– Видишь, как хорошо я тебя изучил?

Я опускаю веки. Действительно... Хорошо. Знает, что я сначала действую, а потом думаю. Знает и принимает, как данность, не пытаюсь меня изменить.

– Вижу, хороший мой. – Сжимаю его руку. Он понимает – наклоняется, и я касаюсь его губ.

– Собственно, наши поиски уже дали результаты... Долго думал, говорить ли тебе... Но один человек подтвердил ваше родство.

– Ты видел его метрику?! – вскидываюсь я.

– Да, но мы не видели его тестов. Поэтому...

– Мне ещё рано радоваться?

– Именно так.

– Кто это?! Мужчина, женщина? Ты уже видел этого человека?

Мысли в голове лихорадочно скачут. Тело охватывает нервная дрожь. Чувство сродни наркотическому опьянению. А я знаю в нем толк. В попытке избавиться от боли, мы испробовали столько всего...

– Парень. Чуть старше тебя.

– Кто он? Чем занимается... Господи, это ведь мой брат... Брат! У меня есть брат! Яков!

– Здесь скоро все станут братьями и сёстрами, Нана...

О, да... Так и есть. Криобанки полны... Человечество все-

ми силами пытается сохранить популяцию. Пусть даже искусственным путём. Бесконтрольная торговля биоматериалом и, как результат – все возрастающая вероятность кровосмешения. Неоконсерваторы сделали себе неплохие рейтинги на последних выборах, лоббируя поправку об обязательном чипировании детей из пробирки. Чертовы ксенофобы!

– Думаешь, первую поправку не примут?

– Это вызовет массовые протесты, Нана. Правительство к ним пока не готово.

Еще бы! Эти ребята предложили вживлять всем детям, рождённым от донора, чип, содержащий зашифрованные данные о его биологических родителях. Якобы для того, чтобы в дальнейшем уберечь людей от вступления в кровосмесительные союзы.

– Сраные ублюдки.

– Эй, детка... Разве чип – не лучший выход из положения?

– Конечно же, нет! Заклеймить человека, чтобы отслеживать все его контакты?! А дальше что? Пробирочных стонят в резервацию?! Как индейцев в прошлом?!

– Индейцев... В резервации помещали индейцев. Коренных жителей Америки.

– Да, похрен, Яков... Они стремятся ограничить нашу свободу... Но мы ведь такие же люди... Мы – абсолютно такие же! Когда меня вскроют... чем я буду отличаться от избранных? Только тем, что мои чёртовы яичники не в состоянии произвести жизнеспособную яйцеклетку?

Мой голос слабел, отчего истерика, угадывающаяся в нем, должно быть, выглядела особенно впечатляюще.

– Тебя... не... вскроют. Ты... будешь... жить!

Голос мужа заледенел. Наверное, пора завязывать с эмоциями, на которые нет сил. Ни у него, ни у меня.

– Да... Да! Я буду жить...

Яков

Я не мог допустить к Нане непроверенного человека. А она отчего-то вбила себе в голову, что непременно должна познакомиться со своим кровным братом. Я знал жену достаточно хорошо, чтобы понимать, что она ни за что не откажется от этой затеи. А значит, у меня оставался только один вариант.

Место, где мне назначили встречу, было, скажем прямо, скверным. Избранные не захаживали в этот квартал. У меня же не было выхода. Я должен был лично проверить этого парня. Донора... Брата...

В глубине улицы послышался шум. Я напрягся, сжимая в руке пистолет. Банка с колой. Звук издавала катящаяся по асфальту жестянка. Дерьмо.

Пару секунд спустя от зловещей черноты подворотни отделилась тень. Сделала шаг, другой и замерла в острых лезвиях лунного света.

– Яков?

– Ной? Рад встрече.

– Следуй за мной. Здесь может быть небезопасно.

Я осмотрелся, прислушиваясь к себе, и, секунду спустя, бесшумно двинулся вслед за парнем.

– Ты здесь живёшь?

– Да, неподалёку.

– Я думал, что в этом районе промышляют лишь маргиналы.

– Таким, как ты, свойственно ошибаться.

– Таким, как я?

– Избранным.

Я покосился на парня, не посчитав нужным спорить. В этой жизни ошибались все. В ней не было правды и не было справедливости.

В молчании, мы прошли вдоль обшарпанных многоэтажек, свернули вбок, и очутились прямо напротив входа в загаженный бар. Хлипкая дверь резко отворилась.

– Добро пожаловать, – раздался насмешливый голос Ноя.

Проигнорировав выпад парня, я прошёл через полутемную комнату и устроился за единственным свободным столиком. Кислый смрад дерьмового пива пропитал все кругом.

– Ну... И чего ты хотел? – поинтересовался Ной, протягивая мне бутылку.

– Да так... Узнать тебя немного перед тем, как вы познакомитесь с Наной.

– Познакомимся? Я не соглашался ни на какие знакомства, мужик.

– Но ты ведь не станешь отказывать в малом тяжело больной сестре?

– Вот только не надо этого! Хорошо? – на пустом, как мне казалось, месте вспылил парень. – Не смей давить на жалость! У меня её к избранным нет.

– Почему же? Они такие же люди...

– Да ну? Никогда бы не подумал! Наверное, поэтому Нана скрывала правду о своём происхождении?

Это был удар ниже пояса. Очень и очень меткий удар.

– Не тебе её судить.

– А я и не берусь. Но от этого правда не потускнеет.

Я откинулся на спинку стула, понимая, что разговор будет нелегким.

– Если не жалость... Тогда что же заставило тебя одним из первых откликнуться на зов моей жены?

Ной мазнул по мне внимательным взглядом. Цепким и как-ким-то... понимающим, что ли? Вот, только, что он мог понимать?

– Я откликнулся на твой зов. Не на её.

– О чем ты?

– Я знаю, как это – терять любимого человека. Знаю, каково это – быть абсолютно бессильным.

– Ты меня пожалел?

Я не мог поверить своим ушам. Этот сопляк жалел меня? Меня?!

– Да разве я могу? Где ты, а где я... Какая жалость, чу-

вак? – пожал плечами Ной, отодвигая стул. – Когда мне можно будет сдать анализы? Хочется покончить со всем этим дерьмом как можно быстрее.

Этот парень был абсолютно неправильным. Мои инстинкты вопили о том, что он не тот, за кого себя выдаёт. Ной обладал какой-то скрытой глубиной, некой двойственностью. Я не мог его разгадать. Не мог вычислить.

– Подходи завтра к восьми в госпиталь святой Анны.

Я протянул Ною руку, но он её проигнорировал, настороженно к чему-то прислушиваясь.

– Тш... – шикнул парень, сделав пару бесшумных шагов по направлению к смердящим мусорным бакам. Затаился на пару секунд, а потом рванул вперёд, заставляя меня ещё сильнее напрячься. Отточенная грация его движений говорила сама за себя – Ной не был обычным человеком. Он был тренированным воином. Таким же, как и я.

Парень был страшно доволен, когда вновь появился в поле моего зрения.

– Крыса?

– Обед, – оскалился Ной, вытирая от крови нож, которым только что перерезал пойманной крысе глотку.

– Ты разве не слышал о налоговых льготах для вегетарианцев?

– Чего только не придумают избранные, чтобы спасти собственную шкуру...

Ной запихнул крысиную тушку в неизвестно откуда взяв-

шийся пакет и незаметно осмотрелся.

– Животноводство и впрямь вредило экологии. Ты не можешь этого отрицать.

– Хе*ня.

– Статистика говорит об обратном. Сто лет назад более восемнадцати процентов от всех мировых парниковых газов приходилось на домашний скот. Так не могло продолжаться.

Парень заложил палец за пояс джинсов. Качнулся на пятках. Смерил меня своим нечитабельным взглядом, перед тем как спросить:

– Лично ты – отказался от мяса?

Я немного помедлил:

– Нет.

Ной многозначительно хмыкнул и, закинув пакет на плечо, неспешно двинулся вниз по улице:

– Я буду в госпитале к восьми. И если ты все ещё думаешь, что я соглашусь познакомиться с твоей женой – оставь свои мечты прямо на этой помойке.

– Она также твоя сестра.

– Моя сестра никогда бы не оскорбила себя, притворяясь избранной.

Мне нечего было ответить. Ной был прав. Во всем. Кроме того, что Нана пошла на этот шаг добровольно. На самом деле у неё не было выбора. Не было...

Чтобы быть со мной, Нана была вынуждена переступить через свои принципы. Как избранный высокого ранга, я не

мог вступить в брак с бесплодной. Это не было запрещено законодательством Конфедерации. Однако, для таких, как я – существовали неписанные правила. Моя девочка их понимала. Иногда я задумывался – а не стала ли её болезнь расплатой за вынужденную сделку с совестью? Но тут же гнал от себя эти мысли! Мысли, которые взрывали мой мозг и разьедали душу. Мысли, которые занозой сидели во мне... Удивительно. Я думал, что хуже болезни Наны со мной уже вряд ли что может случиться. Но я ошибался. Играя роль избранной рядом со мной, под улыбающейся маской золотой девочки, Нана покрывалась трещинами и пустотами. Будто бы она собственной жизненной силой подкармливала прожорливое пламя обмана... А я его даже не замечал...

Включив в машине автопилот, я закрыл глаза и устало откинулся в кресле. Звуки ночного города остались снаружи. Меня окутала тишина, которая в последнее время стала по-настоящему оглушающей. Гнетущей. Беспощадной. Чтобы избавиться от неё, включил радио. Лучше уж слушать новости. Хоть что-нибудь слушать... Робот хорошо поставленным размеренным голосом вещал мне о том, что силами антитеррористического подразделения Конфедерации был предотвращён очередной теракт. Объектами атак в последнее время, как правило, становились хранилища криобанков. А их организаторами – зародившееся в начале века радикальное течение «Свободные». Эти ребята вели активную подрывную деятельность... Выступали против полити-

ки, проводимой Правительством Избранных. В общем, всячески дурили людям головы, оправдывая свои преступления борьбой за равноправие. Лично я их мотивы понять не мог. Не потому, что сам был избранным. И даже не потому, что был действующим членом Военного совета Конфедерации. Все дело в том, что существующему строю не было альтернативы. Избранные действовали исходя из реалий жизни. Они делали все, чтобы эту самую жизнь сохранить. Абсолютно все...

Нана

Снова взрыв... Очередной криобанк взлетел в воздух. И это учитывая беспрецедентные меры безопасности, которые предпринимались правительством для сохранности донорского материала.

Видит Бог... Я пыталась понять логику Свободных... Черт, да я ведь и сама была пустой! А потому видела пренебрежение избранных, несправедливость, царящую в нашем обществе... Но ведь именно избранные были последним шансом землян. Не будет их... Не будет и нас. Вот только достаточно ли этого для того, чтобы избранные так сильно нагтели? Делало ли их это кем-то исключительным? Действительно ли давало право на все те индульгенции, которыми они без зазрения совести пользовались?

– Привет...

– Привет, Яков... Как прошла ночь? Ты выглядишь уста-

лым, – заметила я, пристально разглядывая мужа.

– Очередной взрыв, Нана... Я практически не спал.

– Нашел какие-нибудь зацепки?

– Мы почти вычислили исполнителя. Пришлось даже вспомнить навыки ближнего боя.

– Ты подобрался так близко?!

Яков беззаботно пожал плечами:

– Славная выдалась ночь.

– Я могла тебя потерять... – прошептала потрясенно, заметив небольшой порез у Якова на щеке. Осторожно коснулась его дрожащими пальцами. Закусила губу. В последнее время я так редко вспоминала о том, насколько опасной была работа моего мужа... Я думала лишь о себе!

– Нет. Не могла. Я здорово задал этой мрази... Поверь, он выглядит еще хуже.

Яков предпочел сделать вид, что ничего особенного не случилось, а я... Я не могла. В голове засела страшная мысль – а что бы я делала, если бы с ним и правда случилась беда?

– Ну же... Не кисни! Хочешь... сходим куда-нибудь?

– Правда?! Мы можем покинуть палату?

– Угу... Доктор сказал, что тебе сегодня получше.

Я улыбнулась и радостно качнула головой. Такие дни действительно случались. С каждым разом все реже. На некоторое время болезнь как будто отступала. И уходила боль. Я чувствовала себя почти нормальной... Почти живой.

Идея выйти из больничной палаты была очень заманчивой. Но на уме у меня было совсем другое. Я загадочно улыбнулась... И Яков сразу же разгадал мой замысел.

– Нет... Девочка... не нужно, милая, правда.

– Подойди...

На самом деле во мне не было и капли уверенности. Я больше не была привлекательной... Не была сексуальной. Я лишь только могла надеяться, что Яков все еще хочет меня. Последний раз мы были вместе слишком давно... Слишком давно для любого нормального мужчины. Я не могла не думать о том, что однажды... он может не выдержать такой жизни. А потому, когда боль хоть немного отступала, я использовала любую возможность, чтобы быть с ним...

– Подойди, – повторила настойчивее.

Он облизал губы и склонился надо мной. Поцеловал. Нежно. Едва касаясь... Совсем не так, как это делал раньше. Я прикусила его губу, протестуя, и потянулась к пряжке на брюках.

– Заблокируй дверь, – шепнула куда-то в шею.

Он послушно выполнил мой приказ. Щелкнул пультом, отбросил его. А после выпрямился во весь рост, вытянув руки по швам. Мышцы на его шее были напряжены. Крылья носа подрагивали, выдавая силу желания. Я выдохнула тайком. Значит... несмотря ни на что, Яков хочет меня. Любую... Понимание этого теплым комком свернулось где-то внизу живота. Я игриво провела ладонью по вздутой ширин-

ке. Он запрокинул голову. Я скользнула внутрь, сжимая через трикотаж боксеров крепкую, слегка влажную плоть.

– Сделай это...

Облизнув губы, я чуть приспустила его одежду. Прямо перед моим лицом оказался длинный напряженный ствол с округлой головкой. Я мягко лизнула ее. Он зашипел.

– Давай... Милая, возьми его! Я так нуждаюсь в этом...

Разве я могла ему отказать? Нет ничего лучше его терпкого вкуса на моих губах. Он не продержится долго – знаю. Тем лучше, я устаю с каждым разом все сильнее, но, как бы ни было, отказаться от этих минут не могу. Покуда это возможно. Всасываю сильнее. Языком тереблю уздечку, одновременно с этим прижимая головку к небу. Яков не в силах больше себя контролировать. Отчаянными рывками толкается в мой рот и с криком кончает. Сглатываю. С каким-то бесшабашным весельем отмечая тот факт, что его драгоценная во всех смыслах сперма – моя единственная еда за долгое-долгое время. Смеюсь...

– Неплохой перекус, любимый... В меню кафе, я думаю, такого нет.

Он все еще задыхается. Под рубашкой, которую Яков так и не снял, его спина покрыта испариной. Он дрожит и трется низом своего живота о мое лицо. Успокаивается...

– Я так тебя люблю... Но больше никогда... Не проси... Это неправильно.

– Неправильно то, что мы занимаемся любовью не так ча-

сто, как нам того бы хотелось. Ну же, Яков, не будь занудой...

Я, конечно, бодрюсь. Секс вымотал меня, даже несмотря на то, что это был просто минет, послевкусие которого я не хочу портить.

– Кажется, кто-то мне обещал, что мы выйдем из этой чертовой палаты...

Яков приводит себя в порядок: заправляет рубашку, поправляет ремень, но все это время не сводит с меня своего пристального взгляда.

– Ты и правда хорошо себя чувствуешь?

– Не сомневайся. Что... я зря надела это шикарное платье? – я развела руками, демонстрируя свой наряд. Красивый, но свободный, как и все, что я носила до этого, в попытке скрыть пугающую худобу.

– Дай, посмотрю...

Секунду спустя пышный подол моего платья был задран мне на голову, а жаркий рот мужа настойчиво ласкал меня между ног. Как и ему самому, мне не понадобилось много времени на то, чтобы кончить. Уже у самого финиша он резко дернул ткань трусиков, через которую меня ласкал. И эта легкая сладкая боль привела меня к долгожданному освобождению.

Собственный оргазм отнял последние силы. В глазах мужа я увидела отчаяние. И сожаление. Он действительно сожалел, что поддался собственным чувствам. Это было ужасно. Мое сердце мучительно сжалось.

– Не жалеј ни о чем. Даже если бы я сейчас умерла... Это была бы самая сладкая смерть...

– Ты не умрешь.

– Нет... Конечно же, нет...

Я отрубилась на пару часов. А когда проснулась, мы все-таки пошли в больничное кафе. Точнее... Пошел Яков. Я же сопровождала мужа, сидя в специальной коляске. Мне не удалось убедить его, что я вполне способна ходить самостоятельно. А на споры сил просто не было.

Стоило нам усесться за столик, как робот-официант, принимающий заказ за соседним столом, направился в нашу сторону. Сидящий за ним парень возмутился:

– Эй, какого хрена, железяка?!

– Я хочу, чтобы нас обслужили в порядке очереди, – прошептала Якову.

– Нана...

– Я хочу, чтобы нас обслужили после парня! Это, что... так трудно сделать?! Он пришел первым и, по крайней мере, в отличие от меня, он действительно сможет поесть!

Я так взбесилась, что нечаянно скинула со стола корзинку с хлебом. Парень вскочил. Пошарил под столом, куда она закатилась, достал ее на свет божий и принялся заново в нее собирать разбросанный по полу хлеб. Не знаю, почему, я сползла со своего кресла, чтобы ему помочь.

– Встань, сейчас же! – скомандовал Яков.

– Упавшее нельзя употреблять в пищу, – одновременно с

ним изрек робот.

– Много ты понимаешь, железяка... – это уже парень.

– Нана, встань! Я соберу этот чертов хлеб!

– Вы будете делать заказ? – взбодрился робот.

Я прикрыла глаза. От поднятого шума разболелась голова.

Яков вскинул голову. Я не слишком внимательно за ним следила в том момент, но все же обратила внимание на то, что в его лице что-то неуловимо изменилось. Он сощурился, что ничего хорошего не предвещало.

– Мы сделаем заказ вместе.

Хорошее предложение. Правильное. Оно вполне могло бы сгладить произошедший инцидент, но...

– Спасибо, избранный, – выплюнул парень. – Я сыт вашим братом по горло.

Открыв рот, я наблюдала за ситуацией. Мой взгляд метался от одного мужчины к другому, но я так и не понимала, что между ними происходило. Незнакомец пятился к выходу из кафе, настороженно поглядывая на моего мужа, который, в свою очередь, был готов броситься за ним следом. И только мое присутствие не давало ему сорваться с места прямо сейчас.

Наконец, парень скрылся за дверью. Яков резко обернулся ко мне. И в отчаянии провел по волосам:

– Если тебе надо – иди. Я попрошу, чтобы кто-нибудь проводил меня до палаты.

Всего на секунду Яков замешкался. Потом кивнул голо-

вой и бросился вслед за беглецом.

Путь до палаты, в нарушение всех инструкций мужа, я решила преодолеть самостоятельно. И пусть это было по-детски, но в последнее время я сама с собой частенько заключала подобного рода пари. Бросала вызов собственным возможностям... Встану ли я сегодня с кровати... Дойду ли до туалета... Смогу ли выпить йогурт и не облеветаться... И на кону, конечно же, всегда была моя жизнь. Как любовь – в гадании на ромашках. Только там всегда можно было схитрить... Если последний лепесток выпадал на «любит», то хорошо. А если нет – то в игру вступала серединка... А значит, все равно «любит». В гадании на жизнь жульничать не получалось...

В этот раз у меня все получилось, как надо. Дверь в палату тихо щелкнула у меня за спиной. Я растянулась на кровати и блаженно прикрыла глаза. Сегодня был чудесный день. Несмотря на то, что я так и не поняла, куда сорвался мой муж... Несмотря на то, что я своими глазами увидела, как паршивый робот, проигнорировав обычного парня, бросился обслуживать избранного... День был просто прекрасным. Что же касается всего остального, то... Я не успела додумать свою мысль и провалилась в сон.

Яков

Это был он! Террорист, на совести которого находился взлетевший на воздух криобанк! Брат моей жены! Ной! По-

рез на его губе не оставлял сомнений. Я лично его нанес в пылу драки. Теперь мне стало понятно, почему вчерашний преступник мне показался таким знакомым. Его движения, пластика, техника боя...

Я рванул за ним, но он уже скрылся из виду. Я нажал кнопку лифта, одновременно с этим надевая на глаза обруч. В шахте лифта связь была хуже некуда!

– Внимание! Говорит Избранный, генерал-лейтенант Военного совета конфедерации ... Немедленно приказываю заблокировать все входы и выходы. Особые приметы...

Его не удалось задержать. Ной покинул госпиталь буквально за секунду до моего распоряжения.

– Сири... Записи камер видеонаблюдения на дисплей. Время... двенадцать сорок одна, – отдавал я распоряжения компьютеру, спускаясь в подземный паркинг. Если он уедет на метро – то все. Хотя... у меня были его данные.

– Сири... Ну-ка... расскажи мне еще раз о Ное Штейне. ID 278104VV17e3.

– Конечно, Яков. Пожалуйста. Ной Штейн, ID 278104VV17e3. Зачат от донора VV711654Z6 и Избранной. Рожден в Мемфесе в две тысячи девяносто седьмом. Пустой...

Бла-бла-бла... Я это все уже слышал. Но ничто в биографии Ноя не указывало на то, кем он был на самом деле. Я все сильнее склонялся к мысли, что она была фальшивой. Только как?! Как ему удалось подменить данные?!

– Ной Штейн, ID 278104VV17e3, окончил в школу в две тысячи сто пятнадцатом... Не является военнообязанным.

Вранье! Технике ближнего боя, которой отлично владел Ной, обучали только в элитных подразделениях армии Конфедерации. Он был опытным бойцом. Совершенным оружием убийства. Так почему же Ной пощадил меня, когда моя поврежденная связка дала о себе знать?! Почему не воспользовался моментом?!

Я кружил по улицам, понимая, насколько все это глупо. Ной уже давно скрылся. И все, что мне оставалось – так это доложить главнокомандующему о своих подозрениях на его счет. Но что-то удерживало меня от этого шага... Я устало потер глаза и перешел на ручной режим управления. Но не успел я взяться за руль, как машина дернулась и резко затормозила. То же самое произошло и со всем другим транспортом на автостраде. Огни машин мигнули и выключились. Это еще что за хрень?

– Сири... Двенадцатая улица. Дорожное полотно не функционирует.

– Да, Яков... Дорожный департамент информирует о том, что во всем секторе «С» временно повреждено питание. Для дальнейшего движения вы можете использовать мощности батарей автомобиля. Они заряжены на семьдесят два процента.

– Что случилось, не говорят?

– Информация уточняется, – приятным, доброжелатель-

ным голосом проинформировал меня компьютер.

Твою мать! Как же не повезло... Другие машины включились и поехали дальше. Я же съехал на обочину. На всякий случай уточнил по картам, где нахожусь, и с чистой совестью вышел из салона. Сел на шаткие ступени древней хибары и задрал голову к небу. Звезд практически не было видно. В больших городах так бывает всегда... Но где-то там, далеко... Они всегда были и всегда будут. Даже, когда нас самих не станет...

– Я говорил вам не выходить из дома! – раздался строгий голос где-то в глубине улицы.

– Машка хотела есть. Тебя не было целый день!

Я напряженно замер, вглядываясь в темноту.

– В холодильнике суп.

– Машка не хотела суп. Она хотела желейные шарики!

Машка, скажи ему!

– Я хотела зилейные салики, – покладисто согласилась девочка.

– Ты знаешь, что это опасно, Ник! Я тебе тысячу раз объяснял!

– Ну... извини! Твоя дочка хотела «салики», – передразнил маленькую девочку мальчишка постарше.

Я осторожно сместился и выглянул из-за угла. Это не могло быть правдой! Я не верил своим глазам. По улице, сжимая в руках крохотную темнокожую девочку, шагал Ной. Рядом с ним семенил насуспенный паренек. У него была забавная

прическа в стиле афро, отчего в полутьме его голова казалась неестественно большой.

– Больше так никогда не делай! Я не переживу, если с вами что-то случится! Обещай мне, Ник!

– Обещаю, папа...

Папа. Они называли его отцом! Пробирочного и бесплодного. Пустого... Откуда у него эти дети?! Что вообще это все означает?!

– Ник... – вдруг насторожился Ной, – бери Машу и идите в дом.

– Но...

– Без разговоров! Ты знаешь, что делать!

Тот, кого Ной называл Ником, схватил сестру за руку и помчался вместе с ней вверх по улице. Я прижался спиной к шершавой кирпичной стене и не дышал. Как он меня почувствовал? И меня ли? Могло ли его насторожить что-то еще?

– Я знаю, что ты здесь, Яков. Убирайся к чертовой матери, пока я добрый.

– Вот еще... – Не имея другого выхода, я выступил в круг света, очерченный на щербатом древнем асфальте. В моей руке зажат пистолет – близнец того, что был направлен на меня. – Тебе не кажется, что ты слишком много на себя берешь, мальчик?

– Ни капельки. Старик.

Я хмыкнул. Да, не такой уж я и старый, если разобраться. Сорок четыре всего. Разве это возраст для мужчины?

– Я тебя узнал. Так что, не думай, что сможешь уйти безнаказанным на этот раз.

– Неужели ты меня арестуешь? – с намеком вздернул бровь парень.

– Именно это я и сделаю. Предлагаю тебе добровольно сдать. И, может быть, из тюрьмы ты выйдешь еще при жизни. Если, конечно, будешь достаточно сговорчивым.

Ной покачал головой:

– А как же твоя жена? Разве ты забыл, что я ее последний шанс?

– Совершенно особо тяжкое преступление. Ты ведь не думаешь, что я тебя отпущу, тем самым нарушив законы Конфедерации, только потому, что моей жене нужен донор?

– Правильный, значит? По закону живешь?!

Я не понимал, почему он стал злиться. Впрочем, логику террористов вообще не стоило пытаться понять. Они были просто безумны. И размахивающий пушкой Ной был тому лучшим подтверждением.

– Я защищаю человечество. В этом заключается моя миссия.

Возможно, это прозвучало пафосно. Но я действительно верил в то, что делал.

– Ты не человечество защищаешь, а существующий строй!

– Только благодаря ему мы все еще живы!

– Черта с два! Им выгодно обратное! Оглянись! Криобан-

ки – это такой же бизнес, как и торговля оружием. Главы корпораций делают на этом миллиарды. Миллиарды! Они не заинтересованы в том, чтобы популяция восстановилась естественным путем. Природные ресурсы земли истощены! И на всех их не хватит. Зачем кормить столько ртов? Посмотри вокруг! Посмотри, как живут люди! Роботы отобрали у них работу! Их загнали в рамки пособий и налоговых льгот! – орал Ной, размахивая пушкой у меня перед носом. На секунду мне показалось, что он полностью утратил над собой контроль.

– Сынок... криком ты ничего не докажешь.

Я резко оглянулся на голос. Прямо у меня за спиной стоял пожилой мужчина. Рука осторожно потянулась ко второму пистолету.

– Предложи свой вариант! Как людям выжить, если большинство из них бесплодно? – спросил я у Ноя, в попытке выиграть пару секунд. Но тот быстро меня раскусил. И не поддался на провокацию. Зато в разговор вмешался старик:

– А вы никогда не думали, что они не бесплодны?! Не допускали мысли, что их специально такими делают? К примеру, меня всегда волновал тот факт, что не существует никакого научного объяснения тому, что только у пробирочных детей отсутствует способность к размножению... У пробирочных, рожденных в клиниках Конфедерации... – подчеркнул он.

Это действительно было необъяснимо. Пятьдесят лет на-

зад, из-за экологических проблем, люди столкнулись с проблемой бесплодия небывалых масштабов. Тогда многие из них стали обращаться к донорам. Но дети, рожденные в те годы, были абсолютно здоровыми. Никто не мог объяснить, почему в какой-то момент все пошло псу под хвост.

– Да, брось, отец... Разве он готов нас услышать?

Проигнорировав замечание парня, я перевел взгляд на старика:

– На что вы намекаете? – прямо спросил я, все еще не сводя оружия с Ноя.

– Свободные провели исследование... За последние тридцать лет насчитывалось несколько сот тысяч случаев рождения абсолютно здоровых детей от доноров. И мы детально изучили каждый из них. Как думаешь, что нам удалось обнаружить?

– Понятия не имею.

– Почти в восьмидесяти процентах случаев эти дети были рождены где угодно, но только не в медицинских учреждениях Конфедерации. Кто-то просто не доехал до больницы, у кого-то не было медицинской страховки, кому-то не позволяли религиозные убеждения... и так далее.

Я настороженно нахмурился. И подошел ближе. Ной не шелохнулся, я опустил пистолет.

– Вы намекаете на то, что детям, рожденным от донора в медицинских учреждениях любого уровня, сознательно вредят?

– А как еще объяснить эти совпадения? Я и моя жена рождены дома. И мы абсолютно здоровы! – вместо деда ответил Ной.

– Ты Избранный? – тихо спросил я, внимательно вглядываясь в лицо парня.

– Я – Свободный.

Я не спешил с ответом. То, о чем эти мужчины говорили открытым текстом, было невысказано... Это просто не укладывалось в голове любого, далекого от политики и мира больших денег человека. Речь шла о глобальном, фатальном по своим масштабам заговоре. И если допустить возможность... Всего лишь возможность того, что в их обвинениях присутствовала хотя бы доля истины, то это означало бы поставить под сомнение вообще все процессы, происходящие в обществе. Поставить под сомнение все свои взгляды и убеждения. Поставить под сомнение всю свою жизнь.

– Это были твои дети? – уточнил я на всякий случай, все еще не понимая, как действовать дальше.

– Да. Николай и Мария. Кровь от крови моей...

– Они...

– Абсолютно здоровы.

– И рождены...

– Не в больнице.

Я снова задумался. В моей голове было много вопросов. И много сомнений. Я не был готов вот так, запросто и бездоказательно, поверить чужаку. Преступнику, если так разо-

браться! Но что-то в его словах меня зацепило. Возможно, их безупречная логика... Возможно. К тому же я не был склонен идеализировать существующий строй. Я встал на его защиту лишь только из желания сохранить жизнь на Земле. Все остальное для меня не имело значения. По большому счету, я даже не особо вникал в вопросы, находящиеся вне зоны моей ответственности. Я всегда был приверженцем четкого разграничения полномочий.

– Расскажи ему все... – старик кивнул в мою сторону и пристально посмотрел на внука.

– Нет. Он – Избранный, – ошетинился парень.

– Он – лучший... А нам нужна помощь.

Я не мог понять, с чего этот человек вообще решил, что я стану им помогать, но, признаюсь, мне было интересно послушать их обоих.

– Пойдем, – после секундного раздумья бросил Ной и, наконец, опустил пушку. Мы пошли вверх по улице. Мимо темных нависающих домов, к полуразрушенной церкви. Вошли в нее и, миновав центральный зал, спустились по ступеням.

– Осторожно, здесь ни черта не видно, – предостерег меня Ной. Как будто бы я в этом нуждался!

Спустя пару минут, оставив позади темный, смердящий плесенью коридор, мы очутились в тесной комнатке. Щёлкнул выключатель, яркий свет с непривычки резанул по глазам. Из-за двери в углу комнаты выглянул уже виденный

мною мальчик:

– Ник, погуляйте пока... – попросил Ной, включая чайник. Но тот яростно зашипел из-за отсутствия в нем воды. Парень ругнулся и выдернул провод. Он был нервный и какой-то дерганый... Совсем не такой, каким он мне показался при нашей первой встрече.

– Твои данные в системе – фальшивка, – начал я разговор. – Я не поверю ни единому твоему слову, если не буду знать, с кем говорю.

Ной оглянулся на деда, и я только сейчас опомнился, что мне его так и не представили.

– Можешь называть меня Джеком, – будто бы прочитав мои мысли, произнес мужчина.

– Яков.

Джек кивнул, открыл древний холодильник и пошарил в его недрах. Достал какую-то кастрюлю. В современном обществе считалось честью, когда гостя приглашали к столу.

– Крысиная лапша. Ты точно такого не ел, Избранный, – не удержался от поддевки Ной.

Я промолчал. Знал бы он, чем мне приходилось питаться в армии. Да, к черту, он не мог не знать!

– Кто ты, Ной?

Он опять колебался. А я все больше убеждался, что все делал правильно. У него была своя правда. И были аргументы. Иначе бы он вел себя совершенно не так.

– Насколько защищён твой компьютер?

– Об этом можешь не беспокоиться. Гарантирую, что без моей санкции доступ к нему просто не может быть произведен.

– Конфедераты постарались?

Я отрицательно покачал головой. В вопросах личной безопасности я не доверял никому. Тем более – политикам. Ной извлек свой обруч и уверенным движением надел его на глаза. Его сильные руки взмыли вверх, пальцы забегали.

– Лови данные. ID 109377VV7183.

Ной Штейн. На самом деле это было действительно его имя. Самый молодой командир антитеррористического отряда. Его послужной список впечатлял. Участие во многих контртеррористических операциях. Два года мы с ним были союзниками в борьбе. Так что же случилось? Что заставило перейти Ноя на другую сторону? Я знал, что просто так такое не происходит.

– Для властей я погиб при исполнении, – пояснил парень то, что я и так уже успел прочитать.

– Зачем тебе это было нужно?

– Они поняли, что я не тот, за кого себя выдаю. И мне нужно было слиться по-быстрому.

– И кем же ты был?

– Я призвался, преследуя только одну цель – выяснить, где конфедераты содержат доноров.

– Доноров? – переспросил я, думая, что ослышался.

Джек поставил передо мной тарелку густого супа, а рядом

с ней – положил фото красивой темнокожей девушки.

– Кто это? – насторожился я.

– Кайя... Моя внучка... Его жена. Мать Ника и Маруськи, – ответил старик, тяжело оседая на стул.

– Ее удерживают конфедераты в одной из своих лабораторий. Как и сотни... тысячи других девушек по всему миру.

– Бред. Зачем кому-то это делать?

– Человечеству нужны доноры. Думаешь, откуда взялись все эти яйцеклетки в криобанках?

– Да, твою ж мать! Тысячи Избранных только рады продать свой донорский материал! Это же деньги, Ной!

– Я не готов. И все Свободные не готовы к тому, чтобы их детей растил непонятно кто. И Кайя не хотела, хотя её неоднократно пытались завербовать. Посмотри на нее... Она совершенна. Многие сильные мира сего отдали бы душу за такую генетику!

– Сильные мира сего предпочли бы родить своего ребенка. Они способны к зачатию, Ной!

– Ты уверен? Ведь проблема бесплодия действительно актуальна. Да, только, кто сказал, что она обошла стороной избранных?

Я покачал головой. Даже мой острый ум отказывался понимать логику его слов. Она полностью отсутствовала. Одно прямо противоречило другому, и я уже пожалел, что не вызвал подмогу сразу. Нужно было его вязать... нужно.

– Ты хочешь сказать, что бесплодие Пустых – это сговор?

Но не отрицаешь существование самой проблемы.

– Именно так. Из-за ухудшения экологической ситуации проблема бесплодия возникла совершенно определенно. Но на наличие данной патологии не влияет факт зачатия человека. С ней в равной мере сталкиваются как Избранные, так и рожденные от доноров. Только, когда это случается с Избранными – они умышленно умалчивают факт своей несостоятельности и прибегают к услугам доноров. А зачатые в пробирке изначально не имеют шансов. Их попросту калечат. Нам не удалось выяснить, на каком этапе... Скорее всего, после родов. Также мы не знаем, каким образом это происходит. Год назад мы вышли на одного ученого, который бы мог нам помочь, но его убрали. Подозреваю, что конфедераты сознательно избавляются от всех свидетелей.

Я устало потер переносицу. Рассказ Ноя все больше походил на игру большого воображения. Он был настолько нереальным, настолько фантастическим и запредельным, что это было даже смешно! Так почему же, мать его, я не захохотался от смеха?! Чем он меня зацепил?! Чем?

– Кайя погибла при пожаре в торговом центре, через полгода после рождения Маруськи. Ее труп мы так и не увидели. Нам были выданы лишь результаты ДНК-экспертизы. А еще через несколько месяцев, на очередном задании, мне попала в руки информация о готовящемся теракте в южных провинциях. Среди прочих документов я обнаружил вот что: Ной дернул рукой, и спустя мгновение, у нас перед гла-

зами всплыла голограмма неких документов. Я встал из-за стола и приблизился к ней вплотную.

– Женский интернат на базе криобанка? – удивился я.

– Да. Интересно, правда? Особенно, если учесть тот факт, что данные на всех его воспитанниц засекречены.

– Гриф секретности?

– «Особой важности».

Я нахмурился. Ной нервно дернул головой:

– Я не знаю, почему влез в эти документы. Наверное, потому, что, как и тебя сейчас, меня удивил сам факт... Но я стал просматривать имя за именем. Всего двести человек... И потом наткнулся на вот это, – Ной ткнул пальцем в предпоследний ID. – Это номер моей жены.

Я резко обернулся к Ною. Казалось, парень в полной мере овладел собственными чувствами. Он уже не был таким агрессивным, как в начале нашего разговора. Я видел перед собой собранного, отстраненного, замотивированного на результат воина. Такого, который способен на все, лишь бы защитить своих. Он не был безумцем. И не был фанатиком. У него была цель, и он шел к ней, не считаясь с последствиями.

– Я начал рыть информацию...

– И вышел на Свободных.

– Да. Они рассказали мне много нового об этих женских интернатах... – выплюнул Ной.

Я растер руками лицо. Почему женских, а не мужских – можно было не спрашивать. Мужская сперма, в отличие от

женских яйцеклеток, была намного более доступной, а значит и дешевой. Большие деньги зарабатывались на женском донорском материале. В сравнении с запасами спермы, этот ресурс был крайне ограничен. За весь детородный период среднестатистическая женщина способна выработать около полутысячи яйцеклеток. В то время как мужчина это количество «отстреляет» за один только раз.

– У вас есть конкретные данные? Доказательства...

– Ты шутишь? Нет, у нас, конечно, есть свои ресурсы, но... Ты хотя бы представляешь, какие бабки на этом зарабатываются? Какие люди в этом замешаны? Мы продвигаемся вперед по миллиметру, а если отступаем, то сразу на пару шагов! Это система, Яков! Мировой заговор, если хочешь...

Мы схлестнулись взглядами. Я взялся за ложку. Отведать предложенное угощение в гостях в нашем мире означало выказать уважение его хозяину.

Нана

На следующий день болезнь вернулась. Не в самом своем худшем проявлении, но все же. Яков, который пришел ко мне с самого утра, озабоченно хмурил лоб. Я хотела стать его счастьем... а стала болью. Чертовой болью утраты...

– Ты взволнован, – прошептала я.

– Да, немного... Тот донор, брат... Он не подходит, Нана.

– Сколько? – тихонько спросила я.

– Сорок на шестьдесят.

Я закусила шершавую губу. Сорок на шестьдесят – это действительно не самая лучшая совместимость. Отвратительная, если признаться. Никто бы и братья не стал проводить операцию при таких прогнозах. Одной надеждой в сердце стало меньше...

– Но, знаешь... Он отличный парень – твой брат. Его зовут Ной, и он хочет с тобой познакомиться.

Я слабо улыбнулась. Мне бы тоже этого очень хотелось. Но потом я вдруг подумала о том, что, в случае моего ухода, я причиню боль еще и ему. И мое желание встретиться с Ноем померкло.

– Я не уверена, что нам стоит встречаться.

– Почему? – насторожился Яков.

– Если я умру...

– Ты не умрешь! – заорал он.

Я отвернулась к стене. В моих глазах собралась влага. Я не обижалась на мужа. Я обижалась на жизнь. Все то, что со мною происходило, было ужасно несправедливо.

– Нана, – Яков провел по моим волосам и склонился над постелью. Он хотел еще что-то сказать, я знаю... но в палату вошла сиделка.

Так уж сложилось, что в наше время все, что поддавалось оцифровке – было оцифровано. Образование, медицина, покупки, транспорт, практически все... Однако и сейчас существовали услуги, которые оцифровать было практически невозможно. Например, все, что было связано с ак-

терским мастерством или искусством. Невозможно было заменить роботом живое выступление талантливого человека, который брал поклонников «за живое» силой своей харизмы. Точно так же и сиделку робот заменить не мог. Предполагалось, что тяжелобольному пациенту требовался уход способного к сопереживанию человека, а не бездушной железки. Все те процессы, которые были связаны с эмоциями и реальными чувствами, так называемый недиджитализируемый опыт, оцифровке не поддавался. И если к больному вместо сиделки-робота приставляли человека, то это означало только лишь одно – его дела действительно плохи. Честное слово, уж лучше бы меня обслуживала машина! Возможно, робот бы запомнил, что...

– Завтрак, Нана...

Ну, вот... опять. Завтрак... будь он проклят. Тугой комок ярости подпер мое горло. Я обернулась:

– Убери это все.

– Оу, привет... Я не вовремя?

Я немного приподнялась. У двери в палату стоял парень. Молодой, высокий... Крепкий. Ничем не уступающий моему мужу, хотя, обычно, рядом с ним все другие мужчины казались карликами. Я перевела взгляд на Якова.

– Это Ной... – пояснил он, улыбаясь.

Я метнулась взглядом к брату. Брату... мамочкибожемой.

Одновременно с этим мои руки взмыли к голове, в попытке пригладить растрепанные после сна волосы. Мне хотелось

хоть как-то привести себя в порядок. Мне хотелось ему понравиться...

– Привет, – улыбнулся парень и протянул мне зажатый в руке цветок.

– Привет, – вернула улыбку я.

– Извините, но вам следует поесть, – вклинилась в разговор сиделка.

Я бросила на нее полный ненависти взгляд и прорычала:

– Убери это!

Женщина недовольно поджала губы. Ной взял свободный стул и устроился возле моей постели. Не так я бы хотела познакомиться со своим братом. Не при таких обстоятельствах...

– Что не так с этой... кашей? – вскинул бровь Ной, разглядывая белесое нечто у меня на тарелке.

– Все так... Я просто... просто, не могу есть в последнее время.

– Поэтому ты разбрасываешь повсюду еду?

– Что? Нет... – я замаялась, и только тут поняла! – Так ты тот парень из кафе!

– Ну, наконец, ты меня узнала!

– А почему вы мне сразу ничего не сказали? Яков? Что это было?

– Прости... Ной до конца не был уверен, что готов к знакомству с тобой. Ваша встреча в кафе была случайностью.

Я отвела взгляд:

– Да уж... Я бы тоже не слишком горела желанием познакомиться с такой развалиной...

– Не смей! Не говори так... Не говори! – приказал мне Яков, сжимая мою ладонь.

– Не в этом дело, Нана. Просто... я не слишком жалую Избранных.

– Я не Избранная.

– Да, но предполагалось, что ты ею была.

– Тебе не понравилось, что я всех дурачила, – констатировала я очевидное. Ной неуверенно кивнул головой.

– Теперь это уже неважно...

Обруч Якова замерцал. Он принял вызов, и я поняла, что его вызывают в штаб. Жаль. Сейчас поддержка мужа была мне просто необходима... Но я бы никогда не посмела его упрекнуть в невнимании. Все эти годы он крепко держал меня за руку. Без этого я бы давно сдалась.

– Иди... Нам есть, о чем поболтать с братом, – бодро улыбнулась я, хотя боль становилась все сильнее. Она сворачивала мои внутренности в узлы. Волнами распространялась по телу...

Яков улыбнулся, поцеловал меня в губы, игнорируя присутствие посторонних, и решительно двинулся к выходу. После того, как нам стало известно о болезни, поведение моего мужа претерпело некоторые изменения. Раньше он никогда не демонстрировал свои чувства на публике...

– Он тебя любит, – заметил Ной, откидываясь на стуле.

– Да... Я тоже его люблю.

– Может быть, все-таки попробуешь поесть?

Я покачала головой:

– Нет. Ничего не выйдет. Совершенно определенно. Но моя сиделка не может этого запомнить. Впрочем, ты сам видел – она помешана на еде.

– Почему ты так думаешь?

– Почему?

– Ну, да...

– Она весит не меньше центнера, Ной. Очевидно, что процесс приема пищи для нее возведен в культ.

– А ты не допускаешь мысли, что ошибаешься?

Я удивленно посмотрела на брата. Наш первый разговор выходил, наверное, странным, но меня это мало заботило. Что угодно – лишь бы отвлечься от боли.

– В чем?

– Возможно, она имеет такую комплекцию только лишь потому, что не имеет доступа к качественным продуктам. Что смотришь? – Ной сложил руки на груди и откинулся на спинку стула. У него были коротко стриженные волосы темного цвета, темные глаза и по-юношески гладкое лицо. На мощной шее брата висел серебряный медальон, и мне вдруг стало интересно, чье фото в нем находилось.

– Я как-то не задумывалась над этим...

– А я практически эксперт в данном вопросе. Хочешь, и тебе расскажу?

– Давай...

– Тогда слушай... – Ной взял ложку и окунул ее в тарелку с кашей. – Знаешь ли ты, что большая половина всех людей на планете уже в две тысячи тридцатом году недоедала из-за нехватки продовольствия? Этот показатель удалось немного стабилизировать, но даже сейчас, по данным отчета Продовольственной и сельскохозяйственной организации Конфедерации, из-за климатических изменений и конфликтов голодает около тридцати процентов населения. Около двухсот миллионов детей имеют задержки в развитии из-за некачественного питания. Сюда же относится и та категория людей, которые вместо полезных органических продуктов потребляют такие, которые приводят к ожирению. Обычно они намного дешевле...

– Ты хочешь сказать, что моя сиделка такая... потому что недоедает?

– Именно. Каждый третий человек на планете страдает, по меньшей мере, одной формой недоедания. Голод, или дефицит питательных микроэлементов, который, в конце концов, и приводит к чрезмерному весу и ожирению. В то время, как кто-то предается греху чревоугодия, многие люди попросту голодают...

Ной замолчал, и я с удивлением поняла, что во время его рассказа съела почти половину каши. Он кормил меня, как ребенка, с ложечки, а я этого даже не замечала. Никому бы не позволила себя кормить – потому что это унижительно,

правда... А с ним все вышло само собой. Я сглотнула, внутренне сжавшись в ожидании неминуемой боли, но... хуже не стало. Я поглубже втянула воздух, и с благодарностью приняла из рук брата салфетку. Его рассказ меня заинтересовал. Но и утомил... Как некогда известный репортер, я учуяла шикарную тему для репортажа... Как смертельно больной человек – просто захотела спать. И я отключилась...

Но, к моему удивлению, к моменту моего пробуждения Ной все еще оставался со мной. Он все так же сидел на стуле – правда, чуть в стороне, и на этот раз его глаза закрывал обруч. С удивлением я осознала, что чувствую себя довольно неплохо.

– О, ты проснулась...

– А ты все еще здесь...

– Да, как-то не хотелось оставлять тебя одну. Это очень странно, что у меня есть такая взрослая сестра. Мы даже чем-то похожи. Ты тоже храпишь.

– Эй! Не было такого! – я даже приподнялась с кровати от возмущения.

– Было-было... – засмеялся Ной, и мое сердце сжалось. Болезнь подарила мне брата. Но она же могла у меня его и отнять... Усилием воли я отогнала грустные мысли.

– Слушай, а тебе можно выходить из этого склепа?

– Ага... Иногда. Когда я себя хорошо чувствую.

– А как ты себя чувствуешь сейчас?

– Чувствую себя готовой к прогулке с братом, – широко

улыбнулась я.

Сиделка помогла мне одеться, и уже через несколько минут мы ехали в лифте. На самом деле, я уже несколько месяцев не выходила за пределы больницы. Яков отказывался рисковать... И только вдохнув вонючий запах улицы, я поняла, как же по ней соскучилась... Мимо проезжали машины. Загорались и тухли голограммы светофоров, меня обдавало горячим, раскалённым воздухом, мигали огни рекламы... А я смотрела на это все, будто бы в первый раз. Ной повернул мою коляску, и мы неспешно двинулись вдоль тротуара.

– В продолжение темы чревоугодия... Смотри, видишь, сколько рекламы? На улицах, в интернете, по радио... Куда ни глянь, пропагандируется культ еды. И плевать всем на то, что планета не справляется с нашими аппетитами. Плевать, что половина людей вынуждены питаться растительной пищей только лишь для того, чтобы получить дополнительные налоговые льготы... Мы стремимся сократить выбросы углекислого газа за счет сокращения животноводства и популяризируем вегетарианство, и в то же время на каждом углу пропагандируем определенный стиль жизни, с которым тесно связано потребление вкусной пищи, напитков, вина... Люди, которые не имеют доступа к качественным продуктам, голодают. В то время как более удачливые ударяются либо в чрезмерное и бессмысленное потребление удовольствий, либо насаждают другой образ жизни – диеты и голодание...

Мы дошли до перекрестка и остановились. Дальше дорога была перекрыта металлическими заграждениями – впереди опять против чего-то митинговали. В пустых бочках разожгли костры, факелы освещали ночь... Дорожное полотно было отключено от питания. Я вскинула голову:

– Против чего протестуют?

– Сегодня в трех школах квартала детей накормили протухшей курятиной. Более тысячи детей поступили в клиники Конфедерации после обеда в школе. Эти люди выступают за законодательное закрепление входного контроля продукции, поставляемой в муниципальные учреждения.

– А разве сейчас такого контроля нет?

– Есть. Но он весьма поверхностный. Они же хотят обязать проводить лабораторные испытания.

– Не понимаю, почему правительство не пойдет им навстречу. Сейчас это так просто.

– Нана... Это же ясно, как день! Детей постоянно пичкают некачественными продуктами... Никто не хочет, чтобы об этом стало известно.

Я задумалась. Мой брат вылил на меня столько новой информации. Той, о которой раньше я никогда не задумывалась. Я отвела взгляд от возбужденной толпы. Покосилась в сторону. Прямо у нас за спинами располагался шикарный ресторан. В его окнах были видны люди, сидящие за богато накрытыми столами, а в отражении стекол – другие люди, возможно, голодные и озлобленные.

– Иногда мне кажется, что мы превратились в животных, одержимых одной идеей – идеей потребления. А знаешь, для чего обычно откармливают скот? Чтоб отправить его на заклание.

Неподалеку от нас приземлился коктейль Молотова. Ной отвел коляску в сторону, пробормотав:

– Зря мы затеяли эту прогулку. Это небезопасно.

Я согласилась с Ноем, и мы спешно двинулись назад. Нам обоим досталось за эту прогулку... Яков о ней каким-то образом прознал, и если на меня, в силу болезни, он практически не ругался, то Ной получил по полной программе.

– Зря ты сердишься... Если бы не знакомство с Ноем, я бы так ничего и не поняла... Ведь это самое сложное – понять, почему именно ты умираешь... За что? За какие провинности? А Ной... Он открыл мне глаза... Мы грешны, Яков. Мы все грешны. И кто-то платит в большей мере, кто-то – в меньшей, но в итоге счет выставлен всем нам. Посмотри, во что мы превратились... Мы – общество потребителей. Мы возвели потребительство в культ, которому неукоснительно следуем, постоянно стремясь к большему и большему. И все это обещает нам счастье! Обещает, но никогда его не приносит. Вместо этого мы хотим еще чего-нибудь, сверх, и это желание, в конце концов, съедает наши ограниченные ресурсы! – Нана взволнованно провела по волосам, и даже приподнялась с постели. – У нас всех лишь один путь к спасению, Яков. Один...

– И что же это?

– *Воздержание...*

2. Зависть.

Нана

Утром следующего дня я проснулась от боли. Эта боль была такой сильной, что от нее темнело в глазах. Такой сильной... что уже не было сил с ней бороться. И хотелось лишь одного – прекратить ее. Прекратить...

Я протяжно застонала и, открыв глаза, встретила с пристальным взглядом мужа.

– Плохо?

Я не смогла ответить. Только медленно опустила веки, соглашаясь.

– Я сейчас позову врачей, маленькая... Мы сейчас все решим!

Да... Мы отсрочим агонию.

После волшебного укола мне действительно стало легче. Я уснула и проспала почти до обеда. Вообще, если бы мы жили еще сто лет назад, меня бы уже давно не было. Я бы умерла, максимум – через год от начала болезни. Опухоли, подобные моей, тогда были летальны в ста процентах случаев. Благодаря достижениям современной медицины – я протянула три года. И по большей части радовалась отвоеванному у смерти времени. Но только не тогда, когда боль была такой сильной.

– Привет, – шепнул Яков. Он знал, что когда мне дела-

лось хуже, мой слух становился очень чувствительным. Поражение височной доли доминантного полушария головного мозга было довольно неприятной штукой. Когда я впервые прочитала о возможных симптомах этого заболевания, меня охватила паника. Я поняла, что в любой момент могу потерять себя. Со мной могут случиться слуховые, обонятельные, вкусовые, иногда даже зрительные галлюцинации... Я могу потерять речь, перестать адекватно воспринимать реальность... Со мной могут произойти выраженные вегетативные расстройства, неадекватные эмоциональные реакции и прогрессирующее расстройство личности... Даже смерть не пугала меня так сильно...

– Привет...

– Ну, как ты?

– Лучше... Не смотри так, я не шучу.

– Нужно позвать доктора. Пусть он тебя осмотрит.

– Зачем? Вряд ли что-то изменилось за те пару часов, что я спала.

– Нам нужно следить за твоим давлением.

– И с этим с успехом справляется робот. Видишь, – кивнула я на дисплей, – все в полном порядке.

– У тебя учащен пульс, я все же схожу за врачом.

Если Яков что-то втемяшил себе в голову, то отговаривать его не имело смысла. Совершенно. Я повела плечом и снова прикрыла глаза.

– Убавить свет?

– Нет. Все в полном порядке.

Когда за мужем закрылась дверь палаты, я поднесла руку к лицу. Она показалась мне необычно маленькой. В то время как ярко-оранжевые герберы на тумбочке, напротив – очень большими. Я поняла, что то, чего я так долго боялась, подкрадывалось ко мне все ближе... Мое зрительное восприятие исказилось. Я понимала, что герберы не могут иметь форму огромного треугольника, но видела я их именно так. И это так сильно пугало...

Дверь в палату отъехала, и на пороге возникла тонкая хрупкая женщина. Я моргнула, в попытке избавиться от навязанного, но ее образ никуда не исчез.

– Привет, Нана...

– Анна? Какого хрена ты здесь забыла?! Мы не даем комментариев прессе!

– А разве я их прошу?

Мне показалось, что она удивилась. А может, это очередной глюк? Вдруг ее вообще здесь нет? И мне все привиделось? Паническая атака накрыла меня с головой. Кровь в голове запульсировала. Приборы противно запищали. Анна затравленно осмотрелась:

– Что происходит? – озираясь по сторонам, спросила она.

Но я не могла совладать с собственными эмоциями. И ответить ей не могла. Тогда она нажала на тревожную кнопку, и спустя пару секунд в палату ворвался Яков.

– Кто вы? Какого черта вы здесь забыли? – заорал он.

– Я – донор. Всего лишь донор... Сестра.

Я рассмеялась.

– Она врет, Яков. Это обычная репортеришка из числа многих. Гони ее в шею.

Яков внял моим просьбам. И блаженная тишина вернулась в палату. Жаль, что не в мысли... Сестра, как же... В свое время мы с Анной были конкурентками. Точнее... Она всегда была впереди, а я догоняла. В то время, как я всего лишь вела модный блог, она уже брала интервью у звезд Конфедерации первой величины. А когда я доросла до этого – Анна провела масштабное журналистское расследование, изобличающее двух сенаторов, и получила Пулитцера. В последний раз мы виделись, когда я решила пойти по ее стопам, и взялась за расследование исчезновения Избранных женщин. Она каким-то образом узнала об этом, и предупредила меня не соваться туда, куда не следует. Я слабо верила в ее благие намерения и, естественно, сделала все на свой нос. О чем потом пожалела. Мое журналистское расследование ни к чему не привело, а я сама оказалась в опасности. Впрочем, если бы не это... я бы никогда не узнала Якова. Это он меня спас, когда нас с оператором взяли в заложники Свободные.

Я никогда не забуду тот день. По наводке информатора, мы с моим оператором Таем устроили засаду около одного из криобанков. У нас была неподтвержденная информация о том, что именно здесь в неволе содержат нескольких

Избранных. Мы не до конца понимали, зачем это делается, и с чьей легкой руки... Черт, да у нас даже не было доказательств того, что это действительно происходит! Но мы окопались неподалёку и ждали, время от времени запуская дроны, оборудованные камерами, на территорию криобанка. Именно благодаря им совершенно случайно мы засняли нападение Свободных.

Ночь взорвалась воем сирен. Террористы атаковали здание криобанка. Началась настоящая мясорубка, которую мы выдали в прямой эфир, решив продолжить съемку, невзирая ни на что. Тот репортаж позже набрал более десяти миллиардов просмотров и был удостоен десятков различных наград. Но все это как-то вдруг стало неважно. Моя самая большая награда в жизни уже была у меня в руках. Мой муж. Мой Яков...

Но это было потом, а тогда... Никогда в жизни мне не было так страшно. Я не знала, что со мной сделают террористы. Потребуют выкуп, или убьют меня, или будут пытаться... Я лежала связанной в запертой темной комнате, потеряв счет времени. Я не ела уже бог знает сколько времени, и пила далеко не так часто, как мне того бы хотелось. Поэтому появление бестелесной тени, скользнувшей в окно, я восприняла уже, скорее, как галлюцинацию. Человек не мог так двигаться.

– Генерал-лейтенант армии Конфедерации Яков Гази. Слышал, вам нужна помощь...

Я отчаянно закивала головой, хотя так до конца и не верила, что генерал-лейтенант армии Конфедерации Яков Гази был реальным. А если и был, то разве военные в таких званиях принимают участие в операциях по освобождению заложников? В моем представлении они сидели в каком-нибудь важном штабе и наблюдали за всем со стороны...

– Отлично, тогда сейчас нам придется пролезть вот в это окно, – шепнул мне Яков, перерезая веревки, которыми я была привязана к изголовью кровати.

Я сглотнула, чтобы смочить пересохшее горло:

– Хорошо. – Мой ответный шепот вышел непривычно сильным.

Нам удалось выбраться незамеченными. Было темно, но я успела разобрать, что мы находились в каком-то небольшом поселении. И я понятия не имела, как из него выбраться, не привлекая внимания.

– Нам придется идти пешком некоторое время. Километра через три будет река, мы пройдем ее вброд, а дальше где-нибудь переночуем.

Я кивала головой, соглашаясь, и, прихрамывая на онемевших за время бездействия ногах, семенила следом за своим спасителем.

– Подождите... А как же мой оператор?

– Его здесь нет, – покачал головой Яков, – мужчин и женщин содержат в разных местах.

– А эти...

– Будут арестованы. Вот... возьмите, вам нужно перекусить.

– И воды, если можно...

– Конечно. Только понемногу...

Я с жадностью припала к фляге с водой и, в нарушение всех рекомендаций мужчины, осушила едва ли не половину. В блаженстве прикрыла глаза, а когда вновь их открыла, то впервые встретилась взглядом с Яковом. И утонула в его глазах. Как-то сразу, необратимо... Миллионы тоненьких ниточек отделились от моего тела и потянулись к нему. Я не могла остановить тот процесс, и не желала... Я понимала лишь, что как прежде уже никогда не будет. Не будет меня... А будет он во мне. Вот так... в одно мгновение весь мир перевернулся. Я облизала губы, не отрывая взгляда от его темных глаз, и, застыдившись, шепнула:

– Извини... Я не смогла удержаться... Это вода для тебя. Я свою долю уже выпила.

Он почему-то улыбнулся. Кивнул головой и снова двинулся в путь. В тот день мы шли долго... Люди от таких пеших прогулок отвыкли – совершенно определенно. К утру я едва шевелила ногами. Намокшая при прохождении реки одежда холодила тело, и меня била крупная дрожь.

– Еще немного, Нана...

– Ты знаешь, как меня зовут... – с удивлением заметила я.

– Да. Я даже видел твой последний прямой эфир.

Я бы, наверное, снова зарделась, если бы не устала так

сильно. Рядом с ним я казалась ужасно слабой...

– Я уже не могу идти... – выдохнула в отчаянии.

– Нам осталось совсем немного. Вон за тем валуном находится моя машина.

Как мы добрались до его военного хаммера, я уже не помнила. Те последние минуты пути напрочь стерлись из моей памяти. В себя я пришла на заднем сиденье машины. Со сна не сразу вспомнила, что происходит:

– Куда мы едем?

– Здесь неподалеку есть премиленькое местечко. Я как раз отдыхал там, когда всех подняли на ноги по тревоге. Поблизости не было ни одного антитеррористического подразделения. Только я... – пожал плечами Яков.

– Ты же сказал, что их арестуют...

– К утру в то место подтянут пару тактических групп. То, что на территории поселения к тому моменту уже не будет заложников – здорово развяжет им руки.

По всему выходило, что мне просто повезло... Я покосилась на Якова. Хм... Он был очень красив. Хотя и немолод. Лет на двадцать старше меня. Не меньше. У мужчины были густые черные волосы, которые он зачесывал назад, четко очерченные губы красивой формы, крупный нос и выразительные карие глаза. Его щеки и подбородок покрывала густая щетина. Я хотела провести своей щекой по его, чтобы ощутить ее колючесть собственной кожей... Никогда до этого я не реагировала на мужчину так остро.

Он на секунду отвлекся от дороги и поймал мой взгляд. Яков понимал, что я чувствую. И, думаю, чувствовал то же... Мое сердце сладко заныло.

– Мы могли бы не останавливаться. Но батареи машины вот-вот сдохнут. А там есть возможность их подзарядить.

Я кивнула головой и до самой остановки больше ничего не спрашивала. Просто смотрела. И дышала одним воздухом с ним. Этого было достаточно.

Яков не соврал. Место, в котором мы, наконец, остановились, было действительно прекрасным. Раскаленный солнечный диск завис над пустынной низиной, в разломе которой, переливаясь всеми оттенками серебра, текла не слишком широкая река. Над заводью реки цвели шикарные кусты бугенвиллии... На планете еще оставались такие места... Хоть их и становилось все меньше.

– Нам нужно поесть чего-нибудь горячего. И нормально отдохнуть. А после – мы продолжим свой путь.

– Здесь можно искупаться? Я ужасно грязная...

Яков кивнул. Порылся в багажнике – и выдал мне мыло, полотенце и чистую футболку.

– Я пока разожгу костер. И разогрею банки с супом.

От мысли о горячей еде у меня потекли слюнки. Но помыться – тоже хотелось. Мне даже в голову не пришло помочь Якову с готовкой...

К костру я вернулась благоухающая мужским мылом и относительно бодрая. Яков протянул мне жестянку с горячим

ароматным супом.

– Ложка одна. Ешь сначала ты. Я пока тоже обмоюсь...

Я покладисто кивнула головой и, устроившись прямо на земле, принялась за еду. Голод перекрыл все другие потребности, но насытившись, я стала поглядывать на реку. Якова не было долго, и мне вдруг стало страшно. Я поспешно встала и двинулась через кусты.

Он стоял ко мне спиной. Абсолютно голый. Красивый какой-то колдовской первозданной красотой. Мой взгляд скользнул по широкой спине с ярко выраженными узлами мышц, опустился на гладкие, упругие ягодицы, скользнул вниз по крепким длинным ногам. Сердце пойманной птицей билось в груди.

– Решайся, или уходи... – тихо сказал Яков.

Я покачала головой и мягко ступила на песок. Он представлял мне выбор там, где для меня его не было в принципе... Я подошла вплотную. Прижалась телом к его спине, обхватила плечи руками... Втянула в себя его запах. Теряясь в нем. Хмелея... Голова все сильнее кружилась, а напряжение достигло такой силы, что мне казалось, я его не вынесу. Повернись ко мне, Яков... Повернись... Дай знак, что тебе это нужно так же сильно... Он услышал меня. Не знаю, как у него получалось, всегда слышать меня без слов...

Яков не был нежным. Он был настойчивым, требовательным, неуступчивым. Захватчиком... Воином... Настоящим мужчиной.

– Теперь ты моя, – сказал он, проводя носом по моей скуле. Я всхлипнула, склоняя голову к плечу, его острые зубы скользнули по открывшемуся участку кожи, которая стала ужасно чувствительной. Даже мягкий хлопок футболки ощущался на ней, как наждак. Я хотела поскорее от нее избавиться, но он не спешил. Провел по тонким дугам ребер, скользнул вверх, взвешивая в руках мои тугие груди. Тогда они были полными и красивыми... Сжал соски через ткань, чуть выкрутил, заставляя меня зашипеть. Яков довольно улыбнулся и, будто испытывая меня, опустил руки вниз. Провел по ямочкам ягодиц, погладил бедра. Накрыл ладонями низ моего живота и резко надавил большими пальцами на бугорок клитора. Я задыхалась. Мне не хватало кислорода, и ситуацию несколько не улучшали жадные короткие вдохи, которые я делала. Мое тело горело под его руками.

Наконец, шершавая ладонь Якова скользнула мне под футболку. Миллиметр за миллиметром, к самому сладкому. Между ног было непривычно мокро. Я налилась, и ждала только его. Яков толкнул два пальца внутрь, и, чтобы не упасть, я изо всех сил вцепилась в его плечи.

– Ты готова... – шепнул он и потянул вверх футболку. Мне не было стыдно. Смотри, Яков, смотри... Как я тебя хочу... Как ты мне нужен...

И он смотрел. Жадно, как на самое лучшее в мире зрелище. Я шагнула в сторону, давая его взгляду больший простор, и перестала дышать. Он был красив. Он был идеален...

Я опустилась на колени, как перед божеством, и взвесила в руках его плоть. Рот наполнился слюной – так сильно мне захотелось его попробовать. Я лизнула выступающую головку и максимально глубоко взяла его в рот. Но он не позволил себе получать удовольствие в одностороннем порядке. Немного потянув за волосы, Яков заставил меня оторваться от своего занятия.

– Ты обдерешь всю спину на этом песке.

– Я могу быть сверху...

– Черта с два. Только не в первый раз.

Мне понравились даже нотки мужского превосходства, прозвучавшие в его голосе. Мне вообще все в нем нравилось!

– Тогда пойдем к лагерю. Я видела у тебя неплохой матрац, – как Ева, подбивающая Адама на первородный грех, прошептала я.

Мы с трудом дошли до стоянки. Упали на разложенную скатку. Я на спине. Он сверху. Его первый толчок был мощным. И если бы я не была по-настоящему готова... он мог бы выйти болезненным. Но я была... Жестко, мощно, до стонов, вырывающихся из груди, и дрожащих в напряжении мышц.

– Я люблю тебя, Яков. Я люблю тебя...

Я так сильно погрузилась в свои воспоминания, что не сразу поняла, кто меня окликнул.

– Яков?

– Да, это я, Нана...

Я моргнула. Очертания предметов казались размытыми и неестественно изогнутыми. Мне стало страшно. Мне стало так страшно, что я даже не вспомнила о приходе Анны...

Яков

– Что такое, милая? Что случилось?

Я подскочил к Нане, осторожно взяв за плечи жену. Я видел панику, написанную у нее на лице, видел ее отчаяние! И я ничем не мог ей помочь... Самое страшное в том, что случилось – это моя абсолютная беспомощность.

– Это началось, Яков... Это началось...

– Что началось, милая? Что?

– То, о чем нам говорил доктор. Я теряю зрение. Предметы вокруг обрели странную форму. Но они ведь не изменились, правда? Они ведь не изменились...

– Тшш... – я обнял жену и зарылся носом в ее темные волосы, чтобы не показать своего отчаяния. – Это пройдет, Нана... Это пройдет.

– Когда? – она отстранилась от меня, но глаз так и не открыла. Будто бы боялась, что и я в них стану выглядеть как-то иначе. – Когда, Яков? Когда?!

– Эта девушка... Анна...

– Завистливая стерва! Пришла поиздеваться... Вот кто ее впустил, кто?!

Я отшатнулся. Потому что передо мной... в первый раз за это время... я видел человека, которого совершенно не знал.

Не свою жену. Не свою Нану. Похоже, все действительно – хуже некуда. Я шумно вдохнул. Сердце сжалось и камнем ухнуло вниз.

– Нана, девочка моя родная... Она хочет помочь, только и всего...

– Помочь?! – истерично рассмеялась Нана. – Разве мне можно помочь? – она вскочила, как безумная, и тут же упала на подушку, застонав от боли. Я вызвал врача, понимая, что если ситуация в ближайшее время не разрешится... если мы не найдем донора... Нет, об этом лучше не думать.

Я сидел на стуле рядом с койкой жены и тупо гладил ее по волосам. Секунда за секундой, пока не пришли врачи, и что-то ей не вкололи... А когда все закончилось, я вышел из палаты вслед за ними, чтобы переговорить относительно появления новых симптомов заболевания. Доктор Хе меня внимательно выслушал, так же, как и сопровождающий его робот, но ничего нового они мне не сказали. Все мы понимали, что время играет против нас. С каждым днем, с каждой прожитой Наной минутой его становилось все меньше.

В отчаянии я прислонился лбом к стене, постоял так пару секунд. А после со всей силы шмякнулся головой о стену. Раз, другой... Кажется, я рассек бровь. По крайней мере, что-то липкое потекло по моей щеке.

– Генерал... Не надо... Это ей не поможет.

– Вы? – удивился я, вытирая плечом текущую по щеке кровь.

– Да... Я почему-то не смогла уйти, – растерянно пожала плечами Анна.

Единокровная сестра моей жены не очень-то на нее походила. Но метрика, которую мне показала Анна несколькими часами ранее, была доказательством их родства. У меня не было причин в том сомневаться.

– Результаты будут лишь завтра.

– Я знаю, но... Это ужасно странно, на самом деле, я ведь практически не знала Нану, но сейчас... Просто не могу уйти. Она моя сестра, кто бы мог подумать...

– Она считает, что вы ей завидовали. А может быть, не она, а тот, другой человек, в которого она превращается...

– Как страшно это звучит... – шепнула Анна.

– Я думаю, мне не нужно объяснять, что эта информация не для широкой общественности?

– Конечно, нет, генерал... Я все понимаю.

– Можешь называть меня Яковом.

Формальности. Пустые формальности, а мне выть хочется... И лишь один вопрос в голове: зачем это все без нее? Зачем?

– Хорошо... На самом деле, я не понимаю, почему Нана меня невзлюбила. Еще тогда, когда мы обе занимались журналистикой. Хотя, нам нечего было делить... Я была старше и опытнее, а потому пыталась предостеречь ее от некоторых необдуманных шагов, но она всегда игнорировала мои советы.

– Нана очень упертая, – согласился я, лишь бы хоть что-то сказать. Вообще-то, меня мало интересовал рассказ Анны. Мне хотелось как можно скорее вернуться в палату к жене.

– Думаю, она немного завидовала моему успеху. Только, знаешь, вряд ли она понимала, что за этим успехом стоит. В какой грязи мне порой приходится копать... Как рисковать... Я ведь предупреждала ее об опасности и тогда, когда она попала в заложники... Удивительно, как тесен мир... До сих пор не верю, что мы с нею сестры.

– А я даже не знаю, как ее съемочная группа оказалась у того криобанка... – вдруг подумал я, и только потом понял, что озвучил эту мысль вслух. – Три года прошло, но об этом разговор почему-то никогда не заходил... У нас было столько других интересных тем... Столько всего...

– Мне жаль, Яков... Мне так ужасно жаль.

– Не надо. Мы справимся. Все будет хорошо...

– Конечно. И если мой донорский материал окажется подходящим, я с большой радостью вам в этом помогу...

Я медленно кивнул, и хотел было уже вернуться в палату жены, когда Анна спросила:

– По долгу службы тебе, возможно, известно об Избранных, которых содержат при некоторых криобанках?

Я замер и, медленно оглянувшись, отрицательно покачал головой:

– Понятия не имею, о чем ты.

– Спроси свою жену. Ее репортаж должен был быть по-

священ исчезнувшим Избранным. Она проделала большую работу и вышла на одно из мест, где их предположительно содержали.

Я пытался осмыслить полученную информацию в свете того, что уже успел узнать из рассказов Ноя и Джека, и не мог поверить, что в это всё, в своё время, была вовлечена и Нана. Миллионы людей, миллиарды... И такой тесный мир в итоге.

– А что об этом известно тебе?

Анна развела худыми руками в стороны:

– Я наступила на горло собственным принципам и не стала лезть в это дело. Слишком плохо пахнет. Слишком много шансов окончить жизнь в сточной яме.

– Ты не побоялась вывести на чистую воду Бранчича...

– О, махинации с налогами этого неудачливого сенатора ничто в сравнении с тем, что вытворяют более могущественные люди за непроницаемыми дверьми криобанков.

– Яков... О чем толкует эта женщина?

Черт! Я и забыл, как бесшумно передвигается Ной! Анна резко обернулась. Отступила на шаг к окну, схватилась за горло...

– Тише-тише, Ной... не ори. – Я попытался урезонить парня, но зная его бешеный темперамент, не слишком надеялся на успех.

– Что ты говорила о криобанках? – схватив Анну за руку, требовательно поинтересовался Ной.

– Эй, какого хрена, парень? Ты что, не в себе?

– Ной. Немедленно еепусти! Это Анна, сестра Наны, да и твоя сестра тоже... Знакомься, Анна, это твой брат – Ной.

Молодые люди отскочили друг от друга, будто бы их током ударило.

– Планочный! – фыркнула девушка, морщась и растирая предплечье, на котором сильные пальцы Ноя оставили красные следы.

– Что... ты... говорила... о... криобанках? – медленно и по слогам повторил свой вопрос парень.

– Что, и никаких «приятно познакомиться»?! Ну, надо же...

– Послушай, Анна, у Ноя большая беда, поэтому твои слова взволновали его так сильно...

– Так что тебе известно?!

– Да ничего, мать твою! Я не лезу в эти дела!

– Ты только что говорила...

– Я озвучивала лишь догадки! Всего-то! – рявкнула девушка и, резко обернувшись ко мне, поинтересовалась: – Да что с ним не так?!

Переводя взгляд с Ноя на Анну, я размышлял о том, можно ли ей доверять. Сторону Ноя я принял безоговорочно.

– Ной, Анна – репортер. По долгу службы, ей известно о многих вещах, которые могли бы помочь тебе в поисках Кайи...

Выслушав меня, Ной резко повернулся к девушке.

– Ты что-нибудь знаешь о деле исчезнувших Избранных?

– А если и так?

– Где их нынче содержат?

– Ты серьезно? Думаешь, я в это дерьмо полезу?! Ничего я не знаю. Ничего. Я жить хочу, братик. Мне это не надо!

– Послушай, Анна... Это действительно важно! Если ты знаешь, хоть что-то, это поможет спасти сотни девушек, в числе которых находится жена Ноя.

Анна колебалась всего секунду. Потом медленно покачала головой и отступила вглубь коридора.

– Извини, парень. Я не лезу в это дело. Извини...

– Постой! – крикнул Ной, снимая серебряный медальон с шеи, – Посмотри сюда... это Николай и Мария. Дети исчезнувшей Избранной Кийи. Мои дети. Нику восемь. В последний раз он видел мать три года назад. А Маруська... она ее, считай, и не знала. Если ты что-то знаешь... Любую информацию... Помоги им... не мне. Им нужна мать...

Девушка сглотнула. Нервно заправила волосы за ухо, напомним мне этим жестом жену, и прошептала:

– Я не могу. Однако Нана знает немало. Возможно, вам поможет она.

Ной резко ко мне обернулся:

– О чем она говорит?

Я пожал плечами:

– Анна утверждает, что еще перед нашим с Наной знакомством она вела журналистское расследование, посвященное,

как ни удивительно, именно исчезновению Избранных.

– И ты до этих пор ничего об этом не знал?!

– Нет! С чего бы я стал об этом умалчивать?

– Может быть, с того, что ты, мать его, чертов Избранный?!

– Ты тоже!

– Я – Свободный!

– Ты себе льстишь! Свободные люди не маршируют! Ни под какими знаменами не маршируют, не идут строем, не орут толпой, и не взрывают криобанки! Я – свободен! Свободен и независим настолько, насколько мне того хочется. Мне никто не указ, до тех пор, пока я сам не захочу указов. А ты?!

– Да пошел ты!

– И пойду! Но станет ли тебе от этого легче?! Поможешь ли ты своей жене? Ты рассказал мне свою историю, но так и не стал доверять. Тогда зачем это все?

– Ты – Избранный, – как мантру повторил Ной.

– Ты тоже! – взорвался я. – Вопрос только в том, что тебе кажется, будто бы я несколько удачливее, не так ли? Но я бы жизнь отдал за то, чтобы моя жена не умирала там! За то, чтобы был шанс ее спасти! Гребанный шанс! Который есть у тебя! Есть...

Мы стояли друг напротив друга, как два боксера – злые и переполненные недоверием. Ярость сгущалась в воздухе.

– Сейчас не время и не место спорить об этом, – наконец

сдался Ной, отведя глаза. Я видел, как тяжело ему дается все происходящее. Видел, но пока не знал, как помочь. Вчера я начал собирать информацию, однако ее было слишком мало, чтобы о чем-то судить. Я не нашел никаких зацепок, способных подтвердить слова Ноя. Я просто поверил ему. В то время как он все еще сомневался во мне. Да похрен! Мне и без этого есть, о чем переживать...

Не глядя на парня, я вернулся в палату Наны. Она спала, повернувшись на бок. В ее тонкую руку была воткнута капельница. Я хотел бы взять ее боль на себя. Я так бы хотел этого...

– Яков? – шепнула Нана, не открывая глаз.

Нана

Я чувствовала его присутствие. Но я так боялась открыть глаза. Вдруг... я его не увижу? Или увижу, но не его? Страшно. До дрожи страшно...

– Девочка моя... Маленькая... – Яков поцеловал мои волосы, скользнул губами по скулам и запавшим щекам. – Как ты? Я так по тебе скучал...

– Я так долго спала?

– Целую вечность, милая... Целую вечность...

– Как тогда, в нашу первую ночь? – я улыбнулась кончиками губ, вспоминая счастливое время. Волшебный момент зарождения чувства... Минуты узнавания и принятия своей второй половины.

– Почти...

Его губы у моих губ дрогнули. Он улыбался... Так редко теперь... Почему я, Господи?

Дверь в палату снова открылась. И, наконец, я подняла веки:

– Ной... – улыбнулась слабо. Вечер, который накануне мы провели вместе, почему-то казался таким далеким. Будто прошло сотня лет...

– Привет, Нана.

– Привет. Извини, я, должно быть, ужасно выгляжу... Сегодня у меня был не самый радостный день.

– Мне очень жаль... Не хотел тебя беспокоить.

– Да, брось. Мне уже легче. Возможно, я даже поужинаяю. – Я повернулась к Якову, радуясь, что мое зрение восстановилось. – Представляешь, Ною удалось меня накормить. Ты так ругался по поводу нашей прогулки, что я забыла тебе рассказать.

– Это же просто отлично!

– Угу...

– Нана...

– Ммм?

– Ты помнишь, что здесь была Анна? – как-то странно поглядывая на Ноя, поинтересовался Яков.

В судорожной попытке припомнить события сегодняшнего утра, я медленно отвела волосы от лица. Нерешительно покачала головой:

– Нет, – шепнула я. – Ничего такого я не припоминаю. Все плохо, правда? Все очень и очень плохо...

– Наоборот, маленькая. Анна – это твоя сестра. Завтра мы узнаем результаты ее тестов, и, вполне возможно, этот ужас закончится.

Кивнув головой, я перевела взгляд на Ноя. На самом деле не существовало никаких гарантий, что донорский материал сестры мне подойдет. Брат был тому живым примером. Я запретила себе надежду.

– Это как раз то, что мне нужно...

– Знаешь, что самое удивительное? Вы с ней знакомы.

– Да? И кто же эта Анна?

– Анна Чен. Это имя о чем-нибудь тебе говорит?

– Еще бы... Когда-то я очень завидовала ее успехам. Поверить не могу, что она – моя сестра. Здесь точно нет никакой ошибки?

– Абсолютно. Я все досконально проверил.

– Она, в первую очередь, жадная до сенсации журналистка. Будь с ней поосторожнее, – предостерегла я мужа, отгоняя от себя ревность, которая, непонятно по какой причине, наполнила мое сердце. Анна уступала мне в красоте. А Яков никогда бы меня не предал... Но почему-то наличие другой женщины в его окружении меня тревожило все сильнее.

Нет, все же, как удивительно... Анна.

– Я учту. Только, знаешь, она не показалась мне такой уж плохой. Анна рассказала нам кое-что важное.

– Да? И что же? – мое настроение портилось все сильнее.

Яков бросил нерешительный взгляд на Ноя, и после недолгих колебаний скомандовал:

– Расскажи ей все...

И он рассказал. Рассказал страшные вещи, которые пробили еще одну брешь в моей душе. А ведь я думала, что она навсегда очерствела... Умиравший человек становится эгоистом. Это вынужденная мера, позволяющая ему сконцентрироваться на борьбе... Как же страшно это звучит – умирающий человек. Как же страшно, Господи...

– Анна сказала, что ты вела расследование этого дела, когда мы познакомились.

– Да... Да.

– Может быть, ты сможешь помочь нам?

Черт... Я пыталась вспомнить то время, правда, пыталась, но чем дальше я погружалась в глубины памяти, тем отчаяннее меня выталкивало на поверхность волной чудовищной боли. В изнеможении я откинулась на подушку.

– Не получается, Яков... Ничего не получается. Я теряю себя... Теряю.

– Нет-нет, маленькая... Не говори так, ты просто устала. Сегодня был тяжелый день, он измотал тебя. Скоро все наладится, мы найдем тебе донора. Мы найдем.

Я кивнула головой, чувствуя, как от такого незначительного усилия на висках выступает пот. Мои кишки под завязку набились страхом. Страхом, и чем-то еще, до конца мною

не понятым...

– Я не могу, Яков... Я уже не могу. Мне кажется, я не справлюсь...

– Тшш... Все будет хорошо. Я не отдам тебя. Никому не отдам. Ты моя девочка. Ты моя нежная девочка...

Яков баюкал меня в руках и шептал всякие глупости. Я не знала, ушел ли Ной, потому что боялась открыть глаза, но почему-то была уверена, что ему хватило бы такта оставить нас с мужем одних.

В следующий раз я пришла в себя только утром. И сразу же почувствовала чей-то взгляд. Медленно подняла веки:

– Анна...

Она стояла возле окна и нервно теребила край футболки. Хорошо, что я не видела ее глаз против света. Мне не нужна была жалость. Я ее не заслуживала.

– Привет.

– Привет. Который час?

Обычно меня мало волновал этот вопрос, но сегодня мы ждали результаты тестов Анны, которые обычно поступали из лаборатории к десяти.

– Почти одиннадцать. Мои тесты...

– Отрицательные...

– Да. Мне очень жаль, Нана.

– Забудь. Мои шансы минимальны, и мне прекрасно об этом известно.

Я пыталась бодриться, но настроение стремительно ухуд-

шалось. Чтобы отвлечься, я перевела взгляд на Анну. Обычная серая мышка. Ничего особенного, почему же, в свое время, я так отчаянно ей завидовала? Была ли эта зависть сугубо профессиональной? И почему вообще у молодой красивой успешной девушки возникло это постыдное чувство? Не от того ли стремления к излишества, которое мы уже обсуждали с Ноем? Ведь зависть тоже рождает в человеке желание обладать чем-то большим, чем ему уготовано... А главное, как избавиться от этого чувства? Как избавиться от острой черной ревности ко всем, кто жив, в то время как я умираю?

– Это, наверное, страшно...

– Да.

Особенно страшно умирать, осознавая, как много всего ты еще не успел. Не прочувствовал, не пережил, не довел до логического завершения... И тут, как обухом по голове, наш вчерашний разговор с мужем!

– Мое расследование! Я вспомнила... Анна, скорее зови Якова! Он здесь?! Анна... ну, что же ты стоишь? Я не знаю, как много времени у меня есть в запасе...

Я возбужденно вскочила. Память вернулась. Возможно, я смогу оставить после себя след? Возможно, смогу хоть кому-то помочь...

Яков был неподалеку, поэтому мой рассказ он услышал от начала и до конца. Ной подъехал, спустя четверть часа... Я рассказывала все, что мне было известно относительно дела исчезнувших Избранных. Черт, и почему я тогда решила,

что встала на ложный след? Почему не потянула за ниточки, которые уже сжимала в руке?! А теперь у меня попросту не было времени все закончить. У меня не было времени...

– Анна!

– Да, Нана?

Превозмогая ревность, которая вновь вскинула голову у меня в душе, и не давая себе не единого шанса передумать, я нацарапала на бумажной салфетке пароль к своим старым папкам. Там в хронологическом порядке была собрана вся имеющаяся у меня информация. Данные агентуры и номера телефонов.

– Вот... Я верю, что только ты с этим справишься... Яков и Ной – смогут вывести преступников на чистую воду. Я верю... Но только ты сможешь донести информацию до миллиардов тех, кому ее следует знать. Ты понимаешь, о чем я, Анна? Ты понимаешь, о чем?!

Я так боялась, что мне станет хуже раньше, чем я смогу закончить этот непростой разговор! Я так отчаянно боялась!

– Похоже, у меня нет выбора, так? – нервно улыбнулась Анна.

Я с облегчением выдохнула. Выбора человечеству давно уже не оставили. Нам оставалось лишь только вступить в борьбу. Им оставалось... Я уже, вряд ли, на что-то годна. Моим вкладом в общее дело стал мой отказ от амбиций. Моим вкладом было **смирение**.

3. Гнев

Яков

Нане становилось хуже с каждым днем. Наверное, я до сих пор не сошел с ума только лишь потому, что занят этим чертовым расследованием. Не сказать, что оно так уж сильно меня затронуло, но продираясь сквозь дебри заговоров и тайн, я ненадолго отвлекался от боли. Иногда, когда боль становилась нестерпимой, я шел в старую наполовину заброшенную церковь... Я не знал, чьей конфессии принадлежал этот храм, да и не верил, что это имеет значение. Бог был для всех один, и, обращаясь именно к Богу (не к Будде, Иисусу, Кришне или Аллаху), я впервые в жизни просил. Умолял даже... оставить Нану в живых. Я знал, что впереди человечество не ждало ничего хорошего, но был убежден, что даже такая жизнь была гораздо лучшей альтернативой ее отсутствию.

Сидя на скамье у самого алтаря, я частенько размышлял о том, что жизнь вообще странная штука. В ней даже участь святых незавидна. В лучшем случае, их останки растащат на реликвии. Что уж говорить о нас, простых смертных? Тех, кого тысячи лет истории абсолютно ничему не научили? Удивительно даже... Мы научились выуживать из воздуха углекислый газ, применять искусственный интеллект и замораживать сперму для продолжения рода. Но мы все также

грабим, убиваем друг друга и ненавидим... В нас нет ничего святого. Мы не смотрим друг другу в глаза, идем рядом, но не замечаем друг друга. Мы хамим и выплескиваем агрессию. У нас нет друзей, и нас самих почти не осталось. Мы уже даже не помним, зачем вообще пытаемся выжить. Ради чего?

– Так и знал, что найду тебя здесь...

Я медленно повернулся на голос и вопросительно вздернул бровь:

– Нана уже проснулась?

– Нет. Но там объявился потенциальный донор.

– Твою мать! Совсем забыл, что мы договаривались о встрече...

– Ничего. Я пока отправил его сдать кровь.

– Спасибо. Понятия не имею, как ты за всем поспеваешь.

– Да никак не поспеваю. Топчемся на одном месте...

– И у Анны ничего нового?

– Нет. Боюсь, она не слишком мне доверяет.

– Ты вел себя, как кусок дерьма...

– Может быть, но мне кажется, что она знает гораздо больше, чем говорит.

– Об исчезнувших Избранных?

– Не только. Я бы не стал перед ней выкладывать все карты.

– Если бы у тебя был выбор, – посчитал нужным напомнить я.

Встав с потертой скамьи, напоследок обернулся. Вскинул голову вверх, туда, к величественным расписным куполам. Тусклый свет заходящего солнца, отражаясь в бесценных витражах, словно поджигал их изнутри. Было необычайно красиво... Красиво.

– Как Нана сегодня?

Как? Я хотел бы ответить Нюю, да только не знал, что... Он спрашивал меня о Нане, но та девушка, которую я все чаще видел, Наной не была. Я думал, что был готов к изменениям в ее личности, а на самом деле не был и близко. А я не знал, как себя вести с этим чужим, абсолютно мне незнакомым человеком, и только лишь питал надежду, что моя прежняя Нана все еще где-то там...

– Болезнь прогрессирует... – наконец выдавил я.

Ной понятливо кивнул головой, и дальше мы пошли молча. Находясь в какой-то прострации, я удивленно оглядывался по сторонам. Лето подходило к концу. Иссушенные беспощадным солнцем и пожухшие раньше времени листья уныло раскачивались на ветвях редких деревьев. Свет рекламы больно бил по глазам. Но воздух был удивительно чистым. Видимо, улавливатели углекислого газа сегодня на славу потрудились.

Я опустил обруч на глаза и просканировал пространство. Мат – еще один брат Наны, как раз выходил из лаборатории.

– Господи, ты точно уверен, что он сможет стать донором? Похоже, он сам еле живой, – покачал головой Ной, разгля-

дывая в толпе тонкого, нет... скорее даже дистрофично худого Матвея.

– У него астма. И надежды практически нет, впрочем, как и другого выхода.

Я знаю, что мой голос прозвучал излишне резко, но... Думаю, Ной понял, почему так и не стал принимать на свой счет.

– Матвей Давыдофф...

– Да. Это я...

Парень воровато огляделся и поправил надетые на глаза очки. Я и не знал, что кто-то в таких еще ходит.

– Спасибо большое, что откликнулся.

– Угу. Я не мог поступить иначе...

– Тебя кто-то ищет? – заинтересовавшись поведением парня, спросил я.

– Что?! Нет... с чего это вы так решили?

– Не знаю. Ты пуганый, как индюк в преддверии дня Благодарения.

– Ничего подобного... – пробормотал Мат, отступая.

Мне даже не нужно было проходить какую-либо специальную подготовку, чтобы понять – парень явно напуган. Я бросил на него короткий взгляд и покосился на Ноя. Тот тоже его читал, как открытую книгу. Хороший мальчик. Мне Ной нравился все больше и больше.

– Тебе хоть есть, где переночевать? – поинтересовался я, зная, что ради этой встречи парень преодолел несколько ты-

сяч километров.

– Я думал вернуться домой... – пробормотал он.

– Три часа в поезде, чтобы завтра утром возвращаться назад?

Мат нервно передернул плечами и взлохматил и без того растрепанные волосы.

– Пойдем, переночуешь у нас с Наной.

Парень еще раз нерешительно оглянулся и, наконец, кивнул головой.

– Пойдем... Я только зайду ненадолго к жене.

Она спала. Все чаще спала теперь... Я взял в свою руку ее худую ладонь. Не знаю, где найти в себе силы... Не знаю. Порой мне казалось, что из меня выкачали весь кислород. Такого опустошения я не испытывал никогда в жизни. Не знаю, как буду жить, если что-то случится. И буду ли...

– Спи, моя любимая девочка... Спи, мое все.

Полумертвый, я вышел из палаты. Эта опухоль пожирала не только мозг Наны, она сжирала что-то во мне...

– Ты готов, Мат?

– Да... Спасибо, что разрешили у вас переночевать.

– Без проблем... Ной уже уехал?

– Да, он сказал, что его ждут.

– Угу... У него пара детишек, которым нужен присмотр. Славные ребяташки. Ник и Маруська. – Я молол чепуху, пытаюсь не думать о важном. Стараясь не думать о том, что с каждым чертовым днем неизбежное приближается.

– Детишек? – парень нервно дернулся и снова осмотрелся.

Я запрыгнул в машину и, дождавшись, когда он тоже усядется, кивнул головой:

– Да. Ной не Пустой.

Мат несколько нервно качнул головой и, не задав больше ни единого вопроса, отвернулся к окну. Такое поведение было несколько странным. Обычно, когда Пробирочный оказывался способным к воспроизведению рода, это вызывало живейший интерес, но Матвея, казалось, эта информация несколько не впечатлила. Впрочем, он еще слишком молод для того, чтобы задумываться о таких вещах.

– Я читал, что ты биолог?

– Да. Биолог... И немного антрополог. Но сейчас я большую часть времени посвящаю именно биологии. И немного химии...

– Идешь по стопам отца?

– Что?! А вы откуда знаете?!

Я покосился на перепуганного парня и ответил, ничего не тая:

– Пробил по твоему ID.

– Разве это законно? – невнятно пробормотал Мат, вертя головой из стороны в сторону. Ну, и что он хотел высмотреть? Сбежать посреди дорожного потока, движущегося по хайвею со скоростью в двести километров в час, он не смог бы, как бы того не хотел. Да и двери заботливый бортовой компьютер заблокировал еще в начале движения.

– Законно. Я ведь военный, помнишь?

Парень моих слов, казалось, и не услышал. Он беспокоился все сильнее. Вытянул тонкую длинную шею с поистине огромным кадыком и беспокойно оглядывался.

– Куда мы едем?

– За город. У нас частный дом у самого озера.

Дом... Никогда о таком не мечтал. Довольствовался небольшой холостяцкой квартиркой. До нее... До Наны. А с ней, вот, захотелось... Сидеть, свесив ноги с хлипкого мостика, и провожать закаты, сжимая ее ладонь. Мечтать о будущем... Строить планы. А после, выпив бокал отличного чилийского вина, любить ее ночь напролет. Девочка. Нежная, любимая девочка... Как же так? Как...

Парень немного расслабился лишь только тогда, когда мы подъехали к дому.

– Есть хочешь? – спросил, стаскивая тяжелые ботинки. Я любил ходить босиком, ощущая под ногами прохладу настоящего дубового паркета. Нам с Наной он обошелся в целое состояние, но мы не жалели. Мечтали, как по нему будут ползать наши дети. Мы так много мечтали о будущем...

– Если вас это не затруднит...

Парень достал ингалятор и сделал несколько жадных вдохов. Я покачал головой. Напрасно... все это напрасно. Он не подойдет!

– Ничего особенного у меня нет. Я здесь практически не бываю с тех пор... – я взмахнул рукой, не в силах закончить.

– Ничего. Я всеядный. В экспедициях чего только не ел.

Парень немного расслабился, оглядываясь по сторонам. Я знал, что такой дом, как у нас с Наной, сейчас нечасто увидишь. Традиционный стиль, никакой эклектики. Все очень уютно и, пожалуй, спокойно. Да, это слово лучше всего подходит к нему.

– Что за экспедиции? – спросил, чтобы поддержать разговор. На самом деле мне не было интересно. Меня ничего не интересовало... Все фальшь.

Парень снова задержался.

– Антропологические... Мы изучали быт древних племен Амазонии. С тех пор, как был введен запрет на вырубку сельвы, дела этих ребят пошли на лад.

Я понимающе качнул головой, извлек из микроволновки подогретую пиццу и достал нам по бутылке пива. Вспомнил вдруг, как мы выпивали с Наной в последний раз. Вечер перед телевизором. Футбол. Я на диване, она у моих ног, бесцельно серфит по соцсетям. Время от времени подносит горлышко запотевшей бутылки к губам, делая небольшие глотки. Так жарко... Я воспламеняюсь. Возле нее я всегда теряю самообладание. Раздеваю жену в мгновение ока. Она жадно дышит и слизывает солод с губ. Совершенная. Идеально красивая. Моя... Я одержим. Веду холодным горлышком бутылки по сжавшимся коричневым соскам. Обхватываю рукою грудь. Полную, упругую, идеальную... Хватаю сосок зубами. Прикусываю. Горлышко бутылки скользит вниз, оставляя на

коже влажный прохладный след. Мышцы ее живота подрагивают, глаза широко распахнуты. Горлышком по клитору – она шипит. Я отбрасываю бутылку прочь и набрасываюсь на Нану, как оголодавший. Чувствую себя с ней живым. Живым... молодым... беззаботным.

Настроение стремится к нулю. Я притащил парня в дом, чтобы разбавить свое одиночество. Но это – самообман.

– Я тебе постелю в гостевой. Душ прямо в комнате. Завтра будь готов к восьми.

Сам я устроился на диване в гостиной. С недавних пор я не мог спать в нашей с Наной кровати. Я вообще старался не заходить к нам в спальню. Не мог видеть ее пустой. Не мог... Может быть, не возвращаться? Снять квартиру поближе к больнице, и обитать в ней? Я все чаще задумывался над этим вопросом, но, несмотря на это, не мог не приходиться сюда вновь и вновь. Кто-то должен был поддерживать жизнь в этом доме... Мне казалось, что жизни дома и Наны связаны.

Нана

Я смотрела на тощего парня в очках, а внутри у меня закипала злоба. Я не могла понять ее природу, но она накрывала меня с головой. Наверное, меня бесило то, что все они живы... в то время, как я умираю... И не имело больше смысла отрицать этот факт. Я умираю... Я умираю... Господи... Дай мне силы сделать это с честью. Дай мне силы умереть тем че-

ловеком, каким я была. Достойным во всех отношениях человеком... Не позволяй этой ярости, черной ревности и злости затуманить мое сознание. Не позволяй им отравить мои последние дни... Я хочу, чтобы меня запомнили прежней. Я не хочу этой грязи, Господи... И как же я не хочу умирать!

– Нана, девочка моя, тебе плохо?

Глупый-глупый Яков. Ты даже не догадываешься, как... Разве тебе знакома эта боль, любимый? И как же хорошо, что ты не знаешь её...

– Нет, все хорошо, – сцепив зубы, соврала я.

За всю жизнь я не врала столько, сколько вру сейчас, чтобы тебя защитить... Не хочу, чтобы ты знал, как мне отчаянно плохо. Я этого не хочу...

– Это твой брат, Нана, но...

– Его образцы не подходят.

– Мне очень жаль, – пробормотал парень, переминаясь с ноги на ногу.

Как они не понимают, что своей жалостью делают мне только хуже? Почему они этого не понимают?

– Спасибо, что попытался. Приехал... Яков сказал, что ты добирался издалека.

– Три часа в поезде. Спасибо изобретению магнитной подушки. Раньше мне на это понадобилось бы не меньше нескольких дней. Ну, или самолетом. А я не очень люблю летать.

Ну, вот и нашли что-то общее. Я тоже не особенно любила

самолеты. В попытке скрасить жизнь, после известия о болезни, мы с Яковом много путешествовали. Тогда, когда еще была надежда, что все будет хорошо... И по большей части мы путешествовали поездом. Лишь пару раз летали на отдаленные острова. Как будто в прошлой жизни...

– Нана тоже не любит летать, – улыбаясь, заметил Яков.

– Да, не люблю...

– Не знаю... Я не уверен, что фобии передаются по наследству.

– Ботан, – фыркнула я, и градус настроения почему-то медленно пополз вверх. Впрочем, в последние дни он скакало постоянно... Разброс по шкале диапазона от «все плохо, дайте же мне умереть!» до «как прекрасна жизнь, я не могу надыхаться!».

– Эй... Я всегда знал, что старшая сестра – это заноза в заднице, – с неуверенным смешком парировал Мат.

– Это почему же? – раздался знакомый голос от дверей. Черт возьми! Моя палата слишком многолюдна... И мне это не нравится.

– Анна... Знакомься... Мат. Ваш с Наной брат.

– Анна... – вместо приветствия пробормотала я. Но сестра не обратила на меня никакого внимания. Она сверлила взглядом парня. И тот тоже обратил внимание на ее несколько нездоровый интерес и выглядел по этому поводу недоумевающе:

– Что-то не так? – спросил он.

– Ты его сын... – прошептала она.

– Чей сын? – удивилась я.

– Да какая разница, чей я сын! – с досадой воскликнул парень.

Анна резко повернулась к Якову и зашипела:

– Он многое знает. Из того, что от нас всех скрывают...

Он его сын! Сын...

– Сумасшедшая какая-то, – пробормотал Мат, пятясь к двери, но Яков перегородил парню путь. Я понимала все меньше. Пространство то расширялось, то снова сужалось. Я теряла связь с реальной картинкой мира, поэтому прикрыла глаза. Дай мне умереть достойно, Господи... Пожалуйста, дай...

– О чем ты говоришь, Анна? – требовательно поинтересовался Яков.

– Он знает, почему мы бесплодны... Он знает!

– Что? Чушь какая... – бормотал Мат.

– Эй, стой, куда ты?!

– Матвей... Подожди... – попытался остановить парня Яков.

– Да он же трясется весь, ты только посмотри, как он напуган! – настаивала на своем Анна.

– Замолкни, Анна! Нам нужно во всем разобраться... Только и всего. В чем ты его обвиняешь?

Я уставилась на сестру, которую порядком потряхивало. Или это снова игра воображения? Да, нет... Анна была дей-

ствительно взволнована.

– Это касается одного из моих расследований... – облизнув губы, шепнула девушка. – Я пыталась разобраться в причинах бесплодия... Изучала статистику, расследовала случаи рождения Избранных, зачатых искусственным путем, обращалась к различным специалистам... Генетикам, биологам и врачам... Я пыталась разобраться... Понять, что пошло не так. Я работала над этим материалом три года!

– Я-то тут каким боком? – нахохлился, как воробей, Мат.

– А потом вышла на твоего отца... Ты правда ничего не знаешь?

– Понятия не имею, о чем ты!

Анна покосилась на Якова. Я напряженно следила за всеми ними, обхватив руками голову.

– Но как же... После него ведь остались документы?! Результаты исследований, дневники... В конце-то концов!

– Я не понимаю, о чем ты говоришь!

– Врешь! Он врет, Яков... Этот маленький урод врет! Врет! Пусть он скажет, как умер его отец?!

– Так, я отказываюсь и дальше принимать в этом участие... Немедленно откройте дверь!

Парня трясло и колотило. Обычно спокойная Анна едва сдерживала ярость.

– Пусть он скажет, как умер его отец!

– Сердечный приступ! У него был сердечный приступ! – заорал Мат, задыхаясь.

– Ингалятор, где твой чертов ингалятор?! – вскинулся Яков.

Я понимала, что происходит что-то важное... Что-то глобальное, предопределяющее судьбу, но ничего, кроме злости, не испытывала. Какая разница, что будет потом, если оно для меня не наступит?!

– Уйдите... Выйдите все, – шепнула едва-едва, но Яков услышал. Так повелось... Он слышал меня всегда. Даже мою болезнь он заподозрил первым... Возможно, если бы Яков не настоял на моем обследовании, я бы уже не жила. Мы вовремя приняли меры, тем самым продлив мне жизнь. Или продлив агонию...

– Маленькая... Что случилось?

– Мне просто нужно немного времени... Только и всего... Ты мне обо всем расскажешь. Потом... Когда мне станет лучше. А сейчас... Я не могу, Яков... Я не могу...

– Выйдите, пожалуйста, – распорядился Яков, обнимая меня за плечи.

Я спрятала лицо у него на груди. Присутствие мужа меня успокаивало.

– Что теперь будет? – тихо спросила я, игнорируя болезненную пульсацию в голове.

– Не знаю, маленькая... Думаю, что ничего хорошего.

– Я теряю себя, Яков... Отрицать это совершенно бессмысленно, потому что... потому что это так. Я чувствую, как меняется мое сознание... Врачи говорили, что это про-

изойдет незаметно, но это не так. Я злюсь... Так страшно злюсь... Ты себе даже не представляешь. Во мне пробуждается все самое худшее... Выходит, это было во мне всегда?

– Нет-нет! Маленькая... Ты же... ты самый светлый человек, которого я знал, самый добрый. Смешная... сострадающая, сильная! Ты такая сильная, Нана. Я восхищаюсь тобой... Всегда восхищаюсь.

– Мне бы хотелось тебя поддержать в борьбе...

– Борьбе?

– Да... Грядет великая битва. Да ты и сам понимаешь это... Пришло время перемен. Время суда... Мне бы хотелось быть рядом в этот момент. Быть твоей опорой...

– Ты будешь!

– Ты не станешь злиться, если я попрошу?

– О чем?

– Сначала скажи, что ты не станешь злиться... – я настаивала на своем, и потихоньку сползала на подушку. У меня не было сил даже сидеть.

– Не позволяй болезни меня уничтожить... Если ты увидишь, что меня больше нет... Если ты осознаешь, что мое место занял кто-то другой... Позволь мне уйти.

– Нет, Нана!

– Я хочу это сделать достойно... Потом ты меня поймешь, я уверена. Не позволяй злобе и ненависти захватить мой разум. Я чувствую, что это началось... Времени почти не осталось. Обещай мне, Яков... Пожалуйста, обещай!

Яков

«Обещай мне, Яков... Пожалуйста, обещай!» – Слова Наны пульсировали в моей голове. Жгли душу. Понимала ли она, о чем просит? Понимала ли она...

– Яков...

Дьявол заberi! Как же они достали... Как же дико они достали...

– Что, Анна? Почему ты все еще здесь?

– Из-за мальчишки, конечно! Послушай... Этот сучонок сбежал, но я абсолютно точно уверена, что разгадка всего происходящего у него в руках! Ты ведь можешь поймать эту мелочь? У тебя ведь есть доступ к его данным?!

– Конечно. Только... объясни, почему ты считаешь, что он нам сможет помочь? Он как-то причастен к делу исчезнувших Избранных?

– К делу Избранных? Послушай, это несколько другое...

– Другое... – повторил я. – Неужели ты не понимаешь, что мне сейчас нет дела до чужих проблем?

– Но как же? Это ведь важно, Яков... Послушай, приемный отец Матвея долгое время трудился на правительство Конфедерации, – Анна наклонилась ближе ко мне и тайком огляделась по сторонам. Ну, вот. Паранойя Мата оказалась заразной.

– Мне это известно. И что? – устало поинтересовался я.

– Здесь не место для подобного разговора...

Я пожал плечами:

– Тогда я тебя подброшу до дома. Там и поговорим.

Молча мы спустились в подземный паркинг, молча устроились в кресле и пристегнулись.

– Выкладывай...

– Ты уверен в своей системе безопасности? Тебя не пасут?

– Я отключу бортовой компьютер и поведу вручную. Выкладывай все, что тебе известно.

– Как я уже говорила, несколько лет своей жизни я посвятила вопросу изучения причин бесплодия людей, рожденных от доноров. Мне стало интересно, почему они стали Пустыми, в то время как Избранные, напротив, в полном объеме восстановили репродуктивную функцию. Объективных причин для этого не существовало. На тот момент и те, и другие жили примерно в одинаковых условиях. В схожей среде обитания, при одинаковом доступе ко всем благам цивилизации. Ты представить себе не можешь, сколько информации я перелопатила, сколько людей опросила, сколько научных трудов подняла. И знаешь, что меня насторожило практически сразу же? Этим вопросом задалась только я. Ученым, как оказалось, не до этого. Ни одной приличной научной работы за последние десять лет. Ни одной. Можешь в это поверить? Нет, под влиянием общественности гранды на соответствующие исследования раздаются направо и налево, вот только результат у них нулевой. Как будто кто-то делал все, чтобы ученые не докопались до истинных

причин происходящего. Более-менее глобально этот вопрос изучался только в середине прошлого века, когда человечество впервые столкнулось с бесплодием настолько угрожающих масштабов. Тогда еще не было деления на Избранных и Пустых, и дети, зачатые от донора, рождались абсолютно здоровыми...

Анна замолчала и отвернулась к окну. Мимо пролетали огни мегаполиса, свет фонарей, освещающих автостраду, лизал темные стекла машины. Я не был уверен в том, что хочу услышать рассказ Анны. Что-то мне подсказывало, что ничего нового я не узнаю. Совсем недавно нечто похожее на меня вывалил Ной, и я до сих пор не понимал, что мне делать с полученной информацией. У меня не было доказательств... Я сидел в штабе и скрупулёзно перелопачивал всю доступную информацию, но... Не находил никаких зацепок. Ни одного факта, который бы доказывал наличие заговора.

– Это случилось ровно тридцать лет назад. За три года до моего рождения. Как будто кто-то выключил тумблер, или отдал команду... Это не похоже ни на одну известную генную мутацию. Ни на одну...

Интересно, если я скажу, что Свободные роят в том же направлении, она сильно удивится? Что... если... я... ей... скажу?

– Анна... Я понял. Ты считаешь, что все неспроста. Ты кого-нибудь подозреваешь? И, если да, то в чем?

– Совершенно определенно в этом замешаны Президент,

верховный главнокомандующий, ряд министров и руководство крупных фармакологических корпораций. Частично вовлечены все Избранные. Бесплодные Избранные – так точно. Не думаю, что они осознают масштабы проблемы, просто не хотят лишаться своего статуса, и поэтому тайком обращаются к донорам, тем самым поддерживая идею собственной исключительности.

– К донорам тайком не обратишься, – парировал я, – этот процесс находится под контролем Министерства здравоохранения Конфедерации, все обращения фиксируются. К тому же я так и не понял, в чем ты их обвиняешь?

Анна рассмеялась. Однако веселья в ее смехе не было. Только горечь. Горечь, и что-то еще... Я не мог разобрать, что.

– Не слишком ли вы наивны, генерал? Мы говорим о геноциде, масштабов которого человечество еще даже не осознало. Ты думаешь, его вершители не нашли способ обмануть систему? Думаешь, криобанки взрывают Свободные?

– Кто же, если не они?

– Те, кому нужно замести следы незаконного использования отданного на хранение биоматериала.

– Руководству криобанков?

– Да. Я долго над этим думала, и вывод напрашивается сам собой. Впрочем, доказательств у меня нет.

Я кивнул головой. Скорее всего, в этом вопросе Анна ошибалась. Я лично поймал Ноя на горячем. Совершенно

определенно, за взрывами криобанков стояли Свободные. Ной этого не отрицал...

– Почему ты решила, что приемный отец Мата знал что-то?

– Я брала у него интервью. Поначалу он был не слишком разговорчивым и пуганым... Примерно так же себя вел и Мат. Наш разговор проходил вполне себе прозаично. Ничего нового я для себя не узнала, хотя собеседником он был неплохим. Рассказывал интересно. Но потом... Потом что-то случилось. Грег позвонил мне ночью... Его голос был очень взволнованным, мужчина сказал, что у него есть важные документы, способные разоблачить многих влиятельных людей. Мы назначили встречу, но он не пришел... А потом в новостях мелькнула информация, что Грег умер.

Я задумчиво потер бровь:

– Думаешь, его убрали?

– Не сомневаюсь, – хмыкнула Анна.

– Какого рода информацией он мог обладать?

– Грег был ученым с мировым именем. Думаю, он каким-то образом докопался до истины. Не знаю, как... Возможно, ему что-то стало известно в процессе других исследований. Ты ведь в курсе, так бывает, ищешь одно – находишь совершенно другое. Как Колумб, который искал путь в Индию, а открыл Америку...

– Допустим... Только с чего ты взяла, что Мат в курсе происходящего?

– Да он же пуганый! Ты сам видел... Парень собственной тени боится...

– Это не доказательство, – справедливо заметил я.

– Возможно... – отвернулась к окну Анна, – черт! Мы были так близко... Так близко! Твою ж мать... И это еще Ной не в курсе событий!

– А ему что? Сейчас Ноя волнует исключительно Кайя...

– Но это ведь звенья одной цепи, Яков! Как ты не понимаешь?! Не искалечь нас правительство, никому бы и в голову не пришло похищать женщин только лишь для того, чтобы превратить их в поставщиков яйцеклеток! Не решив одной проблемы, мы не сможем решить другую! И Ной может головой о стены биться, но никто ему не даст гарантию, что это не повторится, скажем, с его дочерью!

Ее слова были справедливы. Наверное, да...

– Что ты предлагаешь, Анна? Не ты ли еще совсем недавно не хотела марать в этом руки, опасаясь за свою жизнь?

Девушка опустила голову. Я свернул в узкий проулок и припарковался у ее дома.

– Тебе есть, что терять? – наконец спросила она, тем самым выбивая кислород из моих легких.

– Да. Мне есть...

– Она может тебя даже не вспомнить, Яков... Ты ведь знаешь, обо всех рисках трансплантации мозга...

Анна знала, куда бить. Я не ожидал от нее подобной жестокости.

– Поэтому мы так серьезно относимся к вопросу выбора донора, – ответил я, выходя из машины. Распахивая дверь перед девушкой, я меньше всего думал о правилах приличия. Мною двигало совершенно другое. Я хотел, чтобы она поскорее убралась.

– Пойми... Всем нам... всем тем, кто борется с системой... нужен лидер. Я допускаю, что тебе сейчас не до спасения мира, но... Я не вижу другого человека, кто мог бы взять эту функцию на себя. Ты обладаешь необходимыми знаниями и подготовкой... Вокруг твоей героической личности могут объединиться миллионы людей.

– О господи... Анна, оставь это дерьмо!

– Не оставлю! Я и сама-то осмелела, только лишь по одной причине... Впервые я увидела человека, который действительно может хоть что-то изменить!

– И этот человек – я?!

– Несомненно. Ты уже знаешь гораздо больше, чем любой человек до тебя...

– Ты знаешь ровно столько же... А возможно и больше.

– Я не воин, Яков... Просто подумай о том, что происходит. Ты мог бы этому противостоять. Ты бы мог...

Я ничего не ответил. Вернулся в машину, включил автопилот, задав курс обратно к госпиталю. Мне нужна была Нана. Я не мог и не хотел думать о чем-то еще. Я не хотел...

Она лежала, свернувшись в комок на самом краю постели. Я осторожно уселся рядом. На пол. В окна лился неоновый

свет, и в этом свечении лицо Наны казалось совсем неживым. Серым... Меня ударило волной ярости. Подорвало... Я вскочил, заметался по комнате. Это было несправедливо! Так не должно было быть! Как же ты ошибалась, Анна, как же ты ошибалась! Как я спасу человечество, когда даже жену не в силах спасти?! Когда я не в силах ее спасти... Я подошел к окну. Злость разрывала меня на куски, рвала душу, взрывала голову. Из груди рвался крик... Но самое большее, что я мог, это тихонько застонать в кулак...

Я не услышал, как она подошла ко мне. Только почувствовал руки, что оплели мой торс. Нана уткнулась лицом мне в спину и прошептала:

– Не злись...

Я выдохнул, медленно к ней поворачиваясь, боясь поверить, что моя девочка ко мне вернулась. В последнее время этого почти не случалось.

– Я не злюсь, маленькая...

– Злишься. И я злюсь, возможно, растрачивая на это чувство остатки энергии... Мы все злимся по той или иной причине. Ной, Анна, Мат... Все люди вокруг... Кого ни коснись. И самое страшное, что мы все не осознаем, что наш гнев – это убийца любви. Убийца всего хорошего, что в нас есть...

Голос Наны слабел, как и ее ноги. Осторожно я проводил жену к постели. Помог устроиться на кровати и прилег рядом. Мы так давно с ней не говорили...

– Знаешь, что самое страшное? Гнев многолик... И ле-

жа на этой койке, я познакомилась, пожалуй, с каждым его проявлением... Я тебя вгоняю в депрессию своей философией? – слабо улыбнулась Нана мне в бок. Я ничего не ответил и ухмыльнулся... Моя жена прекрасно знала, что с ней я был готов обсуждать все, что угодно. Даже цвет занавесок в столовой нашего дома.

– Раздражительность, вспыльчивость, злопамятство, ненависть и непощение, – продолжила Нана, практически засыпая, – все одно к одному.

– Боюсь, что в современном мире нам этого всего не избежать... – задумчиво вздохнул я.

– Хм... Даже если альтернатива – гибель всего живого?

– Не знаю... Думаешь, нас еще что-то может спасти?

– Я могу только предполагать, что нас спасет *кротость*.

4. Гордыня

Нана

Эти помывки меня доконают! Я потянулась рукой к мылу, но оно выскользнуло из моих одеревеневших пальцев и закружилось по дну душевой кабинки. Створка двери отъехала в сторону. В образовавшуюся щель просунулась голова моей ненавистной сиделки:

– Может быть, я все же могу вам помочь?

– Нет! Убирайся...

– Возможно...

– Господи, да просто оставь меня в покое! – заорала я. –

Неужели это так сложно сделать?!

Створка плавно вернулась на место. Аккуратно сместившись, я подхватила скользкий брусочек и провела им по груди. Сверху на голову мне лилась вода. И это было такое блаженство! Небольшая передышка для моего измученного болезнью тела. Самым отвратительным в этом всем было то, что меня запомнят такой...

– Нана... – слышался голос Якова.

– Я в душе! Дай мне несколько минут...

В последнее время я боюсь показываться мужу на глаза обнаженной. Не хочу, чтобы он видел меня такой... Тщеславие... Проклятой тщеславие, которое причиняет Якову боль – я знаю. Знаю... и просто не могу переступить через

себя.

Я попыталась встать, но ноги меня не слушались, а зрение опять пропало.

– Марина... Марина!

– Да? Я могу вам помочь?

– Ты же для этого здесь, ведь так? – съязвила я и тут же заткнулась. Меня пугал тот человек, который все чаще говорил за меня. Та... другая я, теперь постоянно вырывалась из-под контроля и причиняла боль не только всем окружающим, но и мне... Той, которой я была еще совсем недавно.

Сиделка радостно улыбнулась (чему только скалится?!) и протянула мне толстую руку. Я обхватила ее, на негнущихся ногах сделала два шага к коляске.

– Пожалуйста, подай мне одежду...

Она проворно кинулась исполнять мою просьбу, а я равнодушно отвернулась к стене. Марина подала мне халат, не прекращая о чем-то болтать. Я же слушала ее вполуха.

Когда сиделка выкатила меня в палату, Яков стоял возле окна. Я не могла понять, то ли за окном было настолько серо, то ли я постепенно превращалась в дальтоника...

– Яков...

Мне пришлось окликнуть мужа, потому что он, погружившись в свои мысли, даже не услышал шума за спиной. Это было совершенно на него не похоже.

– Нана... Привет.

Взмахом руки я отослала сиделку прочь и подъехала бли-

же к мужу.

– Что-то случилось? – я даже не спрашивала Якова... просто озвучивала все то, что прочитала у него на лице.

Он сел возле меня на корточки. Обхватил руками мое лицо.

– Доктор Хе говорит, что опухоль значительно увеличилась. Данные последнего обследования...

– Не оставляют мне шансов.

Комната перед моими глазами резко качнулась. Я в панике осмотрелась...

– Он так говорит, но я совершенно с ним не согласен!

Я покачала головой из стороны в сторону. С меня было достаточно лжи. Я наелась ее... Пришло время сказать правду:

– Мы обманываем сами себя, любимый. Мы просто друг другу врем!

– Нет! Послушай... Можно попробовать вырастить мозг из донорских клеток Анны...

– Наша совместимость минимальна, – шепнула я, отъезжая в коляске в сторону.

– Это лучше, чем ничего!

– Для кого лучше? – я резко обернулась. Боль ударила в висок, и на несколько мгновений я отключилась. Пришла в себя уже лежащей на кровати. Яков облегченно выдохнул, когда я открыла глаза. Так мы и сидели, сплетаясь взглядами...

Пересадка головного мозга даже в наше время была сопряжена со множеством рисков. Большими или меньшими... Наука позволяла вырастить любой орган из стволовых клеток пуповинной крови, и в таком случае опасность отторжения была минимальной. Используемые клетки принадлежали самому реципиенту, а значит, несли в себе всю полноту информации о нем. Если же образцы пуповинной крови по какой-то причине были утрачены, то риски увеличивались стократ... Иногда могли подойти образцы братьев или сестер. Не обязательно, конечно, но вероятность была. И если операция проходила без осложнений, то у реципиента была большая возможность сохранить свою личность. Сохранить душу... Наукой было доказано, что эта тонкая материя во многом определялась памятью предков. Если у реципиента и донора были общие родители – проблем практически не возникало. Если совпадал только один из них – риск возрастал, но все равно не был критическим. Согласно концепции динамических матриц, управляющих большинством процессов в головном мозге, здоровое полушарие подхватывало связывающую реципиента и донора информацию, зашифрованную в памяти предков, и по неким маркерам-совпадениям, выстраивала дальнейшую матрицу личности. Но для этого мне нужно было найти родственного донора, который подходил бы мне хотя бы генетически. А такого и близко не было.

– Я буду тебе нужна, если это буду уже не я? – спросила

то, что, наверное, волновало нас обоих.

– Ты будешь жить...

– А я ли?

Лицо Якова дрогнуло. Он сжал челюсти и отвернулся к окну.

– У нас не осталось времени, – сипло выдавил он.

– Мне жаль...

– Ты сдалась! Ты сдалась, Нана!

– Я считаю, что проигрывать тоже нужно уметь.

– Ты никогда не проигрывала!

– Мне просто везло. Сейчас фортуна от меня отвернулась.

Прерывая наши дальнейшие споры, дверь палаты отъехала в сторону. Я равнодушно повернула голову на бок. На пороге комнаты неуверенно переминалась с ноги ногу моя сиделка. Вот что она опять здесь забыла?

– Нана, – пробормотала Марина, теребя подол форменного халата, – вы... вы не могли бы мне уделить пару минут? Моя смена закончилась, и впереди выходные... так что...

Я медленно пожала плечами, соглашаясь, впрочем, не особо понимая, о чем нам с ней разговаривать.

– Я работаю здесь... в госпитале. Ну... вы ведь знаете... Очень много работаю. Поэтому ни на что другое времени практически не остается. В том числе на социальные сети...

Я выгнула бровь. Какого черта? Разве мне есть до этого дело?

– ... поэтому я только сейчас... совершенно случайно уви-

дела ваше послание...

– И?

– И только сейчас увидела... что... в общем, мы с вами сестры, Нана. Вот... вот моя метрика.

Она залезла в карман и достала оттуда изрядно помятую бумажку. Яков вскочил на ноги. Я медленно опустила веки, чтобы не показать слез, закипевших в глазах. Черт... Я ведь уже практически смирилась...

– Нана, смотри... Смотри, милая! Ваши метрики совпадают! Ты слышишь, Нана?!

Я, конечно же, слышала. Но восторга мужа не разделяла. Надеяться на что-то до того, как нас с Мариной проверят на совместимость, было крайне глупо. Я уже проходила через это. К тому же... даже сейчас не верила, что у нас может быть что-то общее с этой недалекой женщиной...

– У меня уже взяли пробы, – потупилась она.

Я откашлялась, и кашель тупой болью отозвался в моей груди.

– Спасибо! Огромное вам спасибо, Марина!

Счастье Якова было таким заразительным...

– Ну, что вы! Я рада, если мне удастся хоть кому-то помочь...

– Именно поэтому ты стала сиделкой? – вклинилась я в разговор.

– И поэтому тоже... А еще мне нужны деньги, чтобы закончить учебу. Сразу по окончании школы мне пришлось

заботиться об умирающей матери, и я не смогла этого сделать...

Мы с Яковом переглянулись.

– И что... ты на самом деле согласишься мне помочь, если окажется, что это возможно?

Марина растерялась. Удивленно хлопнула глазами:

– Конечно. Иначе... зачем бы я к вам пришла?

– Не знаю. Я относилась к тебе не самым лучшим образом.

– Ну, что вы, Лия... Я ведь прекрасно понимаю, что на самом деле вы не хотели меня обидеть. Просто... просто это болезнь. Я все понимаю.

Не понимала она ни черта! Я долгое время считала ее тупой коровой. Возможно, и сейчас мое мнение не изменилось...

Нет... Это надо же! Моим потенциальным донором оказался человек, который все это время был рядом! Разве в жизни бывают такие совпадения?! Странные, удивительные совпадения... Я пыталась понять, что думаю по этому поводу, но мои чувства находились в смятении. Сестра... подумать только, она – моя сестра!

Яков

Я воспрянул духом. Появление нового потенциального донора дало мне небольшую передышку. Я чуть глубже вдохнул, наполняя легкие кислородом. И одновременно с этим по личному каналу связи мне пришло сообщение от неиз-

вестного абонента.

«Сегодня на меня было совершено покушение. Нужная вам информация находится у меня. Мои координаты... Мат»
Черт! Черт! Черт! Вот и что прикажете делать?!

– Ной! Ты мне нужен...

– Жди меня в старом храме через сорок минут, – не стал вдаваться в подробности парень.

Я сбросил вызов и заблокировал дверь кабинета, в котором работал последние восемь часов. Времени не было... Мат находился на расстоянии в четыре тысячи километров от нас. И, судя по всему, парню угрожала реальная опасность. Добраться к нему можно было только одним способом – на сверхзвуковом поезде. Однако такого рода передвижения сопровождалась биометрической фиксацией пассажиров. А я был уверен, что нам с Ноем не стоит светиться.

Когда я добрался до нужного места, Ной уже был там:

– Что у вас произошло?

– Как знать... Помнишь Мата?

– Да... – насторожился он.

– Так вот... Этому парню грозит опасность...

Я детально описал Ною все, что мне стало известно из нашего разговора с Анной, а после – продемонстрировал ему полученное от него послание.

– Почему ты мне сразу обо всем не рассказал? – подозрительно сощурился Ной.

– Господи... Да это только вчера случилось! Я не соби-

рался от тебя ничего утаивать, если ты снова об этом...

Ной залип на мне взглядом на пару секунд и, неуверенно кивнув, снова прошелся по проходу. Весь наш разговор он метался туда-сюда между припорошенных пылью, изувеченных вандалами скамей. Мне бы хотелось от него большей сдержанности. Если нам придется вступить в бой, лишние эмоции поставят нас под угрозу.

– Если у него и правда есть какая-то информация, парня нужно выручать... И делать это немедленно.

– А вдруг это просто ловушка?

– Не думаю. Он был слишком напуган еще тогда. Полагаю, догадывался о том же, о чем догадался его отец, а теперь каким-то образом раздобыл доказательства.

– Значит, я поеду...

– Мы... поедem. Кто-то должен тебя страховать. К тому же... Мат доверяет исключительно мне. С тобой он вряд ли куда-то сунется. Что-что, а мозги у него работают, как следует.

Ной на секунду остановился:

– А как же Нана?

Меня тоже волновал этот вопрос. Очень...

– Надеюсь, что мы быстро управимся. Другого выхода у нас нет. Меня волнует только то, как мы доберемся до места... Светиться теперь нам точно нельзя.

На секунду парень задумался. Потом как-то странно на меня посмотрел и скомандовал:

– Пойдем...

Я оглянулся напоследок. Каждый раз, когда я находился здесь, меня завораживал свет, проникающий в окна. Завораживал и не отпускал. Словно я на подсознательном уровне тянулся к его изменчивому сиянию – единственному проблеску надежды в моей померкшей жизни.

Как оказалось, путь мы держали к дому Ноя. Нас встречал Джек, дети играли в соседней комнате.

– Нам нужны карты...

Джек молча кивнул, взмахнул узловатыми пальцами, выводя подробную голограмму карты. Подготовительная работа заняла всего час. Мы проложили маршрут и экипировались. Оружия в доме Ноя было столько, что его бы хватило на небольшую армию. Даже мой арсенал был поменьше...

– Мы так и не решили вопрос о том, как попадем в поезд с этим добром.

– Оставь это мне, – отрезал Ной, затягивая ремни на небольшом рюкзаке.

И я оставил... Оказалось, что Свободные обладали гораздо большей властью, чем я мог бы предположить. Нас проводил к поезду суетливый вертлявый мужичок по каким-то известным только ему переходам. И это позволило нам устроиться в вагоне еще до того, как состав был подан на посадку. Все время в пути я посвятил медитации. Мне было сложно не думать о Нане, но для успеха операции я был просто обязан отбросить прочь все посторонние мысли.

И, наконец, долгожданная остановка... Стараясь слиться с толпой, мы покинули капсулу поезда и, незаметно сканируя пространство, не спеша двинулись к выходу. Напряжение, сковавшее тело, на поверхности немного отпустило. А там нас уже ждал ничем не приметный старый автомобиль. Молоденький парнишка бросил ключи Ною и тут же убежал.

– Он надежен?

– Можешь быть в этом уверен.

На пути к нычке Мата мы сменили несколько машин. Одна неприметнее другой. Хвоста за нами не было, но мы страховались. Адреналин гулял в крови, однако внешне это никоим образом не проявлялось. Мы не сделали ни одного лишнего движения. Ни я, ни Ной. В паре с ним я чувствовал себя комфортно. Я ему доверял. Наверное, потому, что мы были во многом похожи и прошли одну школу.

Свернув с развилки, выехали на проселочную дорогу – рыжую, выжженную солнцем глиняную колею. Из-за этой глины окружающий нас пейзаж выглядел абсолютно инопланетно. Бескрайняя иссушенная равнина, покрытая уродливыми трещинами и разломами. Она тосковала по ливню, мне казалось, я слышал ее тихий плач.

– Где же ты, Мат?

– Он должен быть где-то здесь...

Я остановил машину. Вышел из салона, пыль забила ноздри, проникла в рот и глаза. Сплюнул и осмотрелся. Позиция – хуже некуда. Простреливается со всех сторон. Или Мат

совсем без мозгов, или я даже не знаю... Стоило мне только об этом подумать, как он вылез буквально из-под земли. Что-то в облике парня здорово меня насторожило!

– Эй, Мат... Ты в порядке?

– Кхе-кхе... Не совсем. Вы как раз вовремя!

– Что случилось? – опережая мой вопрос, поинтересовался Ной.

– У меня закончились лекарства... Ну, же... Чего вы стоите?! Поехали...

– Тебя ищут?

– Да... Только совсем в другом месте. Если успеем смыться в ближайшее время – шансы будут. Позже – наверняка нет. Вот, возьми... Если со мной что-то случится.

– Что случится? Ты о чем?

– Здесь документы и записки отца... У него была привычка писать на бумаге. – Мат снова закашлялся. Воздух с шумом входил в его легкие, дыхание было затруднено и сопровождалось посвистыванием.

– Эй... Может, ты поторопишься нам все объяснить? – вклинился Ной.

Я качнул головой, давая ему понять, чтобы тот не слишком наседали на парня, и в тревоге покосился на заднее сидение. Мат полулежал на нем, опустив голову вниз, и задышался.

– Ной, посмотри, где здесь ближайшая аптека, – распорядился я. Без собственного обруча было непривычно. Про-

стые действия, которые я, не задумываясь, совершал сам, теперь были мне неподвластны. Впрочем, рисковать не хотелось. Через ПК за мной могла быть установлена слежка. И я должен был полностью исключить такую возможность.

– Какого черта? Мы собьемся с маршрута.

– Если этого не сделать, он может не выжить. И какой тогда смысл в этом всем?

Ной выругался. Задал Сири запрос, вбил полученные координаты в компьютер автомобиля.

– Там тоже нет подзаряжающего дорожного покрытия. А наших батарей может и не хватить.

Я медленно кивнул.

– Это безумие. Нам нельзя терять время... – прохрипел Мат.

– Ты выживешь без ингалятора?

Ответом мне был еще один приступ кашля. Ной выругался и закатил глаза.

До маленького поселения вблизи огромной конгломерации городов западного побережья оставалось каких-то пятнадцать минут. Я очень надеялся, что мы успеем вовремя. Матвею становилось все хуже. Когда мы добрались до места, солнце село за горизонт. Мы уже опоздали на обратный поезд, но я не позволял себе думать о том, что за тысячи километров отсюда моя тяжелобольная жена осталась один на один со смертью. Я старался об этом не думать...

– Я пойду, – вызвался Ной, с которым я не стал спорить

только лишь по одной простой причине – именно я обладал реальными возможностями что-то изменить. Именно я имел доступ к структурам власти. Именно я, появившись у нас доказательства, мог бы... Черт! Они возникли как будто из ниоткуда. Группка военных. Немного – человек пять.

– Мат... Мат! Посмотри, тебе знакомы эти ребята?

Матвей с трудом поднял голову и отрицательно качнул головой. Чертова аптека! Чертова... Ной вышел из здания, сжимая в руках пакет с лекарствами.

– Стой, где стоишь! – скомандовал главный в группе, задрав щиток шлема на макушку. Его автомат был опущен дулом к полу, но палец покоился на курке.

Ной замер, сканируя взглядом пространство. Я потянулся за пистолетом.

– Что-то случилось?

– Мы только лишь проверим ваши документы и личные вещи.

– Пакет?

Я выругался. Если эти парни искали Мата, то не могли не знать о том, что тот серьезно болен. Содержимое пакета могло их очень заинтересовать. Из просто дерьмовой ситуация на глазах превращалась в дерьмовее некуда.

– Руки на стену. Ноги на ширину плеч...

– Я арестован?

– Кифер, пробей его...

– Да у него здесь целый арсенал! Твою мать!

– Кифер... Здесь чья-то тачка...

– Проверь!

Времени на раздумья не оставалось.

– Пригнись, – скомандовал я Мату и первым делом снял того, кто держал Ноя на мушке. Освободившись, тот двумя безупречными выстрелами убрал еще двоих, а после откатился в сторону. Я выскользнул из машины. Темнота в значительной мере усложняла нашу работу. Мне удалось убраться парня только лишь потому, что он стоял в тусклом свете единственного здесь фонаря. С интервалом в секунду раздались несколько выстрелов. Я насчитал пятерых военных. Значит, где-то еще оставалось, как минимум, два. Нам не следовало медлить – те могли вызвать подмогу в любую секунду. Ночь взорвала автоматная очередь.

– Четвертый. Есть!

Хороший-хороший мальчик Ной! Краем глаза я уловил легкое движение чуть левее от меня. Не раздумывая, выпрямил руку и нажал на курок.

– Чисто.

Выпрямившись во весь рост, я подошел к Ною.

– Ты как?

– В порядке. Давай отсюда уматывать...

– Скорее всего, они успели передать данные нашей тачки...

– Плевать. Другой у нас нет. Да и не такие уж нам попались профессионалы.

Он прав. С бойцами элитных подразделений мы бы так просто не справились.

Мы уже были практически у машины, когда из темноты материализовалась крупная фигура с зажатым в руке автоматом. Я замер.

– Всем оставаться на своих местах. Вы арестованы по подозрению в...

Здоровяк не успел договорить. Кто-то подкрался к нему и оглушил ударом по голове. Мы с Ноем вскинули пистолеты, направляя их... направляя их...

– О, милостивый боже! Милостивый боже... Я знал, знал, что послание расшифровано правильно... Я знал! Знал!

Он был старым, если не сказать – древним. С длинными седыми волосами, причудливо торчащими над головой. Вместо одежды – длинная коричневая мантия, вместо пистолета – зажатый в руках крест.

– Милостивый боже... и правда! Что... это... за хрень? – делая паузы между словами, поинтересовался Ной.

– У нас нет времени! Запрыгивай в тачку... – скомандовал я.

– Нельзя! Туда нельзя! – взмахнул тощими руками мужчина. – Вас отыщут... найдут! Предсказание говорит, что Мессию спасает небо! В машину нельзя...

– Извини, дедуля, но мы торопимся. Очень!

– Вытаскивай Матвея из машины! – резко бросил я Нюю, кожей чувствуя приближение катастрофы. Волосы на голо-

ве встали дыбом, и бред, озвученный безумным фанатиком, уже не казался мне таким несусветным.

– Какого черта, мужик?!

– Это приказ!

Чертыхаясь, Ной достал из машины полумертвого Мата.

– Сюда... – скомандовал старик и довольно проворно юркнул в темный, незамеченный нами проем.

Нам не пришлось идти долго. Буквально через полкилометра проводник распахнул перед нами покосившуюся пластиковую дверь и, торопливо перекрестившись, вошел в нее первым.

– Ты ранен, – заметил Ной, сгружая Мата на продавленный диван.

Я прижал руку к простреленному боку.

– Зацепило. Ничего серьезного. Помогите парню... – скомандовал Ною, переключаясь на старика, – что вы там говорили про небо?

– Не я... Не я говорил... – фанатично сверкая глазами, ответил тот, – писание говорит, что Мессию спасет небо!

– Мессию?

– Мессию... Вас, ваше святейшество!

– Похоже, этот планочный верит, что ты – Бог, – неверяще покачал головой Ной, – скажи мне, почему мы все еще здесь?

Я проигнорировал слова парня и снова обратился к старику.

– И что же... Вы знаете, как это случится?

– Случится? – переспросил тот, искренне недоумевая.

– Вот именно. Как это случится? Может быть, у вас есть на примете самолет?

За моей спиной закашлялся Мат. Ингаляции ему помогли. Но он был порядком измучен.

– Самолет... – повторил старик. – Да! Да! Конечно! У нас есть самолет... – он вскочил и заметался по комнате. – До того, как у моего прихода отобрали землю, мы выращивали кукурузу, а для орошения полей использовали самолет. Небольшой. Четырехместный! Как раз поместимся... Как же мне сразу не пришла в голову эта мысль?!

Я стиснул зубы и отвернулся к стене. На что я рассчитывал?! На то, что у кого-то из гражданских в амбаре будет припрятан реактивный лайнер? Меня охватило отчаяние. Время безвозвратно уходило. Время, которого у меня могло и не быть...

– Яков, – мне на плечо легла рука Ноя. Он бросил пренебрежительный взгляд на старца и тихо заметил, – давай хотя бы глянем на эту рухлядь. Нам бы только до города долететь. А там Свободные что-нибудь придумают.

Я кивнул, ведь выхода все равно не было, и мы молча последовали за стариком. По темным улочкам, до проселочной дороги, вдоль которой громоздились унылые полузаброшенные ангары. Самолет, открывшийся нашему взору, и самолетом было сложно назвать. Я не знал, что для меня было хуже – сесть в него, подвергнув опасности свою жизнь, или

остаться здесь, где тоже небезопасно.

– Скоро тут мышь не проскочит. Ты знаешь, как они работают... Оцепят все кругом, и даже если нам удастся остаться незамеченными, мы потеряем кучу времени.

Я кивнул головой, соглашаясь с Ноем, ударяя носком ботинка по обшивке железяки.

– Я даже не уверен, что он взлетит. И кто сядет за штурвал? Никогда не пилотировал такую рухлядь.

– Я могу... с таким... управляться... – с трудом выдавил из себя Мат. – В Амазонии только на них и передвигался.

– Керосин. Здесь есть керосин! – всплеснул руками старик.

Чудесно... У нас есть горючка. Теперь осталась самая малость – завести эту грудку железа, взлететь, пролететь почти четыреста километров с пилотом, который в любой момент может окочуриться, и, если после этого нам каким-то чудом удастся выжить – приземлиться. Всего-то...

На сборы времени не было, поэтому все прошло очень быстро. Пока Ной заливал керосин в бак, Мат производил расчёты, наносил на схему план полета, а я – проверял снаряжение. Мы не сразу сообразили, что старик собирается лететь с нами.

– Исключено, – отрезал я, глядя прямо в выцветшие глаза.

– Но... как же? Это моя миссия... Мое предназначение! Предсказание гласит, что землю спасет...

– Мессия... я в курсе. Только вы ошиблись, святой отец.

Я вовсе не бог. Так... обычный человек. Ничем не лучше других.

– Нет-нет! Я не мог ошибиться... Это полностью исключено! Это вы еще не до конца постигли истину!

– Яков, мы теряем время из-за этого полоумного! – заорал Ной, перекрикивая рев мотора, который, наконец, удалось завести.

– Землю спасет Мессия! В помощь ему придут посланцы! Их будет пять! Пять посланцев! – старик семенил за мной, спотыкаясь о черенки срубленной кукурузы. Так себе взлетная полоса...

– Святой отец...

– Я лечу с вами, куда бы вы ни последовали!

– Как хотите.

У нас не было времени на препирательства. Этот человек, возможно, спас нам жизни. Если он хотел податься с нами, кто я такой, чтобы ему мешать? Сам бы я в жизни не полетел на этом доисторическом монстре. Однако разве у меня была хоть какая-то альтернатива? То-то же. А этот чудак, похоже, действительно верил в то, что небо нас всех спасет.

Удивительно, но взлетели мы довольно неплохо. Малой авиации в наше время не было, как таковой, поэтому никаких согласований нам и не требовалось. Лети себе, и лети. Низко, где даже радары не ловят. Идеально для нас.

– Ты как? – спросил у Матвея. Он уже не выглядел так плохо, как в самом начале, но и до красавчика ему было да-

леко.

– Нормально...

– Так, может, ты, наконец, расскажешь, какого хрена произошло?!

Честно сказать, меня тоже интересовал этот вопрос, но в салоне стоял невообразимый шум. Перекричать его даже здоровому человеку было проблематично, что уж говорить об астматике?

– Не надо, Ной. Мату тяжело говорить... Лучше попробуй связаться со своими парнями. Нам нужно будет попасть на поезд.

Ной еще раз зыркнул на Мата, скривил губы, будто бы хотел возразить, но все же выполнил мое распоряжение.

– Ответ получим в течение часа... – бросил мне напоследок и, привалившись к обшивке самолета, прикрыл глаза.

Если верить часам на запястье, перелет не занял много времени. Это только мне казалось, что оно растянулось на долгие годы. На деле же... всего полтора часа, через которые мы приземлились на небольшую взлетную полосу в двадцати километрах от города. Не скажу, что это была самая мягкая посадка на моей памяти, но жаловаться нам было точно не на что. Мы выжили. И тогда я поймал себя на страшной мысли о том, что не испытал облегчения. Вообще. Возможно, смерть была бы не таким уж и плохим вариантом. Возможно, она была для меня идеальным выходом...

Взмахом головы отбросив от себя лишние мысли, запрыг-

нул в машину, которую кто-то предусмотрительно оставил под раскидистым деревом чуть в стороне от взлетной полосы. Рядом сел Ной, на заднем сиденье расположились старик с Матвеем. Живописная компания...

– Ты как? – в который раз поинтересовался у парня.

– Живой.

– Тогда, может быть, ты уже в состоянии объяснить нам, какого хрена мы рисковали жизнью, спасая твою задницу? – в который раз предложил Ной, разворачиваясь в кресле. Матвей покосился на рядом сидящего священника и неуверенно спросил:

– При нем?

– Да какая, мать твою, разница?! Святой отец уже видел столько, что нам нужно либо прикопать его неподалеку, в лесочке... либо...

– Довериться... – подсказал старик, приглаживая вздыбленные волосы. Не то, чтобы это хоть как-то помогло его прическе.

– Рассказывай, Мат... – устало вздохнул я, провожая беглым взглядом убегающую ленту дороги.

Матвей начал свой рассказ после секундной заминки. Если бы я заранее знал, о чем он нам поведаст, то несколько бы не удивился тому, что парню потребовалось немного времени, чтобы собраться с мыслями.

– Вы уже знаете, что я – антрополог. Изучаю дикие племена Амазонии... Кхе-кхе... Нашу исследовательскую группу

особенно заинтересовал тот факт, что среди дикарей практически нет Пустых.

Я почувствовал, как напрягся Ной.

– И? Что дальше?!

– Чтобы изучить этот вопрос детально, нам требовалось финансирование, но, куда бы мы ни обращались – ничего не получалось. Двери кабинетов захлопывались перед нашими носами... Однако кое-что нам было вполне по силам. Мы получили три образца крови... Понимаете, люди, живущие там... Они совсем дикие. Это было сделать не так-то и просто. Нам приходилось действовать тайком... а потому полученный материал был весьма сомнительного качества.

– Давай ближе к делу...

– На полноценное исследование денег попросту не было.

– Ты это уже говорил! – с досадой воскликнул Ной и снова развернулся корпусом к Мату.

– Я попросил отца... Вы в курсе, он биохимик... Я попросил отца провести исследование данных образцов.

– И? Из тебя всё клещами нужно вытаскивать?!

– Не торопи его, Ной! – одернул я парня.

– Тогда мне ничего не удалось узнать. Отец сказал, что отобранного материала было недостаточно, что он непригоден! И я поверил ему, понимаете?! Я ему поверил! Мне даже в голову не приходило, что он соврал! А после... после папа умер.

– У тебя не вызывал сомнения тот факт, что он умер своей

смертью?

– Нет... тогда у меня не было сомнений... – тихо ответил Мат, – только когда Анна набросилась на меня с вопросами... Только тогда я... усомнился. И вспомнил о тайнике. Буквально накануне того дня, как на меня напали... я узнал, что... Отец соврал мне. Не знаю, почему. Возможно, из желания меня уберечь. На самом деле он сделал сенсационное открытие.

– Какое?! Какое открытие? Да ты выскажешься сегодня или нет?!

Я обернулся к Нюю. Мне тоже очень хотелось узнать правду, но нотки превосходства в голосе парня выводили меня из себя. Мат не был виноват в том, что слабее... И почему только Ной вел себя как последняя задница?!

– Он обнаружил, что в крови аборигенов отсутствует некий компонент... Может быть, вам известно, что на заре своей практики отец, в группе исследователей Токийского университета, участвовал в разработке первых используемых в медицине нанороботов.

– Да, но разве эти разработки не были признаны провальными?

Мат облизал сухие истрескавшиеся губы. Покачал головой, покрытой слипшимися от пота волосами:

– Припоминаете, когда этот проект был свернут?

– Да ты, бл*дь, перестанешь отвечать вопросом на вопрос?! – взорвался Ной.

– Восстание машин. Этот термин вам говорит о чем-то?
Я напрягся и бросил короткий взгляд на парня.

– Речь идет о тех трех днях, когда свихнувшиеся роботы решили стать доминирующей формой жизни на земле? Разве можно такое забыть... Веселенькое было время. Я тогда как раз только призвался... Но разве мы не взяли под контроль искусственный интеллект?

– Черта с два! Проблема в том, что ни тогда, ни сейчас мы не можем полностью контролировать данную технологию. Это и стало одной из причин, по которой был наложен запрет на изобретение отца.

– Вам не кажется, что мы снова отклонились от темы?

– Заткнись, Ной, – устало бросил парню. Глаза слипались, до места, где нас должен был подобрать проводник, оставались последние метры.

– Мы не отклонились. Мы как раз переходим к главному.

Я насторожился. Мне совершенно не нравилось то, что я слышал... Совершенно!

– Эти данные были засекречены. То, что я вам сейчас расскажу – является военной тайной Конфедерации.

Ной молчал, едва ли не подпрыгивая от нетерпения. Старик спал, привалившись головой к оконному стеклу. Я сглотнул, осмотрелся по сторонам и все же скомандовал:

– Говори же...

– Когда искусственный интеллект захватил власть на планете, первым делом его заинтересовало биологическое ору-

жие, к которому как раз и относились изобретения отца.

– Почему так?

– Представь некую биологическую разработку, которая способна с высокой точностью управлять любым процессом в человеческом организме. Представил? Это как раз то, что создали ученые Токийского университета.

Я поймал растерянный взгляд Ноя. Ни он, ни я ни черта не смыслили в медицине, но, тем не менее, обладали интеллектом, который в значительной мере превосходил средний уровень, а значит, не могли не понимать, что...

– Эта была нанотехнологическая разработка высокой точности, которая при поступлении в кровь связывалась с рецепторами клеток-мишеней и тем самым оказывала на нее регулятивное влияние. Вплоть до полного подавления ее функции...

Я припарковался в условленном месте. Растер руками лицо. Хлопнули дверцы машины, и я тоже заставил себя выйти. Ной нервно вышагивал по разбитому, поросшему в разломах травой асфальту, выкрикивая слова, которые рвались и из моей глотки:

– Для чего они это делали? Скажи, для чего?! Для того, чтобы эти чертовы нанороботы в итоге ударили по самому важному?! Ты ведь на это намекаешь? Репродуктивная функция человека угнетается ими? Ведь так?

– Ты все правильно понимаешь...

В одно мгновение Ной преодолел разделяющее их с Ма-

том расстояние и схватил того за грудки:

– Как ты можешь так спокойно об этом говорить?! Что ты за урод?!

– Ной, тормози... – Это уже я.

– Нет, ты посмотри на эту мразь! Его папаша разработал оружие, прикончившее больше людей, чем все войны сразу, а он...

– Они хотели создать панацею! – прохрипел Мат, отчаянно вырываясь, но Ной был настоящей машиной, созданной убивать, и сделать это было непросто. Мне пришлось буквально оттаскивать его от мальчишки. Помогал и святой отец...

– Панацею, мать твою?! Панацею?! – орал он на всю округу.

– Да! Эта разработка могла бы помочь в борьбе с атеросклерозом, вовремя удаляя липиды из сосудистой стенки, она могла бы убивать любые вирусы и бактерии или доставлять лекарство напрямую к тому органу, которому оно было необходимо! Мой отец не виноват, что ИИ использовал его разработку не по назначению! Он не виноват... – в конце предложения голос парня сорвался. Он опустился на землю, тяжело привалившись к боку машины.

– Ты хочешь сказать, что искусственный интеллект пришел к этому самостоятельно?

– Я в этом уверен. ИИ запустил сам процесс, а вот контроль над ним, после своей победы над машинами, прави-

тельство Конфедерации взяло на себя.

Мы с Ноем переглянулись.

– Каким образом эта штуковина попадает в кровь человека?

Мат покачал головой:

– Об этом я могу только лишь догадываться. Скорее всего – это обычный укол, который ребенку делают под видом прививки в первые часы жизни.

Я выругался. Провел рукой по затылку, пытаюсь сообразить, что же нам делать дальше. С какого бока подступиться к полученной информации? Как противостоять тому, что происходит?

– Ваше святейшество... Мне кажется, оставаться здесь дальше небезопасно...

Я покосился на безумного старика, который в сложившейся ситуации оставался едва ли не самым разумным из нас, и коротко кивнул парням:

– Ной, Мат... Святой отец прав. Нам нужно спешить.

Сидя в поезде, я размышлял о том, что все беды человечества происходят от чрезмерной гордыни. Одни считают себя чем-то лучше других, меряют всех своей меркой и выносят приговоры о второстепенности... Собственное тщеславие и высокомерие влечет людей идти по трупам ближних, расталкивая их локтями. Вся наша история построена на угнетении одного народа другим, и то, к чему мы пришли в итоге – лишь закономерное следствие всего происходяще-

го. Мир разделился на два лагеря – Пустых и Избранных, только лишь потому, что какое-то самовлюбленное чудовище решило, что оно чем-то лучше других. Но самое страшное, что на своем уровне так поступает каждый. «Я», которое занимает главенствующие позиции в сердце каждого человека, заставляет его смотреть на других людей сквозь призму собственных психических, физических, душевных качеств и свойств. Люди невольно начинают считать себя неким стандартом. Взять хотя бы того же Ноя и его отношение к Мату... Или обращение Наны с сиделкой. Да, что далеко ходить? Мое пренебрежение к святому отцу, который не сделал мне ничего плохого... А ведь это путь в никуда. Для нас всех – это путь в никуда... Тогда я задался вопросом, а что же нас может спасти? И среди тысяч повисших в воздухе вариантов сердце выбрало лишь один.

Толерантность.

5. Уныние

Яков

– Яков, ну, слава Богу! Где тебя носило все это время?!

– Потом, Анна... Потом. Я к Нане, и...

– Яков...

– Тебе Ной все расскажет...

– Яков, подожди...

Я обернулся. Уставился на девушку, внутренне негодуя из-за этой вынужденной остановки.

– Яков, – как попугай, повторила она, и тут до меня дошло. Как в голову ударило!

– Нет, – шепнул я, отступая.

– Яков, послушай!

– Нет. Все потом. Мне нужно к жене, – я отступил на шаг, я практически побежал...

– Ее нет в палате, – прошептала Анна сквозь слезы. – Мне очень жаль...

Я замер, не поворачиваясь. «Не говори мне этого. Пожалуйста, не говори...» – стучало в висках в такт оглушительно громким ударам сердца.

– Нану перевели в палату реанимации. Она впала в кому и... Яков... шансов нет. Марина не подошла.

– Заткнись! – я обернулся все же. Обвел полубезумным взглядом всех собравшихся. Анну, Ноя, Мата и даже святого

отца. – Заткнись. Потому что ты ничего не знаешь!

Анна всхлипнула, закусила губу, заглушая рыдание, и отчаянно затрясла головой:

– Прости меня, прости! Я... только лишь передаю слова врачей! Я только лишь передаю...

Воздух болезненными толчками врвался в мои легкие. Еще, и еще... А вот выдохнуть почему-то не получалось. Я растерянно уставился на собственную грудь. Потер ладонью, но помогло слабо. Как если бы к пулевому ранению приложить подорожник. Выдохнул. Зарылся лицом в ладони, закрываясь от сочувствующих взглядов посторонних. Как в детстве, пахнущем яблочным пирогом и корицей – я вас не вижу, а значит, вас нет.

Ненавижу сочувствие. Не-на-ви-жу! Оно означает конец. Конец всего. Оно означает, что моя надежда сдохла, оставив после себя уродливый разлагающийся труп. Так не должно быть! Не должно быть...

– Реанимация находится на шестом уровне, – положила руку мне на плечо, шепнула Анна.

Я сбросил ее ладонь и пошел к лифтам. Секунды одна за другой нанизывались на бесконечные бусы моего ожидания.

Шаг, другой... Отъехала и закрылась дверь. И вот уже она. Моя девочка. Моя... Осознание этого факта пришло как-то сразу. Пониманием на некоем глубинном уровне. Без навешивания ярлыков и попыток найти определения... Как озарение. Как признание на уровне нервных окончаний и ощу-

щений. Моя... Моя... Моя!

Глаза Наны запали. Черты лица обострились, как это обычно бывает у покойников. И этот факт... этот чертов факт меня особенно разозлил. Потому что она была здесь! Она еще не ушла. А значит, смерть не имела права накладывать свои гнусные печати на ее прекрасное лицо. Не имела права...

Я перевел взгляд на работающий аппарат ИВЛ, благодаря которому Нана дышала, и бессильно опустился на колени. Уперся лбом в край койки, слепо нашарил ее хрупкую почти детскую ладошку. Я не мог. Ничего не мог... Ни вдохнуть, ни выдохнуть, ни пообещать, что найду какой-нибудь выход, ни... отпустить. Даже сейчас, видя ее состояние, я не мог сдержать свое слово и отпустить. Весь мой мир рушился, как стены древнего Иерихона.

Рука Наны была холодной. Я прижался к ней лицом и замер, вдыхая, выжигая в памяти ее аромат. Широко открытым ртом коснулся запястья, сдавленно застонал. Я шептал, что так не должно быть. Что я умру вместо нее. Целовал жадно, просил прощения, утирая горькие слезы мучительного бессилия. Если бы я мог умереть вместо нее! Если бы я только мог...

– Генерал Гази... Хорошо, что вы здесь!

Я медленно обернулся, злясь, что наше уединение посмели нарушить. На пороге палаты Наны стоял доктор Хе.

– Что вы хотели?

От врача Наны волнами исходила тревога. Она была настолько плотной, что ее, казалось, можно было потрогать руками.

– Да... Да! Я ничего не понимаю... – доктор Хе затравленно осмотрелся, – происходит нечто, совершенно невероятное!

– В каком плане?

Мужчина покосился на дверь и как-то нервно пробормотал:

– Пройдемте в мой офис. Здесь не место для подобного разговора.

На выходе из палаты нас уже ожидали Анна, Ной, Мат и Марина. Немного поодаль переминался с ноги на ногу святой отец.

– Этот разговор имеет отношение ко всем этим людям, – бросил на ходу доктор Хе, тем самым, по-видимому, объясняя присутствие посторонних. На что я лишь равнодушно пожал плечами.

Пройдя по узкому белому коридору, освещенному холодным светом флуоресцентных ламп, наша компания остановилась у металлической двери без опознавательных знаков. Доктор Хе юркнул внутрь, и следом вошли мы все. Открывшаяся нашему взору комната была не слишком большой. Стол, несколько стульев – одним словом, офис как офис.

– Вчера, после того, как результаты проб Марины поступили ко мне на почту, я вдруг подумал о том, что все полу-

ченные нами образы подходили Нане ровно настолько, насколько бы ей могли подойти образцы любого другого человека на планете, – начал свой рассказ доктор Хе. – Этот факт меня заинтересовал, потому что, как ни крути, а у единокровных родственников гораздо большие шансы на совместимость. Я углубился в анализ... И не знаю, зачем, к этому не было показаний... – доктор Хе нервным жестом похлопал себя по карманам, – но я провел анализ ДНК и выяснил... выяснил, что никакого кровного родства... Понимаете, вообще никакого... между Наной, Анной, Ноем, Матом и Мариной не существует.

– Как это? – свел брови Ной и весь подобрался.

– У вас были разные отцы.

– Вы утверждаете, что в наши метрики кто-то внес заведомо ложные данные?

– Как я могу что-то утверждать, если впервые с таким сталкиваюсь?! – возмутился доктор Хе, – тому, что происходит, лично я не нахожу объяснений. Но факт остается фактом. Вы не являетесь родственниками. Советую вам проверить свои документы.

Я тупо кивнул. Покосился на ошарашенную публику, поблагодарил доктора Хе и двинулся к выходу.

– Произошла либо какая-то глобальная путаница... Либо... – тараторил на ходу Мат.

– Сознательная акция, – вступила в разговор до этого помалкивающая Анна. – Твою ж мать! – выругалась она. –

Твою ж мать! – повторила, задрав голову к потолку.

– Объяснись, – потребовал я, дергая на рубашке воротничок, который меня душил.

– Как жили твои родители? – вместо этого спросила Анна, повернувшись к Ною лицом.

– Как жили?

– Да. Как? Бедно или богато?

– Скорее первое.

Открылись створки лифта, мы ступили внутрь. Нам нужно было поговорить. Это понимал каждый.

– Аналогично. Как и родители Марины, насколько я понимаю? – дождавшись неуверенного кивка своей несостоявшейся сестры, Анна продолжила. – Как думаешь, они могли себе позволить услуги донора по тогдашним официальным тарифам?

Ной повернулся ко мне, насмешливо вскинув бровь:

– У нас, что, бл*дь, проходит какая-то дебильная викторина «ответь вопросом на вопрос»? Сначала задохлик. Теперь психопатка. Что, мать вашу, с вами не так?!

– Мужской донорский материал даже в то время не стоил дорого, – уловил мысль Наны Мат.

– Ты бы заплатил пять кусков за сперму, если этот же материал можно было приобрести, скажем, раз в десять дешевле... на черном рынке?

– Логично.

– Яков... Что тебе известно о семье Наны?

– Они тоже не были богаты. Факт.

Мой голос звучал спокойно. Но он нисколько не отражал моего внутреннего состояния. Внутри я кричал. Я выл и рычал, кроша зубы от усилий сдержаться. Я не мог простить, что остатки отведенного Нане времени мы шли по ложному следу. Я не мог себе этого простить...

– Нам нужно сесть и хорошенько все обмозговать, – уверенно заявила Анна. – У каждого из нас есть какая-то информация. Возможно, сопоставив факты, мы выясним правду. Что скажешь, Яков?

Все, что угодно... Все, что угодно, чтобы эта жгучая боль в груди ослабила свои смертельные объятия.

– Нам нужно найти уединенное место. Не связанное с кем-то из нас. Нам нужно оборудовать офис... Наладить защищенную связь... – загорелась идеей Анна.

– Отсюда я уйти не могу.

Присутствующие переглянулись.

– Я снимаю квартиру на нулевом этаже, – робко заметила Марина, – она крохотная, и вам там будет тесно, но... она неподалеку, всего минута на лифте...

Она сжалась, пронизанная недоверчивыми взглядами Ноя и Анны. Обхватила себя полными руками и едва слышно добавила:

– В этой жизни я не сделала ничего выдающегося... Мне абсолютно нечем гордиться. Возможно, я произвожу не самое благоприятное впечатление и не обладаю какими-то

видными знаниями и умениями, но... Даже я понимаю, что затевается что-то страшное и опасное... Борьба... И я прошу позволения вам помочь. Я могу быть поваром, курьером, я могу выполнять любую работу, которая облегчит ваш быт...

– Марина, достаточно, – не выдержал я, – мне кажется, вы себя очень недооцениваете. Мы, безусловно, воспользуемся вашим предложением.

Не всем пришла по душе моя идея. Наша конспирология достигла небывалых масштабов, и это выглядело довольно глупо, учитывая тот факт, что только за последние сутки невольными свидетелями наших тайн стали два посторонних человека. Сама Марина и святой отец. Правда, ни у кого из них не было полной картинки, да и кто бы их стал слушать, в случае чего? Но... факт оставался фактом. На будущее, нам следовало быть более осмотрительными.

– Мне нужно несколько минут, чтобы побыть с женой... А потом... потом я к вам присоединюсь.

Я врал. Опять врал. Рядом с ней мне и вечности было мало. О каких минутах я говорил? Мои мысли прервал мужской голос:

– Генерал...

– Да, доктор?

– Вы так стремительно меня покинули, что мы не успели обсудить наши дальнейшие действия. Вы меня понимаете?

– Не совсем.

– Боюсь, что продлевать мучения вашей жены... неразум-

но.

На самом деле я понимал, на что он намекает. И одновременно не понимал. Не понимал, как ему вообще пришло в голову, что я дам добро на то, чтобы убить мою Нану.

– Поверьте, ситуация безвыходная. Результаты последнего обследования свидетельствуют о том, что опухоль задела наиболее важные центры мозга. Донора нет... Мне очень жаль.

Сцепив зубы, я коротко кивнул. Слова рыбьей костью застряли в горле, я не мог говорить.

– Яков...

– Потом... потом, – я попятился и, ничего перед собой не видя, куда-то побрел. Не знаю, сколько я шел... День угасал, или так только казалось. Тучи покрыли небо фольгой. Искрящиеся капли дождя смазывали картинку мира. Перед глазами проплывали неоновые вывески рекламы. Блеклые пятна машинных фар неровными мазками пронизывали уличную серость. В какой-то момент я остановился. Поднял лицо к небу, шепча бессмысленные молитвы... Взывая к небесам.

– Мужик...

Я обернулся, моргая.

– Ной?

– Пойдем отсюда. Ты... нужен в другом месте.

– Нана...

– Нет-нет. Ничего такого, но... Нам нужно придумать

план действий. Без тебя нам не справиться, генерал.

Квартира Марины была действительно крохотной. Входная дверь вела в тесный коридорчик, к которому примыкала будто игрушечная ванная, и еще одна небольшая комната, для хозяйки она была одновременно и кухней, и гостиной, и спальней. В целях экономии пространства, кровать, очевидно, поднималась к стене. Но сейчас матрас был опущен, и на нем сидели Анна с Матвеем. Хозяйка квартиры, в клубах поднимающегося от кастрюли пара, колдовала над чем-то у плиты. Святой отец сидел на шатком пластиковом стуле.

– Господи... Ну, слава богу! Нашелся...

– Я и не терялся. Так, кто начнет?

– Наверное, я... – пожала плечами Анна. – Пока тебя не было, мне удалось просмотреть предоставленные Матом документы. Как я уже говорила, ранее мне приходилось углубляться в этот вопрос, так что их содержимое мне в принципе понятно. Если я допущу неточность – Матвей меня поправит.

Соглашаясь с такой постановкой вопроса, парень кивнул. Я перевел взгляд на святого отца, скользнул по лицам Ноя и Марины.

– Если тезисно... – сидя на постели, Анна вывела на проекцию обычный текстовый документ, и начала свой рассказ. – Первое, и самое главное, что нам удалось выяснить – изменения в репродуктивной системе человека никак не свя-

заны с процессом мутации или любым другим природным процессом. Это спланированная и подконтрольная правительству акция. Наиболее логичным было бы предположить, что каждому новорожденному в первые часы жизни вводится разработанный отцом Ноя препарат, который впоследствии разрушает необходимые для зачатия клетки. – Анна прервала свой монолог и, вскинув брови, покосилась на Матвея. Тот кивнул, подтверждая ее слова, и тогда девушка продолжила. – Второе. Черный рынок донорских органов. Тема моего последнего расследования, которое переплетается с расследованием Наны. Кстати, она успела передать мне свои наработки. И вот, к чему мы пришли... Если представить донорский рынок айсбергом, то легальное донорство – это всего лишь его верхушка. Самое интересное происходит под толщей воды. Женские лагеря при криобанках. На сегодняшний момент у нас имеются подтвержденные данные о шести таких учреждениях. По предварительным данным, которые, впрочем, не вызывают сомнений, в неволе содержится несколько тысяч незащищенных Избранных, донорский материал которых отбирается насильно. Фактически, это ферма...

– Заткнись! – прохрипел Ной.

– Извини, – тут же пошла на попятный Анна, – извини, Ной...

– Проехали.

– Дальше... Мужской донорский материал. Здесь все про-

ще, в силу физиологии. Мужчине достаточно предоставить на сохранение в криобанк образец своей спермы, а дальше, по поддельным документам, ею можно оплодотворить десятки, а то и сотни яйцеклеток. У меня есть большие подозрения, что метрики многих людей не действительны. По крайней мере, в части отцовства. В зоне риска находится каждый мужчина, сдавший образец спермы на сохранение. Возможно, десятки ваших детишек уже бегают по планете, и вы никогда об этом не узнаете. Наш пример, кстати, очень показателен в этом случае. Его можно расценивать как некое доказательство... Хотя, конечно, это только лишь капля в море.

Я растер лицо ладонями. Последние слова Анны засели в моей подкорке, но у меня не хватало сил, чтобы их проанализировать.

– Вот, собственно, и все, что нам известно. Ах, да... Чисто мое предположение, которое подкрепляется словами нескольких посвященных людей. Все эти теракты, объектами которых становятся криобанки... на руку только правительству. Думаю, они используют Свободных, чтобы те подчищали за ними...

– Нет... – Ной затряс головой, – такого не может быть.

– Это почему же? Свободные – фанатики. Они свято верят в то, что, взрывая криобанки, они противостоят черной торговле. А на деле – все происходит с точностью до наоборот. Любую фанатичную веру можно использовать как во благо, так и во вред. Любую.

Ной отвернулся, сжимая челюсти. Я его понимал. Нелегко ставить под сомнение убеждения, с которыми ты жил долгое время. Которые двигали каждым твоим шагом, в которые ты безусловно верил.

– И что же нам делать с этим знанием? Ведь, если я правильно поняла... у нас нет доказательств вины правительства, – впервые за все это время в разговор вступила Марина. Анна вскочила в кровати, и, если бы размеры комнаты позволяли, она бы, наверное, заметалась по ней, а так – сделала пару шагов да замерла у двери.

– Значит, нам нужно их раздобыть! – уверенно кивнула головой Анна.

– Да ты просто Кэп, – презрительно хмыкнул Ной.

– Записи отца – это реальный факт. Их не смогут оспорить.

– Не уверен. Думаю, люди не склонны верить плохому. Нам нужны реальные доказательства. И реальный лидер, который, озвучив их, возьмет дальнейшее развитие ситуации под контроль. А для начала нам следует разузнать, кто в этом замешан. Всех поименно. Иначе мы только спугнем большую рыбу и подвергнем риску Избранных, находящихся в неволе. Никому не нужны живые свидетели. И мы обязаны это учитывать.

В этом я был солидарен с Анной.

– У них должна быть своя база данных. Некие каналы связи, через которые проходит обмен информацией, своя бух-

галтерия... если нам удастся заполучить эти документы – хоть малую часть из них, то можно будет начинать действовать, – озвучил свои мысли Мат.

– Да, это было бы лучше всего. Есть идеи, с какого боку подступиться к данному вопросу? – спросила Анна.

– Никаких... кроме того, что нам нужен гениальный хакер. Только, вот, где найти этого парня?! Как нам, бл*дь, его отыскать? – снова вспылил Ной.

– Понятия не имею... И, если признаться, ужасно боюсь... – прошептала Анна, обводя взглядом всех присутствующих, а потом обратилась ко мне, – но ты же не позволишь страху нам помешать? Пообещай, что не позволишь...

Я покачал головой, и хотел что-то сказать, но меня опередил до этого молчащий священник:

– Страх... Он движет каждым из нас. Каждым. Это естественное состояние, и в нем нет ничего постыдного. Особенно, учитывая те факты, которые нам стали известны совсем недавно. Да... Мы все боимся. Я и вы – Ной, Анна, Матвей, Марина... И даже его преосвятейшество Яков Гази. Каждый из нас подвержен индивидуальному страху. Пока ему есть, что терять, пока есть какая-никакая еда и возможность дышать еще не отобранным у нас кислородом. Пока гибнут где-то там, не мы, и даже не наши близкие... Пока за нами не пришли, мы рабски молчим и боимся! Мы прячемся по одиночим норам, а всего-то нужно объединиться! И вот тогда, став плечом к плечу, под одними знаменами, мы ощутим,

что страха нет. Он ушел. Исчез. Испарился! А в душе остался лишь праведный гнев. И этот гнев даст нам силу. Силу для борьбы...

Я кивнул, хотя сил во мне не было в принципе. Я стал пустотой, покрытой оболочкой. Но в словах святого отца крылась истина. Ту, которую понимал каждый из нас. Поодиночке – мы не выстоим. Да и выстоим ли вместе – как знать? Но попытаться стоило. Особенно, учитывая то, что в отличие от всех других лично мне терять уже было нечего. Я не видел своей жизни без Наны. И та борьба, на пороге которой мы застряли на данном этапе, абсолютно меня не страшила. Все мои страхи были сконцентрированы в абсолютно иной плоскости.

– Статья двадцать два, пункт один, Конституции Конфедерации гласит, что Президент Конфедерации может быть отстранен от власти в случае предъявления ему обвинения в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления. Проблема в том, что указанное обвинительное заключение в отношении Президента должно быть подписано кворумом Военного совета Конфедерации.

– Тогда не проще ли нам действовать, минуя закон? – внес предложение Мат.

– Исключено. Анархия только лишь все усугубит, – парировал я.

– Каков кворум совета? Половина? – спросила Анна.

– Две трети. Восемь человек из двенадцати.

– Дерьмо! – выругался Ной. – Ни хрена из этой затеи не выйдет!

– А я не стал бы этого утверждать.

– Ты веришь, что армия не втянута в происходящее? Да, брось. Ты ж не дурак!

– Не дурак. Но в совете достаточно порядочных людей. За двух я могу поручиться.

– За двух из нужных восьми? Это такая шутка?!

– За трех. Или ты меня сбрасываешь со счетов?

Ной хмыкнул:

– Пардоньте. Трех из восьми. Но что это, к черту, меняет? Это даже не половина!

– А я не говорил, что будет легко. Но имея доказательства... мы можем заручиться большей поддержкой.

– Ага... Скорее, тебя тупо сольют и обвинят в госизмене.

– Система сдержек и противовесов работает таким образом, что одна треть действующих членов совета – Пустые. Как думаешь, нам долго придется их убеждать?

– Одна треть – это четыре человека, – со значением заметил Матвей.

– Плюсуй трех имеющихся, – накинул я.

– Итого семь! – Анна вскочила, сверкая глазами.

– При учете, что на руках у нас будут доказательства.

Слова Марины отрезвили присутствующих. Анна снова заняла свое место, Ной выругался, Мат засопел.

– Предлагаю еще раз детально проработать всю имеющуюся

юся у нас информацию. Ной, потряси Свободных. Возможно, у них есть гениальный хакер. Анна, свяжись со своими наводчиками и теми ребятами, чьи контакты тебе передала Нана... Мат... бумаги отца. Сам говорил, что еще не со всем разобрался. Копай! Святой отец...

– Да, ваше преосвященство!

– Забудьте о том, что я – Бог, и просто молитесь. Не мне...

– Я молюсь неустанно... И за здоровье болящей Наны тоже молюсь.

Я не нашелся с ответом. Кивнул. Отступил к окну и уставился в черноту ночи. Перед глазами проносились наши счастливые дни с Наной, а говорят, что так только лишь перед смертью бывает. Выходит – врут...

– Я пойду к жене. Зовите, если накопаете что-то новое.

Под стройный хор «хорошо» я вышел из тесной комнаты. Поднялся на лифте вверх, приставил чип к электронному замку и, наконец, снова увидел Нану. Стараясь не потревожить жену, забрался к ней в постель. Провел пальцами по лицу, очертил заострившиеся скулы.

– Я люблю тебя, девочка, знаешь? Так редко тебе говорил об этом, а теперь, когда слова рвутся наружу, когда они острыми шипами вспарывают мою глотку, слышишь ли ты их? Я люблю тебя... Моя маленькая сильная девочка... Ты так боялась, что я запомню тебя изменившейся, но как я могу? Зная тебя настоящую, выпив тебя до дна... Утешься. Меня никто не обманет... И никто тебя не заберет. Моя синегла-

зая девочка... Ветер в твоих волосах нашепчет, где мне тебя искать. И я найду тебя, где бы ты ни была, и никогда уже не отпущу...

Я не знаю, сколько так пролежал. Сброшенный на тумбочку обруч замерцал белым светом, игнорируя его сигналы, я поцеловал веки Наны, прижался губами к ее тонким запястьям... Но вызов следовал один за другим. Какого черта?

– Яков...

– Мат? Что-то случилось?

– Да! Господи, да! Вы можете выйти... я, кажется, нашел, что нам может помочь!

Поцеловав напоследок Нану, я снова спустился в квартиру Марины. Женщины спали, святой отец тоже дремал, расположившись на тонком матрасе, постеленном прямо на полу. Только парни сидели у стойки и о чем-то переговаривались.

– Ну, что здесь у вас случилось? – тихонько поинтересовался я.

Матвей вскочил, но, за неимением пространства для маневра, снова упал на стул. Его глаза возбужденно сверкали. Руки мелко подрагивали. И, кажется, вот-вот он опять начнет задыхаться.

– У Наны нет шансов, так?

Я стиснул зубы, но все же кивнул.

– Тогда ей уже нечего больше терять?

– Ты можешь мне объяснить, какого хрена я вынужден

отвечать на твои дурацкие вопросы?

– Просто, если шансов действительно нет... мы можем рискнуть. Ведь так? Хуже уже не будет...

– Я не понимаю, о чем ты, Матвей. И мне сейчас не до загадок.

– Изобретение отца.

– Эти чертовы нано-роботы?

– Именно. Ты еще помнишь, с какой целью велись данные разработки?

– Я не страдаю склерозом.

– Отлично. Смотри, что я нашел... – Мат вывел на проекцию какие-то данные, и я непонимающе на них уставился, – оказывается, отец негласно продолжил работу над этим проектом. Усовершенствовал механизм, запрограммировал его на борьбу с раковыми клетками... Любыми клетками, отличными от здоровой!

Мое дыхание перехватило. Кислорода в воздухе стало отчаянно мало. Он жег мои легкие.

– Ты... хочешь сказать...

– На людях испытания не проводились. Но эксперименты, проведенные на животных, просто потрясают воображение! Возможности молекулярных нанороботов отца фактически неограниченны! Запущенные в систему кровообращения, они добиваются до клетки-мишени и просто удаляют ее! А после выводят из организма!

– У тебя... у тебя есть данный препарат?

Как заправский фокусник, Мат вытащил свинцово-серую ампулу из кармана. Я опустил веки и замер на несколько секунд. Невозможно передать словами, в каком отчаянии я находился все последние дни. Как оно капля по капле отравляло мою искромсанную душу, а я, сокрушенный и поверженный, не мог ему противостоять. Но Мат... Мат вложил в мои руки оружие, способное побороть любое уныние. Он подарил мне **веру**.

6. Алчность

Яков

Я стоял над постелью жены, сжимая в руках одноразовый шприц, и не мог заставить себя приступить к делу. Руки дрожали, а паника, волнами распространяющаяся по всему моему телу, накрывала с головой. Мне казалось, что я застрял на пороге вечности, не представляя даже, что эта вечность мне уготовала. Рай, или ад? Я не знал...

– Генерал?

Я оглянулся, незаметно зажав шприц в ладони.

– Да, доктор Хе?

– Я уполномочен проинформировать вас о том, что, исходя из имеющихся показателей, мы обязаны отключить систему жизнедеятельности Наны. Мне очень жаль.

– Нет...

– Поймите, мы просто обязаны это сделать...

– Я запрещаю. Дайте нам некоторое время, а если ничего не изменится...

– Ничего не изменится, Яков, поймите же! – вспылил доктор Хе, а потом, шумно выдохнув, участливо похлопал меня по руке и снова добавил: – Мне очень жаль.

– Вы не можете этого знать наверняка.

– Вы только лишь продлеваете ее мучения, – в который раз, как неразумному ребенку, напомнил мне доктор, но я

не желал его слушать.

– Дайте нам некоторое время. Сутки... не больше, – настаивал я, понимая, что даже если препарат и подействует, Нане еще потребуется довольно длительная реабилитация и помощь врачей.

– Даю вам срок до утра.

С тихим шорохом за спиной захлопнулась дверь, я остался один, и уже без всяких сомнений склонился над Наной. Прокколол иглой ей вену. Замер на мгновение, ощущая, как узел внутри меня затягивается все сильнее. Зажмурившись, надавил на поршень. Не знаю, сколько так просидел. Возможно, целую вечность. Но когда я поднял веки – ничего не изменилось. Нана все так же лежала с закрытыми глазами, а аппарат ИВЛ закачивал в ее легкие кислород.

Я встряхнулся. Положил использованный шприц в нагрудный карман, сделав пометку его уничтожить, и прилег рядом с женой.

– Борись, моя сильная девочка ... Ради нас... Пожалуйста, Нана, борись!

Не знаю, слышала ли она меня. Я почему-то верил, что да. Мне нужна была эта вера так же, как и кислород, который я жадно вдыхал. Девочка, моя... Девочка. Красивая, ласковая, смешная. Я коснулся губами ее холодного, покрытого испариной, виска. Где-то здесь, под кожей и костями черепа сейчас шло отчаянное сражение. Мне казалось, я слышал лязг схлестнувшихся в поединке мечей. Наверное, именно

так люди сходят с ума...

Я не хотел уходить. Внутри меня поселился иррациональный страх. Страх, что Нану отключат, не поставив меня в известность. Превозмогая его, я вышел из палаты. Подошел к лифтам и столкнулся нос к носу с девчонкой. Не знаю, что меня насторожило. Возможно, то, что она уже неоднократно попадалась мне на глаза. Не в своем теперешнем обличье. Ей хватало ума изменять свою внешность, но я такие фокусы вычислял на раз-два. В голове мелькнула мысль, что за мной следят конфедераты. Девушка мазнула взглядом по моему лицу и равнодушно отвернулась. Вместе мы ступили в лифт. Вместе спустились на первый этаж.

– Мне кажется, нас пасут, – оповестил я всех присутствующих, добравшись до квартиры Марины.

– С чего ты взял? – насторожился Ной.

– Не знаю. Возле палаты Наны ошивалась девчонка. По моему, я ее видел не в первый раз!

– Надо уходить... – выругался парень.

– Это ничего не даст. Если за нами следят – то уйти незамеченными нам не удастся. Да я и сам никуда не пойду.

– Ты шутишь?! В моем арсенале полно всяких шпионских примочек. Нас даже по сетчатке не вычислят, Яков!

– Делай, что хочешь! Как я уже сказал, отсюда я ни ногой.

– Дерьмо...

– Воу-воу... мы, кажется, пришли к тому, что нам нужно действовать сообща! – вскочила на ноги Анна. – Так какого

черта, Ной?

– Ты разве не слышала – нас пасут!

– Это только предположение... – тихонько шепнула Марина.

– Вот именно! – Анна благодарно кивнула той и снова уставилась на несостоявшегося брата. – Если у тебя столько шпионского барахла, то разве в нем не найдется какой-нибудь умной штуковины, позволяющей засечь прослушку, если таковая имеется?

– Найдется, – процедил Ной сквозь зубы.

– Вот и займись этим! – не менее зло бросила Анна. – Если окажется, что Якову не привиделся хвост, тогда и будем думать, что делать.

– Гениально! Особенно, если учесть, что нас сейчас слышат... – буркнул Ной.

– О, нет! Не думаю, что это так... – вступил в разговор до этого дремавший святой отец.

– О Господи... Он, наверное, думает, что Бог закрыл им всем уши... – застонал Ной. Святой отец оставил без внимания его сарказм. Только улыбнулся ласково и... с хитрецей немного.

– Всевышний здесь совершенно не причем. – Высохшими руками старик скользнул под ворот мантии и стащил с себя крест. Покрутил тот в руках. – В нем у меня вмонтирована хитроумная штуковина... Мне говорили, что она обладает широким диапазоном рабочих частот, который охватывает

ет весь интервал, используемый возможными прослушками. Так, что... вряд ли наши разговоры могли услышать.

Несмотря на весь ужас сегодняшнего дня, я едва не рассмеялся, наблюдая за вытягивающимися лицами всех присутствующих. Особенно порадовала отвисшая челюсть Ноя, которого святой отец, бесспорно, уделал.

– Озвереть просто... С каких это пор глушилки, наравне с кадиллом и библией, стали атрибутами религиозного культа?!

– Мир современных технологий все изменил. И церкви приходится шагать в ногу со временем.

– Может, откроете тайну, на кой черт священнику могут понадобиться эти игрушки дьявола? – искренне озаботился Мат.

– Таким образом мы стоим на страже таинства исповеди.

– Серьезно? Неужели в этом мире еще кто-то исповедуется?

– И даже приносит покаяние, конечно, в свободное от грехов время, – снова улыбнулся старик.

– То есть, во время исповеди вы включаете эту штуковину, чтобы никто не подслушал ваш разговор?

– Именно так.

– Боюсь даже спрашивать, что за люди к вам приходят, – присвистнул Ной. Святой отец пожал плечами, и на этом разговор на несколько минут оборвался. О девчонке я не забыл, она все также не давала мне покоя.

– Я тут пыталась сопоставить информацию, которую мы

имеем на данный момент, и у меня назрел вопрос... – нарушила тишину Анна, щелкая пальцами по виртуальной клавиатуре, – если допустить мысль, что существуют серверы, на которых содержатся все необходимые нам доказательства, то... Как думаете, где они могут находиться?

– В ж*пе мира, там, где их никто не найдет, – внес предложение Ной.

– Или, напротив, у нас под носом, там, где никто и искать не станет, – все так же робко парировал Марина. К слову, ее догадка мне понравилась гораздо больше, чем предположение Ноя.

– Яков? Что скажешь?

– Конечно, я допускаю мысль и о ж*пе мира, но, в таком случае, это бы порядком затруднило логистику. А если поломка? Или еще какая-нибудь хрень... Да и, опять же, питание... Такая махина должна быть подключена к сети бесперебойного электропитания. Вряд ли бы они стали использовать энергию солнца или ветра, находишь они черте где. Слишком ненадежно.

– Небольшой атомный реактор? – разошелся Мат.

– Слишком пафосно. И неразумно.

– Тогда остается – видное место, – подвела черту Анна.

– Охраняемое, наверное, как Совет Конфедерации...

– Мать твою... Совет Конфедерации! Ты – гений, Мат!

– А ты – чокнутая! – вкатил Ной, изумленно покачивая головой, – думаешь, эти уроды фигачат свои черные делиш-

ки на виду у всего мира?

– Конечно! Это ведь проще всего! Точно! – Анна возбужденно вскочила. В квартире Марины ее кипучей натуре было явно тесно. – Серверы находятся где-то там! Яков, насколько я понимаю, у тебя высший уровень доступа?

Я кивнул. Все так и было. По идее, я обладал доступом в любое из помещений Совета, кроме приемной Президента. Однако и туда можно было попасть без приглашения. Например, сложив пароль из фрагментов кода, которым обладал каждый член Военного совета. Пароль был придуман настолько хитро, что мог сложиться из любых восьми частей, известных участникам кворума. И не было никакой разницы, кто в этот кворум входил.

– Ты можешь достать планы инженерных сетей здания? В частности, меня интересуют внутренние и внешние электрические сети, трансформаторные, линии электропередач...

– Ты надеешься вычислить местонахождение серверов по расположению электропроводки?

– Почему бы и нет? Ясно же, что туда протянут какой-то отдельный канал...

– Это если допустить, что он вообще там!

– У тебя есть другие идеи? – ошетибилась Анна на Ноя. А тот лишь в бессилии сжал кулаки.

– Время уходит... Мы могли хотя бы попытаться, – внес рациональное предложение Мат.

Я опустил обруч на глаза и загрузил план-схему здания

Совета. Потыкался туда-сюда и обнаружил, что на удаленном доступе не имею прав войти в нужные файлы. Все интересней и интересней! Выругавшись, стащил обруч с глаз.

– Нет прав.

– У действующего члена Военного совета? – вскинула брови едва ли не до линии волос Анна.

– По удаленке – так точно, – пожал я плечами. – Возможно, это связано с вопросами безопасности. Так меня проще взломать.

– А возможно, кто-то просто не хочет светить эти планы даже перед действующим членом Военного совета.

Я пожал плечами, не имея возможности ни подтвердить слова Анны, ни опровергнуть.

– Ты можешь поехать в офис и попробовать войти в нужные файлы оттуда.

– Я не могу бросить Нану! Твою ж мать! Почему я каждый гребаный раз вынужден это повторять?!

– Ты ввел ей препарат?

– Да!

– И разве ей не стало лучше?

– Господи, Ной! Это ведь так не работает! Мат... объясни ему.

Матвей пожал худыми плечами:

– Робот поступает по крови к нужному органу и начинает атаковать неправильные клетки. Этот процесс может растянуться во времени, в зависимости от участка поражения

и дозировки препарата. А может... вообще не помочь, если время упущено. Это не абсолютная панацея, чувак.

Я сел прямо на пол в углу и, откинувшись на стену, прикрыл глаза. Разговоры хоть как-то отвлекали, а вот так... в тишине, я почувствовал, как меня снова затягивает адская воронка пугающей неизвестности.

– Мат... – тихо позвал я.

– Да, Яков?

– Скажи... А существует ли антидот? К тому препарату, что вводили людям?

– Удивительно, что ты только сейчас меня об этом спросил. Анна так первым делом поинтересовалась.

– И?

– Он есть. Но я не думаю, что об этом стоит кричать на весь мир.

Мат не стал вдаваться в подробности, но я и без этого все понял. Он намекал на то, что среди Пустых начнется вакханалия, если они узнают о возможности излечения. Они ринутся за противоядием, а после начнут стремительно размножаться. Мы не могли этого допустить, не имея на руках прогнозов. Никто не мог отрицать, что на каком-то этапе развития цивилизации человечеству действительно следовало сократить популяцию. Не зря ИИ первым делом внедрил эту технологию. Искусственный интеллект тем и хорош, что ему незнакомы муки совести. В принятии решений он руководствуется исключительно голым расчётом. Возможно, этот

расчет спас человечество от катастрофы.

Мысли в голове кипели. Тысячи вариантов, миллионы «за» и «против». План наших дальнейших действий, который все отчетливее проявлялся в мозгу, и полнейшее непонимание – зачем это все, если Наны не станет. И жгучая, острая боль, и срывающая корки на ранах надежда.

– Я буду у Наны, если удастся узнать что-нибудь новенькое – вы знаете, где меня искать.

Я заставил себя уснуть силой воли, призвав на помощь все навыки и умения, полученные в армии. Накрыл ладонь жены своей – и провалился в полузабытье. Разбудил меня приход доктора Хе.

– Доброе утро, Яков.

– Доброе. Что-то случилось?

– Ничего нового, генерал. Мы должны отключить Нану.

– Нет! – в который раз повторил я.

– Послушайте, Яков... я не могу и дальше тянуть. Существуют инструкции, протоколы, регламентирующие весь этот процесс. Я не имею права их нарушать... Если у пациента длительное время не отмечается положительной динамики, если лечение неэффективно, а пациент безнадежен – мы обязаны его отключить. Консилиум уже состоялся... Решение принято, мне очень жаль, но я только лишь следую правилам.

Меня подрывало. Ярость бежала по моему позвоночнику как запал по кабелю динамита. Убью. Голыми руками убью,

если он только посмеет к ней подойти! Если хоть кто-то посмеет...

– А если улучшения все же наметились?

– Это фантазии, генерал. Чудес, к сожалению, не бывает.

Я сцепил зубы, преодолевая желание взорвать этот чертов госпиталь вместе со всем его персоналом. Если бы Нана хотя бы дышала самостоятельно, если бы она хотя бы дышала... Я бы нашел способ, как ее отсюда забрать, как выходить и вернуть к жизни. Я бы обязательно нашел способ!

– Я оставлю вас ненадолго... Попрощайтесь. Мне очень и очень жаль...

– Нет, – я встал перед доктором Хе, загораживая ему выход из палаты. – Вы этого не сделаете.

– Генерал, вы вынуждаете меня обратиться к охране...

Врач Наны попытался обойти меня, но кто бы ему позволил?

– Включаете томограф, – просипел я, сжимая пальцы на рукоятке пистолета.

– Какого черта?

– Я сказал – включайте томограф. Не заставляйте меня повторять! – меня вело, в затылке ломило, я едва себя контролировал.

– Вы с ума сошли! Разве это не преступление – то, что вы меня сейчас удерживаете? Я буду жаловаться в Военный совет...

– Отлично. Но для начала – включите этот чертов томо-

граф!

Я не знаю, что, все же, подействовало на доктора Хе. Ярость, клокочущая во мне, или пушка, направленная ему прямо в голову. Как бы то ни было, он, наконец, выполнил мою просьбу.

– И дальше что?

– А дальше – делайте свою работу. После чего повторите мне, что положительной динамики нет, или же согласитесь с тем, что она наметилась! А после засуньте дер*мовое решение вашего консилиума об убийстве моей жены в ж*пу этим уродам.

С трясущимися руками доктор Хе подошел к прибору, вывел на проекцию результаты старых осмотров и наложил на них новые картинки. Я в этом ни черта не смыслил – знал только лишь, что поражённые участки мозга выглядели, как участки затемнения, и теперь, невольно затаив дыхание, наблюдал за действиями врача. Сначала, никакого интереса к происходящему тот не проявлял, было видно, что он просто выполняет мой приказ, ни на секунду, не поверив в то, что увидит для себя что-то новое. Но спустя каких-то пару минут его поведение резко изменилось. Плавные движения его рук стали нервными и хаотичными. Он вскинул лысую голову, бросил на меня быстрый, немного растерянный взгляд и снова вернулся к картинкам. Сместился, изменил угол обзора, вывел трехмерную проекцию.

– Не понимаю... – бормотал он, – не понимаю, как такое

вообще может быть...

– Объясните, – приказал я, чувствуя, как струны внутри меня натягиваются до хрустального звона.

– Опухоль... Она уменьшилась... Незначительно, но... уменьшилась. Никогда такого не видел! – он снова растерянно на меня посмотрел. В узких глазах пожилого корейца плескались миллионы вопросов, но отчего-то он боялся мне их задать.

Я вернул оружие в кобуру и отвернулся к окну. Ничего перед собой не видя, закусил пальцы на руках, чтобы не закричать. Эмоции душили. Накрывали с головой, рвались воем из глотки. Переживаний было так много, что в какой-то момент я не выдержал. Опустился на колени под их неподъемной тяжестью, в надежде на то, что сейчас уже можно... Можно позволить себе немного слабости. Медленно склонил голову, задыхаясь. Воздух царапал горло и рваными болезненными клочками врвался в легкие. Горячие слезы кислотой обожгли лицо, разъедая маску спокойствия, с которой я по необходимости сросся. Оголяя меня, делаю беззащитным...

За время болезни Наны я прошел все круги ада. Все... абсолютно. Даже те, о которых Данте не слышал. И что-то мне подсказывало, что этой извилистой страшной дороге не было альтернативы. Всё случившееся стало толчком к заранее предначертанному. Болезненной, практически смертельной инъекцией самопознания – кто я здесь, и зачем?

– Немыслимо. Совершенно немыслимо! Генерал... полагаю, вы мне все равно не скажете, как это случилось?

– Почему же? Недавно вы сами ответили на свой вопрос... Это чудо, док. Настоящее чудо.

Собрав в кулак силу воли, я обтер соль с глаз и медленно-медленно поднялся.

– Полагаю, вы передумали выключать мою жену?

– Да... да! Я буду ходатайствовать перед консилиумом...

– Поторопитесь. Мне нужно отлучиться. И к этому моменту я хочу быть уверен, что с моей женой ничего не случится.

Я подошел к постели Наны, поцеловал ее в лоб и вышел за дверь палаты, не мешая доктору Хе работать.

В тесной квартирке уже не спали.

– Как Нана? – спросила Марина, заведя меня на пороге.

Головы всех присутствующих повернулись ко мне.

– Опухоль уменьшилась.

– Есть! – вскинул кулак Мат.

– Она пришла в себя?

– Нет, не так быстро, Ной. Я... я решил, что теперь могу поехать в офис. Попытаюсь раздобыть схемы. Нам нужно спешить. Я председательствую в Совете в следующем месяце, а значит, смогу внести представление о снятии полномочий с Президента.

– А если мы не успеем?

– Тогда нам придется ждать целый год до моего нового назначения.

– Твою мать! Твою чертову мать...

– Ной, я понимаю тебя, как никто. Я знаю, как скручивает кишки бессилие. И я постараюсь раздобыть нужную нам информацию, клянусь! Но мы должны действовать осторожно.

Ной ничего не ответил. Только кивнул и отошел к крошечному окну.

– Я проведу детей и вернусь ближе к ночи, – наконец сказал он.

– Идет. К этому времени я надеюсь хоть что-нибудь накопать.

– Звони, если что.

– Заметано.

– И слишком не светись. Сам сказал, что нам нельзя привлекать внимание.

– Есть, мамочка, – нашел в себе силы улыбнуться я.

А в офисе было не до улыбок. Облачившись в военную форму, я шагал по знакомым коридорам, сканируя взглядом пространство. За время моего отсутствия здесь ничего не поменялось, да и с чего бы это случилось? Кивнув нескольким знакомым статистам, прошел к служебному лифту. В толпе мелькнула лысая голова Александра. Он был одним из тех двух членов Военного совета, на которых я безоговорочно рассчитывал. Вместе мы участвовали во многих операциях, прикрывая спины друг другу. Такой опыт не проходит даром. Ему я доверял.

– Яков Гази... Редкий гость в нашей конторе!

– Привет, Лайза. Как поживаешь?

Напротив меня стояла настоящая темнокожая амазонка. Единственная женщина в Военном совете. Ее идеально выпрямленные волосы были заложены за уши, а на идеальных губах застыла идеальная в своей белизне улыбка. Я подумывал над тем, чтобы за счет нее добиться кворума в Совете. Помнится, она была той еще безбашенной сучкой...

– Отлично. Скучаю по тебе.

– Да, брось! – притворно улыбнулся я.

– Ну, почему же? – вернула мне улыбку Лайза и тут же резко переключилась, – как Нана?

Я проводил взглядом Александра, злясь, что из-за Лайзы упустил шанс поговорить с ним прямо сейчас.

– Нана в порядке.

– Надо же. А я слышала совсем обратное. Совсем люди озверели. Ничего святого – врать о таком!

– Бывает. Но, как я уже сказал, у нас все отлично. Спасибо, что спросила.

– Мы ведь не чужие люди, Яков... – хищно улыбнулась Лайза и провела длинными острыми ногтями по моему запястью. Я прекрасно понимал, на что она намекала. Несколько лет назад нам было неплохо вместе. Но те времена остались в далеком прошлом, и какой был смысл о них вспоминать? – Если что, я с радостью помогу залечить твои раны...

Я покачал головой:

– Не стоит. Извини, меня ждет работа...

Напоследок я искривил губы в подобии улыбки и поспешил к себе. Сканирование сетчатки – и я в святая святых. Сколько спецопераций планировалось в этом кабинете? Не счесть! Но самая главная, я надеюсь, нас ждет впереди.

– Привет, красотка... Я по тебе скучал.

– Добрый день генерал. Рада видеть вас на рабочем месте.

– Выдай-ка мне чертежи инженерных систем здания Совета.

– Пожалуйста, Яков...

Я обрадовался, как ребенок, когда голосовой помощник вывел на экран нужные мне документы. Тогда я еще не предполагал, что без технического образования в этих многочисленных схемах и планах разобраться будет не так-то и просто. Спустя пару часов я понял, что все мои попытки ничего не дадут. Я выругался и откинулся на спинку кресла. Мой обруч замерцал, оповещая о входящем вызове:

– Ной...

– Нашел что-нибудь интересное?

– Я вытащил чертежи. Но разобраться в них мне не под силу. Нужен специалист.

– Нам поможет Джек. Сбрось мне все, что нарыл. Мы с ним прямо сейчас и глянем.

– Джек? – удивился я.

– Долго объяснять...

– Окей. Лови данные.

– Наберу тебя через пару часов.

Пока Ной и Джек изучали полученную от меня информацию, я тоже не терял времени зря. Долгое отсутствие на рабочем месте сказывалось не лучшим образом на моих делах, и я воспользовался случаем, чтобы подтянуть хвосты. Просмотрел несколько отчетов о последних спецоперациях, пролистал данные агентуры. И что-то меня в этих сообщениях настораживало. Что-то назревало... и грозило вот-вот выплеснуться наружу. Среди Пустых назревало недовольство, казалось, что кто-то намеренно его раздувал и подпитывал. Волнение поднималось, нам следовало торопиться, чтобы вовремя обуздать толпу.

Ной отзвонился даже раньше, чем обещал:

– Яков, на этих схемах нет ни черта интересного!

– Дер*мо! Вы хорошо все изучили?

– Досконально. Если там и существует какой-то дополнительный ввод, то в план эти данные никто не вносил. Нужно смотреть по факту.

– Посторонние не могут пройти на территорию объекта.

– Я в курсе. Но это можешь сделать ты. Всего-то и нужно – обнаружить неучтенный на схеме узел учета.

– В трансформаторной? Ты думаешь, я могу попасть туда незамеченным?

– В электрощитовой. Докажем сам факт, найдем способ узнать, куда ведут эти провода.

– Понятия не имею, как туда попасть незамеченным.

– Мы уже все решили. Подними голову вверх.

– Вентшахта? – догадался я.

– Надеюсь, там не установлены камеры. Проще всего туда попасть из туалета на нулевом этаже. Меньше ползти. Проникнешь, сделаешь фото вводов, отошлешь нам.

– Принято.

Это было довольно легко. Ствол вентиляционной шахты в нужном туалете располагалась как раз над унитазом. Я стал на него, снял решетку и, подтянувшись на руках, забрался внутрь. Следуя схеме, прополз около двадцати метров, дальше шахта расходилась, и я повернул налево. На все про все ушло каких-то десять минут. Я спрыгнул на пол в электрощитовой и чуть не упал, оглушенный воем сирены. Адреналин ударил в голову. Я задрал голову вверх, забрасывая карабин, чтобы подняться обратно, но, похоже, было уже поздно.

– Сюда! Скорее...

Я обернулся, успев заметить только лишь мелькнувшие в дверном проеме оранжевые дреды. На раздумья не было времени. Я побежал.

– Сюда... – не оборачиваясь, крикнула девушка. Мы пробежали еще несколько метров и очутились в просторном холле. Открыли дверь, спустились куда-то ниже уровня земли, и снова побежали. Остановились в небольшом закутке около кабины лифта, жадно вдыхая кислород.

– Это неучтенный лифт. Он поднимет тебя на нужный этаж. Еще минуту камеры будут писать левую картинку. Советую тебе вложиться в эти сроки.

Я кивнул и, наконец-то, поднял глаза:

– Айза?! Какого черта...

– Нет времени, Яков. Все потом...

Девушка нажала на кнопку лифта и буквально втокнула меня внутрь.

– Минута, – успела напомнить, прежде чем створки лифта закрылись.

Я уложился в отведенное время. Тихо захлопнул дверь за собой и привалился к стене. Легкие горели, адреналин струился по венам. Айза... Меня спасла Айза. Умалишенная дочь Президента! Как она там оказалась? Как вообще узнала о возможных путях отступления? Как подменила картинку на камерах? А главное... почему помогла? Вопросы... на которые я не находил ответов. А потом, как озарение! Это она! Она следила за мною все это время. Это её я видел на улице и в коридорах больницы... Твою мать! Дочь Президента!

Я пытался вспомнить, что о ней говорили. В отличие от сыновей Президента, его единственная дочь вела закрытый образ жизни. Поговаривали, что она не в себе. То ли умственно отсталая, то ли аутистка. В свете ее практически невозможно было увидеть. Она выходила крайне редко, и только по действительно важным поводам. Сам я был ей представлен несколько лет назад на инаугурации. В тот день она не пожелала со мной говорить, но зато от ее жуткого взгляда я весь день не мог отделаться. Он как будто ко мне прилип, может быть, поэтому я навсегда запомнил ее разно-

цветные глаза.

Я заставил себя просидеть в кабинете еще четверть часа, и только потом ушел. Напряжение, в котором я пребывал, достигло своего пика и потихоньку пошло на спад. Я откинулся на спинку кресла в машине и тяжело вдохнул.

– Какого черта ты полез в щитовую? – раздался тихий голос за спиной. И, признаться, я едва не вскочил.

– Твою мать, Айза! Как ты здесь очутилась?!

– Неважно. Так что ты забыл в щитовой?

– Разве я обязан перед тобой отчитываться?

– На твоём месте я бы так и поступила.

– Ты мне угрожаешь?

– Нет. Взываю к остаткам разума.

Я покосился на девушку в зеркало заднего вида и плавно вырулил на дорогу. Я не мог разгадать мотивов Айзы. И этот факт меня в высшей степени напрягал. Однако я не мог не думать о том, что именно она спасла мою задницу. Означало ли это, что я могу ей доверять?

– Остаткам?

– Только полный дебил мог так подставиться. Так что ты хотел нарыть?

Это было странно. Сам факт того, что Айза со мной заговорила. И эта беседа напрочь перечеркивала все домыслы о ее отсталости.

– Зачем ты за мной следила? – спросил я, вместо того, чтобы ответить.

– Ну, надо же! Вычислил...

– Ты хреново маскировалась. Так, зачем? Ответишь?

– Я была твоей страховкой на непредвиденный случай.

– Вот как?

– Угу...

– И с чего ты вдруг решила меня страховать? Чем я заслужил подобную милость?

– Воу-воу! Я похожа на дурочку? Давай поиграем. Вопрос – ответ – вопрос. Теперь моя очередь, как понимаешь.

– Спрашивай, – пожал я плечами.

– Что ты делал в щитовой?

– Пытался найти дополнительный, неучтенный на планах,

ввод.

Мне хотелось посмотреть, как она отреагирует на правду. Понять, что ей вообще известно? На чьей она стороне?

– Дошло, значит?

– О чем ты?

– О том, как их найти.

– Кого?

Айза жутковато улыбнулась, оголяя хищные идеально ровные зубы.

– Да, ладно, Яков. Думаешь, я не в курсе?

– Чего?

– Того, что происходит...

– Понятия не имею. Ты – темная лошадка, Айза.

Она никак не прокомментировала мои слова. Просто ее

улыбка угасла. Как и огонь в разноцветных глазах. И даже яркие дреды, казалось, опустились под гнетом невеселых мыслей, стремительно оккупировавших ее голову.

– Вы хотите пробраться к серверам.

– А если так? – согласился я осторожно. – Что тебе вообще об этом известно?

– Многое. Если не все. Не ожидал?

– Не ожидал, Айза. Каким боком ты в этом всем? И почему помогла мне сегодня?

Айза опять оскалилась:

– Считай, что тебе повезло.

– Я не верю в везение. Так почему ты за мной следила?

– Ты ведь в курсе, чем промышляет мой папенька. Только доказать ни черта не можешь. Черный рынок донорской спермы, женские лагеря. Псевдо-бесплодие. Псевдо-Избранные. Псевдо-Пустые... Ты уже докопался до истины, правда? И что теперь? Думаешь, что сломаешь систему?

– А как думаешь ты?

Девушка хмыкнула. Откинулась на спинку кресла и закинула ногу на ногу.

– Я думаю, что абсолютного зла не бывает.

– Ты защищаешь отца?

– Этого старого ублюдка? Да, брось. Им движет исключительно алчность, как и всеми, кто с ним повязан. Скукота.

– А тобой? Что движет тобой?

– Seriously? Тебе действительно интересно?

– Почему нет?

– У меня своя корысть. Алчность... Она ведь тоже бывает разной! Одно дело, если ты, как папенька, имеешь страстную тягу к наживе. Спишь и видишь, как преумножить свои капиталы, когда ты возвел материальные блага в идолы и поклоняешься им. И совсем другое дело, если ты алчешь правды... Тебе ведь знакомо это чувство, Яков? Разве ты не ищешь ее?

– Мы все в поисках правды, Айза. И если мы уж о ней говорим... В чем она заключается для тебя? Почему ты мне помогла?

Айза отвернулась, демонстрируя мне свой красивый профиль и аккуратную ушную раковину с зазубринкой. У меня тоже такая на ухе.

– Я – гений, знаешь? Нет? Вижу, что нет... А между тем... здесь, – Айза постучала пальцем по виску, – мозги лучше, чем у любой машины. Лет в шесть я взломала отцовский компьютер и по приколу слила информацию в сеть. Тогда-то меня и поместили в психбольницу. Не оценил папенька моих талантов, – рассмеялась девушка, и ее смех холодом прошелся по моему затылку. Я уже понимал, что она мне скажет, а потому напряженно следил за ней в зеркало заднего вида. – Примерно тогда же я и узнала, что будущий Президент Конфедерации – Пустой. Прикинь, какую бомбу я храню за пазухой столько лет! – И снова смех, от которого меня до костей пробирало. – Получилось, что все, что я о себе

знала, оказалось фальшивкой. И тогда я решила, что узнаю правду, чего бы мне это ни стоило... И все, что было потом – это мой путь к ней.

– И... ты узнала что-то, действительно интересное?

– А то, что ты – мой отец, считается?

Я не ожидал. Вообще не был готов к такому повороту событий. Резко затормозив, я медленно обернулся к Айзе.

– Я никогда не сдавал сперму...

– Неправда. Каждый военный сдает.

– На случай смерти!

– Кого это волнует? Ты ведь уже понял, как работает черный рынок.

– Ты хочешь сказать, что Президент не мог себе позволить купить легальный донорский материал?!

– Он к этому и не стремился. Ему нужны были лучшие образцы. Ты попал в категорию лучших. Можешь гордиться, – хохотнула Айза, пряча за смехом свои истинные эмоции, – именно для того, чтобы раздобыть данные о своем настоящем отце... о тебе, Яков... я и взломала тот чертов сервер!

В попытке осмыслить все сказанное Айзой я тупо пялился то на собственные руки, лежащие на руле, то на ее отражение в зеркале заднего вида.

– И знаешь, я столько времени потом боялась к тебе подойти с этой правдой. Столько времени вокруг тебя кружила... Я, как самый последний скряга, как отец над своими богатствами... тряслась над ней, боясь поделиться. И только

сейчас поняла. Прямо в этот момент, не поверишь! Алчности в любом ее проявлении противостоит лишь **щедрость**.

И я поделюсь с тобой, всем, что мне удалось узнать.

7. Похоть

Яков

– Какого хрена? Где тебя так долго носило? Мы места себе не находили! – напал с вопросами Ной, стоило мне только показаться на пороге. – А это еще кто? – добавил, сосредоточив на Айзе свой пристальный взгляд.

– Привет, братишка! А я все думала, ну, когда же мы уже познакомимся? – оскалила острые зубы... моя дочь. А мне, как обухом по голове – братишка?!

– Айза! Какого хрена? – обернулся к девушке.

– Ой, да, я же совсем забыла, папочка... Ной ведь тоже твой сынок. Ну, не чудные ли у тебя детки?!

Мой взгляд скрестился с взглядом Ноя. Черные в черные. Мои в мои. Только нового, усовершенствованного образца.

– О чем она? – дернул головой Ной в сторону Айзы.

Я только лишь пожал плечами. Это все, что я смог сделать на тот момент, будучи в ступоре.

– Да это же чокнутая дочь Президента! – вскочила на ноги Анна, – Яков, какого хрена ты ее сюда притащил?!

– Эй, дамочка... – веселилась Айза, развалившись на не заправленной постели Марины, – не советую меня обижать! – девчонка нагло помахала пальцем у ошарашенной Анны перед носом. – Я, вообще-то – ваша последняя надежда.

– Айза утверждает, что взломала серверы. Мы были правы. Они находятся в здании совета.

– Ты их обнаружил? – спросил Матвей, рассматривая Айзу тайком.

– Добрался только до узла и попал в ловушку. Айза меня вывела.

– Она, и правда, твоя дочь? – в отличие от всех других, взгляды которых были прикованы преимущественно к новенькой в нашей группе, Ной гипнотизировал взглядом меня. И я тоже не мог от него оторваться. Это было не объяснить. Это было... странно. Будто бы два зверя принюхивались друг к другу. Да, мы были такими. Мы могли не верить словам, мы могли не верить результатам тестов, мы вообще уже никому не верили, но себе не верить мы не могли. Я был истоком, Ной был рекой... В этом не было никаких сомнений больше. Вот почему мне с ним было настолько легко. Вот почему его поведение было мне до простого понятно. Он был моим не просто по духу. Он был моим по крови. Господи боже – я уже дед!

– Как я уже сказал, Айза взломала серверы. И нашла свою реальную метрику.

– Президент – пустой?! Охренеть... – ошарашенно протянула Анна. – Вот только с чего тебе нам помогать?

– Мы будем болтать или приступим к делу? – Айза нахмурилась, притворная улыбка стерлась с ее лица. Оно стало... каким-то злым и сосредоточенным. – У тебя есть план? –

обернулась ко мне.

– Имея на руках доказательства против политической верушки, я могу получить кворум в совете, отстранить Президента от власти и взять ее на себя.

– Да ты амбициозен! – восхитилась Айза.

Я пожал плечами:

– Данный механизм прописан в Конституции. Если Президент отстраняется от власти по обвинению в преступлениях против Конфедерации, власть в ней переходит в руки военных. А именно – к действующему председателю Военного совета. Мы приняли решение действовать законными методами, чтобы избежать волнений.

– Что, если кворум не соберется?

– Самый негативный сценарий. Начнется война.

– Сколько человек уже есть?

– Три. Включая меня. Еще четыре – пустые. Думаю, с нами не будет проблем...

– Имена?

– Какого черта? Ты кем себя здесь возомнила? – вскинулась Анна, которую, видимо, покорила стремительность Айзы.

– Генерал Ли, генерал Патаки, генерал Шульц, генерал Бхатарр.

– Шульц отпадает.

– Это почему же?

– Потому, что он плотно сидит на потоках. Прикормлен.

Его участие в Совете по квоте Пустых – ср*нь собачья. Плевать ему хотелось на интересы этой касты.

– Дерьмо! – выплюнул я, растирая лицо ладонями.

– А кто был восьмой?

– Лайза.

– Хम्म...

– И что это означает?

– Темная лошадка, ну, да ладно. Разберемся. Вместо Шульца берем в оборот Гринбанда.

– Да, твою ж мать? Кто она такая, чтобы здесь командовать?!

– Подожди, Анна, – осадил я девушку. – Почему именно его? – обратился к Айзе.

– У меня есть некоторые рычаги давления на этого господина. – О чем конкретно идет речь? – настаивал я.

– Компромат. Генерал Гринбанд очень любит несовершеннолетних детишек, если вы, конечно, понимаете, о чем я.

– Если его прижучить этим, он сразу поймет, что после свержения власти его сольют. Не согласится, – покачал головой Ной, наконец, оторвав свой взгляд от меня, и прищиплив им Айзу.

– Согласится, если пообещать ему иммунитет.

– И оставить на свободе педофила?! – хмыкнула Анна.

– Это называется компромисс. Война уничтожит землю, чертова идеалистка. Любой мир – это гребаная сделка. Любой!

– Отлично! – фыркнула Анна.

– Когда ты планируешь созывать совет?

– Когда план будет продуман до мелочей. Мы не можем допустить ошибку.

– Первым делом нам нужно взять под контроль криобанки! И лагеря, – вмешался Ной. – Они захотят избавиться от доказательств.

– Я уже думал об этом. Все криобанки на земле... Их не меньше пятидесяти тысяч.

– Мы можем поручить это Свободным. Они помогут, – внес предложение Ной.

– Да там агентов конфедератов – тьма. Скорее, они нас просто сольют! – парировала Анна.

– Это, если не подчистить верхушку Свободных. Ной, у тебя есть возможность связаться с их главным?

– Я найду выход на Тень.

– Его задача – устранить предателей. Айза, у тебя есть данные о внедренных агентах?

Айза пожала плечами, выводя на проекцию какие-то документы, пальцы вспорхнули, свернули информацию и быстро застрочили в воздухе.

– Я скину их Тени.

– Отлично, – кивнул головой я, – Ной – твоя задача – дальнейшие с ним переговоры. Сделай так, чтобы Тень оказался на нашей стороне. Я беру на себя совет. Анна – как только мы начнем действовать – твой канал – наш язык. Интервью

с Матом, относительно разоблачений его отца – пиши заранее, хоть сейчас, и как только арест случится – выпускайте сразу в эфир. Мат, старайся отвечать на вопросы максимально доступно. Чтобы тебя понял каждый человек на планете, даже самый тупой. Марина... без твоей помощи мы бы не обошлись. Все, что ты делаешь – бесценно. Святой отец – надеюсь, бог на нашей стороне.

– Можете даже не сомневаться, ваше преосвятейшество.

– Нам понадобятся боты. Фермы ботов, разгоняющие нужную нам информацию по сети. Короткие новости. Вбросы. Чтобы в максимально сжатые сроки покрыть нужной информацией как можно больше людей. В принципе, у меня есть надежные люди, которые могут курировать этот процесс.

– Отличный план, Анна. Ты – молодец. Нас должен поддержать народ. Тогда у силовых структур, даже при желании не подчиниться приказам нового главнокомандующего, не останется шансов.

– Как хорошо, что она может не только ныть, – хмыкнула Айза, косясь на Анну. В ответ та ей показала фак.

– Она мне нравится, – снова оголила зубы Айза, – дай-ка, посмотрю на твоих ботов. Вдруг их работу можно улучшить?

Анна нерешительно покосилась на Айзу, но все же подтолкнула к девушке свой обруч.

– Погоди... Айза, у тебя есть доступ ко всем данным правительства? – снова подал голос Ной.

– Абсолютно.

– Яков... Кайя... Пожалуйста. Мне нужно ее вытащить.

Пожалуйста, мужик...

– Ты ждал дольше.

– Я не могу рисковать! Что, если свободные не справятся?

Что, если я опоздаю?! Что, если ее убьют?! Где она? – Ной подскочил к Айзе и схватил ту за шкирку, – где моя жена?!

В ответ девчужка саданула его ногой и, проведя блестящий прием, вырвалась из рук парня.

– Если бы ты не был моим братом – то я бы тебя убила, – раздувая тонкие ноздри, прошипела она.

– Моя жена! Мать моих детей! Она находится в лагере Избранных!

– Ты знаешь, где удерживают Кайю? – поинтересовался у Айзы я, но она проигнорировала мой вопрос, сосредоточив все свое внимание на Ное.

– Операцию по взятию под контроль криобанков нужно проводить одновременно по всему миру. Если ради задницы собственной жены ты способен поставить под сомнение жизни миллионов людей на планете – дерзай. Но от меня ты никакой информации не получишь! Мы боремся за равенство, Ной. А значит, у тебя нет привилегий. Подумай об этом. И договорись о встрече с Тенью. Тем более, что он уже вышел на связь.

Ной яростно сжимал кулаки и молчал, я... Я с болью наблюдал за его метаниями. Наверное, как никто другой, я мог

понять то, что он сейчас чувствовал. Более того, мне казалось, его боль передалась и мне.

– Когда у меня опускались руки, ты говорил, что нужно бороться, Ной, – напомнил я... сыну, положив руку на его крепкое плечо. – Ты нужен мне. Ты нужен своим детям. Им... – кивок в сторону собравшихся в тесной квартире Марины, – ты нужен миллионам людей, которые ждут справедливости.

– Только есть ли она? – шепнул Ной.

– Не знаю, парень... Но стоит попытаться ее отыскать. Что скажешь?

Ной отвернулся к окну. Провел рукой по затылку. Мой сын. Такой взрослый и такой сильный. Невозможно. Мои мысли, мое сердце, моя душа замерли в попытке свыкнуться с этой оглушающей новостью.

– Нам нельзя медлить... – он говорил настолько тихо, что мне приходилось прислушиваться.

– Через две недели я возглавлю совет. За этот срок нам нужно успеть все подготовить.

– У нас очень мало времени.

– Да. Поэтому мы не можем больше терять ни секунды. Я бы хотел, чтобы ты просчитал варианты на случай, если все же возникнет бунт.

– Он не возникнет, если Свободные будут на нашей стороне. Нет лидера и идеи – нет бунта, – заметила Анна.

– Мы должны предусмотреть любые варианты развития

событий. Ты, как никто, знаешь, как можно манипулировать общественным сознанием. Нам нужно исключить такие сценарии.

– Я все сделаю, – кивнул Ной.

– Начни с переговоров с Тенью.

Ной кивнул и натянул свой обруч на глаза.

– Я к Нане. А после – приступлю к вербовке членов Совета. Анна, ты начинаешь потихоньку сливать в сеть данные о махинациях с донорским материалом. Цель – максимально расшатать ситуацию, но не вывести её из-под контроля. Айза – ты помогаешь с доказательствами.

– Как насчет того, чтобы слить расчеты по нескольким незаконным сделкам? – предложила девушка.

– Отлично. Действуйте. В десять – подведем итоги сегодняшнего дня.

Нана все еще была без сознания. Показатели ее жизнедеятельности не улучшались, но и не становились хуже. Опухоль уменьшалась медленно. Будто нехотя. Я волновался, что дозировки препарата не хватит. В конце концов, никто не испытывал его на людях. У меня не было никакой уверенности, но я не позволял себе сомнений. Я верил в выздоровление Наны, как будто в какую-то новую религию, адептом которой я стал. Нана была моим вероисповеданием, жизнь с ней – моим личным раем. И я не хотел ничего менять. Мой рай был совершенен. В нем не было места для реформаторов...

Шли дни. Мы работали в авральном режиме, и напряжение буквально зашкаливало. Казалось, его можно было пощупать руками, как имеющий форму предмет. Мозг взрывался от обилия поставленных задач и постоянного недосыпа. А когда становилось невмоготу – я шел к Нане в палату. Мы лежали, обнявшись... точнее, я ее обнимал, и это давало мне силы. Нахождение рядом с женой каким-то немислимым образом задавало мне импульс двигаться дальше. Даже спящая Нана была моим верным союзником.

Все более-менее ладилось. Я уже заручился предварительной поддержкой шести постоянных членов Военного совета. Умные люди – их даже не пришлось уговаривать. А проблема возникла там, где я и предположить не мог. Лайза... Вот, кто спутал все наши карты. Вот, кто поставил меня перед выбором там, где выбора попросту не существовало.

Поскольку в поддержке Лайзы я был абсолютно уверен, разговор с ней я отложил напоследок. Мы встретились в ресторане европейской кухни, который она выбрала самостоятельно. Лайза листала меню, а я рассказывал обо всем, что нам стало известно в ходе расследования. По реакции женщины трудно было определить, что она думает, но это было нормально – нас всех учили этому фокусу.

– Тебе нужен мой голос? – уточнила она.

– Не мне. Твой голос нужен всем этим людям, – я нарисовал круг рукой и взялся за бокал с водой.

– Хорошо. Но у меня есть условие.

Я отпил и неторопливо отставил посудину.

– Какое?

– Мне нужен ты.

– В каком смысле?

– В самом прямом. Мы были отличной парой, Яков. Избранные, с прекрасной генетикой... За такими будущее, дорогой. А ты решил променять меня на какую-то дворняжку.

Я сцепил зубы, стараясь не показать, как сильно я хочу вогнать мерзкие слова Лайзы ей обратно в глотку.

– Я женат.

– Вот с этого и начнешь. С развода. А потом мы поженимся, нарожаем кучу здоровых детишек и проживем долго и счастливо. Ты – Президент, я – первая леди. Тебе под стать.

– Ты хочешь власти? Так я с радостью отдам тебе свое кресло...

– Я хочу тебя. А власть... просто приятный бонус, – сверкнула белозубой улыбкой Лайза, провокационно облизнув пухлые губы. Это должно было выглядеть эротично, но не выглядело. Я видел перед собой мерзкую кобру, которая, высунув тонкий раздвоенный язык, готовилась к смертельной атаке.

Видимо, я не смог скрыть брезгливости, написанной на лице. Потому что в темных глазах Лайзы мелькнула злость, которая чуть позже сменилась показной сердечностью:

– Я люблю тебя, Яков. Нам будет хорошо вместе.

Ее нога, обтянутая чулком, скользнула вверх по моей ик-

ре. Пальцы руки участливо коснулись запястья.

– Любишь? Не льсти себе, Лайза. Это похоть. Обычная похоть, которую ты почему-то спутала с чем-то возвышенным и настоящим.

– Да что ты знаешь?!

– Знаю, Лайза. Поверь. Любящий человек никогда бы не предложил то, что ты мне сейчас предлагаешь.

– Послушай, я понимаю, что вот так, с ходу, тебе эта мысль могла показаться... странной. Ты не ожидал, но я люблю тебя, Яков. Давно люблю, и если бы не эта су...

– Достаточно! – рявкнул я, вжимаясь пальцами в край стола, чтобы сдержаться и не наделать глупостей. – Ты ничего не знаешь о любви. Ничего, Лайза, понимаешь? Не оправдывай себя этим...

– Ты заблуждаешься!

Я покачал головой:

– Нет! Потому что в глубине души ты не можешь не осознавать, как... мерзко все, что ты мне сейчас предлагаешь. И чтобы себя оправдать хотя бы в собственных глазах, ты прикрываешься таким благим, светлым чувством, как любовь.

– Нет...

– Всегда можно найти оправдание боли, которую ты причиняешь людям в силу обилия внутреннего д*рма, но ты прекрасно понимаешь, что делаешь, ты не можешь этого не понимать, если твой мозг исправно функционирует! Однако, ты предпочлала засунуть эту правду в дальний угол созна-

ния и оправдать себя хоть чем-то! – Я говорил тихо, но мой голос звенел. – Любовью... Смешно. Ты любишь то, что себе придумала, ты ведь даже не знаешь меня, настоящего! Легко обманывать себя любовью, когда все хорошо... Легко любить свет. А что ты знаешь о тьме? Когда все летит к черту, когда черное отчаяние застилает собой все свои мысли? Когда тебя ломает от боли за любимого человека, когда жизнь – ни хрена не праздник?! Ты позволишь любви проникнуть под кожу, растекаться по венам, дрожать на твоих ресницах, подчинив себе сердцебиение? Или предпочтешь забыть все, как страшный сон? Любовь... Совершенно необъяснимая, иррациональная. Твоя самая главная слабость, но одновременно – невероятная сила! Сможешь ли ты ей подчиниться? Сняв с лица все свои маски, выпустив на свободу всех своих демонов, обнажив свою душу, позволишь ли ты ей без страха поселиться в своем сердце, ставя его под удар?

– Да ты романтик...

– А ты ни черта не знаешь о любви. Дерьмо, завернутое в фольгу – все еще дерьмо, Лайза.

– Нам было хорошо вместе!

– Трах*ться! Возможно, не буду спорить. Тогда мне не с чем было сравнить. А теперь есть. А потому, я вынужден отклонить твое предложение.

Я встал из-за стола. Лайза неспешно повернулась:

– А я ведь могу сделать так, что ты до конца дней будешь гнить в тюрьме...

Обернувшись, я медленно кивнул головой:

– Можешь, конечно. Тем самым ты только докажешь, что я был прав.

Я уходил с тяжелым сердцем. Я не знал, как теперь быть. Весь наш план оказался под угрозой. Почему я раньше не предусмотрел этот вариант? Точнее, не так. Нами рассматривались любые сценарии. И если кворум не состоится – мы просто выйдем на улицы. Но... я не предполагал, что на пути всего встанет разыгравшееся в голове у бабы дер*мо. Это даже могло быть смешно, если бы не было так грустно.

– Ну, как? – поинтересовался Ной, как только я вернулся в квартиру Марины.

Я покачала головой:

– Лайза выдвинула невыполнимые условия.

Больше я не стал ничего объяснять. А между тем, заседание Военного совета должно было состоять уже завтра. Чуть раньше боевые подразделения Свободных и преданные мне отряды военных начнут операцию по взятию под контроль криобанков. Это была первая операция, разработанная совместно военной верхушкой Конфедерации и лидерами повстанческого движения. Объединив знания и опыт (как ни крути, а подрывная деятельность Свободных была довольно успешной), мы рассчитывали на то, что операция пройдет гладко. Одновременно с взятием под контроль криобанков в эфир будет запущено сенсационное интервью Мата, разоблачающее действия правительства. Мы рассчитывали на то,

что это позволит нам избежать лишних жертв, в случае необходимости силового захвата.

Армия... Если бы кворум состоялся – у этих ребят не осталось бы сомнений. Они бы подчинились приказам нового главнокомандующего, и никакой конфронтации не случилось бы. Дальше все было бы просто. Зачистка среди организаторов преступных схем, короткое следствие и суд. Иной сценарий – свержение власти путем переворота. Формально все силовые структуры остались бы в подчинении Президента. И это максимально бы все усложнило. Потому что повод был слишком серьезным. Его бы нельзя было замять, разогнав протестующих по домам. Даже убей они лидера, возглавившего революцию. Такое бы народ не съел. Началась бы гражданская война. И никто бы не дал гарантии, что после этого у человечества остались бы шансы.

– Как она? – поинтересовался Ной, перехватив меня у палаты Наны.

– Нормально. Опухоль уменьшилась практически наполовину, но... никакой другой динамики не наблюдается.

– Значит ей нужно немного больше времени.

– Ты, правда, так думаешь? – спросил я у сына, – или пытаешься таким образом меня утешить?

– Нет... Я верю, что все будет хорошо. Иначе... к чему тогда весь этот путь? Зачем мы все встретились? Ее болезнь... Мне кажется, она была послана, чтобы все мы оказались в одном месте. Здесь и сейчас. Как ключи к головоломке.

– Ты становишься фаталистом, – улыбнулся я.

– Да? Общение со святым отцом, наверное, сказывается, – засмеялся Ной, откидываясь головой на белую больничную стену. – Черт, мы затеваем больше дело...

– Да...

– Такого еще не было в истории? Или было?

– Наверное, нет... Хотя мы не первые повстанцы – факт. Просто... масштабы нынче совсем другие.

– А ведь сейчас по всему выходит, что слова святого отца не так уж и далеки от истины.

Я рассмеялся. Покачал головой:

– Какой бред...

– Слушай, а если ты – Бог, то и я, получается, тоже? Хотя бы наполовину... – продолжал философствовать Ной, посмеиваясь.

– Ага, Бог.

Наверное, тогда нам было жизненно необходимо отвлечься. Болтать о чем-то постороннем, шутить. Чтобы расслабиться, втянуть грудью воздух, чтобы с новыми силами ринуться в бой, и мы... смеялись. Господи, как мы смеялись в тот вечер!

– Если бы я был богом, а впереди у меня был судный день, мне бы, подобно Иисусу пришлось бы, наверное, провести эту ночь в Гефсиманском саду в слезах, молитве и в поту кровавом, а не вот так... с шутками и холодным пивом.

Я отсалютовал Ною банкой Бада, которую тот мне вручил

несколькими минутами ранее, и криво улыбнулся.

– А по мне, все очень похоже. Только твое моление о чаше не ограничилось одной ночью. Твои страдания длились гораздо-гораздо дольше. Молитва Иисуса была твоекратной. Первый раз он молился об отвращении чаши страданий. Ты тоже поначалу просил здоровья для Наны и пытался избежать участия в перевороте. Во второй – покоряется воли Божьей... Тут, думаю, пояснять ничего не нужно?

Улыбаясь, я покачал головой:

– А в третьей?

– Он повторяет свое второе моление и возвращается к ученикам, чтобы рассказать им о приближении предателя. Здесь, кстати, что-то не сходится... Ты нам так и не рассказал, что случилось с Лайзой...

– Не хочу об этом, Ной...

Ной кивнул. Запрокинув голову, выпил остатки пива из банки.

– Знаешь... что меня, абсолютно атеиста, всегда восхищало в этой истории? То, как он, – взгляд парня взмыл к потолку, – зная свою участь, и будучи готовым ее принять, отчаянно и обреченно ждал помощи от того, кто отправил его на муки...

– Да... Только ко мне это совершенно точно не имеет никакого отношения.

– Думаешь?

– Определённо. Я не собираюсь приносить себя в жертву.

Я собираюсь поставить перед ответом других!

– И мне почему-то кажется, что где-то там, – и снова Ной поднял глаза к потолку, – этот новый сценарий давно уже утвержден.

Я пожал плечами, и на этой философской ноте наш разговор оборвался. Нам нужно было отоспаться перед самым ответственным днем в наших жизнях.

Часы иногда останавливаются. Дни – нет. Вот и наш судный день настал. Ной все-таки добился у Айзы, где находится Кайя, и настоял на том, что возглавит освободительный отряд, направленный в то место.

– Береги себя... сын. Я очень хочу познакомиться со своей ммм... невесткой, – сказал я в спину уходящему парню.

Он оглянулся. Глаза – в глаза. И короткий кивок:

– Я не подведу тебя, Яков... Отец.

Дурынд Айза, пальцы которой в бешеном танце порхали по виртуальной клавиатуре, сливая в сеть нужные нам данные, не была бы собой, если бы не прокомментировала наши слова:

– Я сейчас расплачусь.

– Лучше не отвлекайся.

Айза фыркнула и вернулась к своей работе. Под пристальным взглядом собравшихся, я прошел за ширму, чтобы переодеться в военную форму. Время совета неумолимо приближалось. Что нас всех ждет? Я не знал.

Зал для совещаний представлял собой большую прямоугольную комнату с высокими потолками и огромные окнами, сквозь которые лился розовый утренний свет. По центру располагался овальный стол, на котором в тяжелых стеклянных вазах стояли живые цветы. Непозволительное расточительство. Первым делом, после смены власти, нужно будет пересмотреть бюджет на содержание аппарата. Я беру слово и начинаю сухо, со скринами и ссылками на нужные документы излагать суть обвинительного заключения. Тишина в комнате оглушала. Ее разбавляли разве что мои сухие, уверенные слова, которые, отражаясь от высоких стен, зависали в сгустившемся от напряжения воздухе. Не всем удастся сдержать эмоции. Я вижу растерянность и злобу на лицах. Двух, из пяти членов совета, в решении которых я не уверен. Среди них и Шульц. Если бы не Айза... об этом лучше не думать.

– Вы не обладаете полномочиями на подписание подобных документов! – потеет Шульц, и кивком головы ему вторит – Шалин. Еще одна темная лошадка. Подлец и продажная шкура.

Я вскидываю голову выше, не уступая шакалам ни сантиметра, и сквозь зубы цежу:

– Вы ошибаетесь. Возглавив совет, я получил право внести этот документ на повестку дня и завизировать на нем волю кворума Военного совета Конфедерации.

– А есть ли у вас этот кворум при столь неубедительных

доказательствах?

Неубедительных? Это, должно быть, шутка. Впрочем, было бы глупо ожидать, что они сознаются во всех своих мерзких делишках. Я этого и не ждал.

– А вот сейчас и узнаем. Пользуясь правом, предоставленным мне Конституцией Конфедерации, и руководствуясь регламентом работы Военного совета Конфедерации, я, председатель Военного совета Конфедерации, генерал-лейтенант Яков Гази, выношу на голосование текст обвинительного заключения в отношении действующего Президента. Прошу всех проголосовать!

Моя рука взмывает вверх, следом – руки Александра и Демиана, в которых я никогда не сомневался. С небольшой заминкой, поднимают руки генерал Ли, генерал Патаки и генерал Бхатарр. Дольше всех колеблется Гринбанд, но спустя каких-то пару секунд, которые лично мне кажутся вечностью, и его мясистая ладонь, будто нехотя, скользит вверх. Перевожу взгляд на Лайзу. Ее ладони покоятся на столе. Стерва! Внутри меня закручиваются стальные пружины. Напряжение в комнате, кажется, можно резать ножом. Еще немного, и мне придется подавать сигналы бедствия – давая добро плану «Б».

– Черт! Вечер перестает быть томным! Я с вами!

Не могу поверить своим глазам. Воронов. Вот, на кого я никогда не рассчитывал. Однако он тот, кто не просто первый поднимает руку, но и ставил свою подпись на докумен-

те, выпуская демонов из оставшихся четырех членов совета.

– Сожалею, но кворум не состоялся!

Я оборачиваюсь на звук и упираюсь взглядом в дуло направленного на меня пистолета. С точностью в сто процентов я могу определить, готов ли человек к решительным действиям. Под моим началом проводились сотни контртеррористических операций и операций по освобождению заложников. Я тысячу раз смотрел смерти в лицо. А потому я знаю, что выстрел случится. Считаваю готовность убить в глазах Шульца. Сердцебиение замедляется, голова становится холодной, и совершенно невольно я начинаю прикидывать в уме, какова его результативность. Мои мысли обрывает резкий звук выстрела. В то же мгновение Лайза вскакивает со своего места и бежит пуле наперерез:

– Нееет!

Лайза падает. В ту же секунду Александр обезоруживает Шульца и зачитывает ему современную версию Правила Миранды. Я подлетаю к раненной Лайзе, падаю перед ней на колени и сразу понимаю, что ранение – дерьмо. Шансов нет. Кровь пульсирующим фонтаном вырывается через небольшое аккуратное отверстие в груди. Лайза закашливается, ее пухлые губы синеют, но, преодолевая боль, она пытается что-то сказать.

– Что, Лайза? Что?

– Не... похоть... кхе-кхе... любовь... Ты говорил... тогда...

– Глупости!

– Нет... Тогда я не понимала... Ты прав. Мною двигало жгучее желание тобой обладать, и... кхе-кхе... это вышло на первый план. Заслонило собой главное. Тогда я не осознала, что ради тебя готова на все... даже от себя отказаться... не то, что от каких-то страстей... Только бы ты был... Я люблю... И понимаю, почему... кхе-кхе... ты не смог быть со мной...

– Лайза... – я сжал ее хрупкую черную ладонь, со жгучим сожалением наблюдая, как из нее по капле уходит жизнь.

– Выходит, это похоть убила мою душу... а воскресила душу *любовь*.

Несколько часов спустя.

– Яков... Люди по всему миру ждут твоего обращения.

Я устало растер лицо и посмотрел на Александра.

– Освобожденные из... эээ плена Избранные уже возвращаются к своим семьям. Их интервью в значительной мере укрепили наши позиции. Но люди вышли на улицу. Ты должен их успокоить. И все объяснить. У здания совета уже начались столкновения, боюсь, что оттягивать встречу мы больше не можем.

Я кивнул головой. Медленно встал из кресла. Мой экран мигнул, в который раз за этот бесконечный день. Ной! Он прислал мне фотографию. В кроватях спят дети. Ник и Маруська – мои внуки, а рядом с ними стоит темнокожая жен-

щина. Невозможно красивая и такая же грустная. Ее ладонь несмело тянется к кудрям малышки, а одинокая слезинка катится по щеке...

Я не знал, что будет впереди. Что ждет наше общество? Удастся ли нам найти какой-то баланс? На эти вопросы не существовало ответов. Я знал только, что ничего не будет, если мы не заглянем вглубь себя, если мы не отыщем в своих искореженных душах любовь. Великую силу, которая научит нас кротости и смирению, воздержанию и толерантности, которая сделает нас щедрыми и подарит веру. И, да, я знал, с чем я, Яков Гази, выйду к своему народу.

Эпилог

Я не мог на нее насмотреться. Сколько бы ни прошло лет, и куда бы ни лежал наш путь – одно никогда не менялось. Мой взгляд... обращенный к ней. Моей жене. Моей Нане... Она сидела в тени деревьев, и теплый ветер раздувал ее шикарные темные волосы. Голова чуть наклонена. Аккуратный нос сморщен. Мат с Ноем рассказывали что-то смешное. Рядом с Наной сидели Кайя и Анна с Мариной. Мат и святой отец о чем-то спорили чуть в стороне, в бессмысленной попытке примирить религию и науку. Неподалеку бродил вышедший из Тени (в прямом и в переносном смысле) Ворон. Я до сих пор поражался, как так получилось, что нас, таких разных, однажды свела судьба.

– О чем задумался, Президент? – раздался насмешливый голос Айзы за спиной.

– О том, как так вышло, что мы все оказались в нужное время... и в нужном месте. Мистика.

Айза фыркнула и закатила глаза. Я так и не разгадал свою дочь до конца. Слишком сложной она была. Непостижимой.

– Неужели ты, правда, думаешь, что это случайность? – скривилась она.

– На что ты намекаешь?

– Думаешь, в момент, когда искусственный интеллект захватил власть на планете и смешал к чертям собачьим мет-

рики всех людей, за этим ничего не стояло?

– Что ты имеешь в виду?

– Ну же... Яков... У тебя такая умная дочь, значит, ты и сам не дурак. Подумай.

Я пожал плечами, с интересом разглядывая Айзу:

– Боюсь, ты переоцениваешь мои возможности.

– И что, ты никогда не допускал мысли, что машина выполняла приказ? Действовала по заранее написанному алгоритму?

Осмысливая слова дочери, я переступил с ноги на ногу и опустил задумчивый взгляд.

– Ты хочешь сказать, что мы живем по заранее смоделированному кем-то сценарию? В матрице?

– Нет. За нами оставили право выбора. Просто любящий нас создатель, дал нам последний шанс.

– Сократив популяцию?

– И ткнув носом в пороки, которые нас истребляли. – Айза вскинула бровь и, хитро улыбаясь, пошла прочь.

– Постой! Если все так... Значит, в словах святого отца есть доля истины.

– Возможно, – рассмеялась моя странная дочь.

– Тогда, кто эти пять посланцев?

Она резко остановилась и обернулась. На этот раз синие дреды взвились змеями вокруг ее головы.

– Ты не мессия, – оскалилась Айза.

– Правда?

– Угу. Святой отец ошибся.

– Тогда как же... Почему я? В чем смысл?

– Мессии только предстоит родиться... Суперчеловеку, который даст человечеству шанс.

– О чем ты толкуешь?!

– Тебе ведь знакомо понятие эволюции? Да? Этот естественный процесс, сопровождаемый изменениями генетического состава популяций... Как думаешь, к чему приведет массовое подавление репродуктивной функции? Ну, конечно же, к мутации клетки, которая станет практически неуязвимой. Сечешь?

– Нет, – честно признался я, чувствуя себя редкостным идиотом.

– Нану тянет на квашеную капусту. Редкая гадость, скажу я тебе. Подумай об этом.

Я замер. Сердце ухнуло куда-то вниз, а потом подпрыгнуло к горлу. Айза отошла на достаточное расстояние, а я, как последний придурок, кричал ей вслед:

– Ты намекаешь, что я стану отцом мессии?

Девушка остановилась, улыбнулась мне и молча потопала дальше.

– Подожди! – кричал ей вдогонку, как последний дурак, – а ты-то откуда это все знаешь? Ты хакнула компьютер небесной канцелярии?!

Плечи дочери задрожали от смеха, не поворачиваясь, она помахала мне на прощание и скрылась в стенах президент-

ского особняка. Я раздраженно фыркнул и пнул бордюр. И тут же знакомые теплые руки оплели мою талию, а мягкие губы прижались к основанию шеи. И все остальное стало не важно.

– Соскучилась? – тихо спросил я, пристально вглядываясь в сверкающие глаза жены.

– Ооочень, – выдохнула она, прижимаясь ко мне всем телом.

– Ты никогда не любила квашеную капусту, – заметил я, – ничего не хочешь мне сказать?

Нана улыбнулась. Счастье осветило ее лицо, делая его еще прекраснее.

У нас не было шансов на это счастье. Совет принял нелегкое решение уничтожить антидот. Люди не получили противоядия. Не получила его и моя жена. Но каким-то хитроумным способом на нее повлияла вторая вакцина. Препарат, атакующий ее яичники, как будто сам по себе перепрограммировался и устремился вслед за более совершенными «братьями». То, что было нашей бедой – впоследствии стало спасением. Как показали дальнейшие исследования, дозировка введенного мною лекарства была недостаточной. И если бы не введенный еще в младенчестве яд... Я бы ее потерял.

– Хочу... Очень хочу, любимый.

Нана взяла мою руку и положила ее на свой плоский живот. Она не произнесла ни звука. Но ее глаза... они все сказали без слов, заставляя мое сердце сладко и мучительно сжи-

маться. Я обнял жену. Коснулся лицом ее ароматных волос, ощущая всеми нервными окончаниями, как все вокруг наполняет любовь. Чудо, которому все подвластно.